

Т ()

і ; і

і і і і

и

о благодатном совершенстве
и добродетелях Богоматери
о подражании добродетели Богоматери,
о благоговейном почитании и прославлении Е

Митрополит Филарет (Дроздов)

Слава Богоматери

Учение

о благодатном совершенстве

и добродетелях Богоматери

о подражании добродетели Богоматери

о благоговейном почитании

и прославлении Ея

"СЛАВА БОГОМАТЕРИ"

УЧЕНИЕ

1.

О БЛАГОДАТНОМ СОВЕРШЕНСТВЕ
И ДОБРОДЕТЕЛЯХ БОГОМАТЕРИ

2.

О ПОДРАЖАНИИ ДОБРОДЕТЕЛИ БОГОМАТЕРИ,
О БЛАГОГОВЕЙНОМ ПОЧИТАНИИ И ПРОСЛАВЛЕНИИ ЕЯ

ПО ИЗЪЯСНЕНИЮ ФИЛАРЕТА
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО В ПРОПОВЕДЯХ ЕГО

ISBN 5-85-997-016-1

Предисловие

*Поминайте наставников ваших,
которые проповедывали вам
спасительное слово Божие* **Евр. 13, 7.**

*Предосудительно было бы для нас,
если бы мы не только сами
не подвизались, но и готовых чужих,
а нам полезных трудов ленились бы
возвестить словом или писанием.*

**Сочинения Платона Митрополита Московского;
издан. 1782 г., том десятый, стран. 288.**

Митрополит Московский Филарет 62 года неумолчно проповедывал в Церкви слово Божие, и из них 50 лет в архиерейском сане. Счисление это мы начинаем с первого печатного его Слова, произнесенного 12 января 1806 года в Троицко-Сергиевой Лавре; каковое Слово, вместе с другим, произнесенным в великий Пяток того же года, было напечатано по распоряжению Митрополита Платона и за его одобрением. Сохранилась запись, что на подлинном экземпляре этих проповедей Митрополитом Платоном надписано было так: Prox, linguae hebraicae et graecae praeceptor! Prox, Memento: Prox, cum novimus te, esse in Laurensi Seminario principem praeconum! (то есть: Пре-

красно, учитель еврейского и греческого языка! Прекрасно: Заметь: Прекрасно, так как мы считаем (знаем) тебя за первого из проповедников в Лаврской Семинарии*).

Биограф Митрополита Платона профессор Снегирев, пользовавшийся особенною приязнью этого святителя, свидетельствует, что когда он — профессор выразил недоумение, почему славнейший и беспримерный дотоле в России Церковный вития и придворный проповедник (Платон) так отменно одобряет и превозносит начальные и как бы только пробные проповеднические труды учителя Лаврской Семинарии (Филарета), то святитель Платон о себе сказал, что он сам говорит языком человеческим, а о Филарете сказал, что он говорит языком *ангельским*. Да будет позволено сказать и сие. Народный русский поэт Пушкин, в ответном стихотворении своем на стихотворение Митрополита Филарета: "Жизнь", в благоговейном восторге взывает к нему такими словами:

"И внемлет арфе *Серафима*
В священном ужасе поэт"**.

Если Святитель благоволил, для удобнейшего или успешнейшего вразумления, беседовать с Поэтом на его собственном языке: то и благоговейный отзыв Поэта о слове Святителя заслуживает внимания. Во всяком случае, восторженный отзыв Поэта служит свидетельством или подтверждением того, что в слове Митрополита Филарета преизобилует возвышеннейший и чистейший

* См. посмертное (1873 г.) издание сочинений Митрополита Филарета, том 1-й, стр. 117—127.

** Пушкина стансы 19 генв. 1830 г. — См. в журнале Министер. Народн. Просвещения за 1868 г. № 1-й статью профес. Сухомлинова. "Из бумаг покойного Митр. Филарета". — Анненкова т. 2-й, стр. 535, примечание.

поэтический элемент или поэтическое свойство, — как и в слове от юности любимого им духовного поэта, великого Отца Церкви и Учителя вселенной, святого Григория Богослова.

Оба приведенные отзыва, без сомнения, имеют в виду не один только собственно язык или слово, как внешнее чувственное выражение мысли и духовных созерцаний; но несомненно также, что они говорят и о самом языке как выражении мысли.

В *"Речи о судьбах богословской науки в России"*, произнесенной при торжественном праздновании 50-летнего юбилея Киевской духовной Академии в 1869 году, читаем следующее:

"Полвека властвовал над духовенством, школой и наукой, своим авторитетом и влиянием своих творений, покойный Митрополит Московский Филарет. Его богатый ум вмещал в себе все разнообразие интересов, какие связаны с судьбою духовного просвещения и богословской науки, а сильная и острая мысль умела указывать общим представлением то, чего они искали. Ни одно литературное явление не было обойдено его вниманием; всякий текущий вопрос вызывал его суждение, которое и не быв записано расходилось в кругах интересовавшихся духовною наукой. А для более важных случайных запросов времени он давал сильные мыслию писания, как показывают *Разговоры между испытывающим и уверенным*, направленные к изобличению западного иноверия, вторгавшегося в высшее русское общество в первой четверти нашего столетия, и *Беседы к глаголемому старообрядцу*. Духовной школе он служил специально в первые годы по ее преобразовании. Во время этого служения он в Обо-

зрении богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах наметил широкий состав духовной науки, который со временем получил свое полное, с некоторыми видоизменениями, развитие. Тогда же им представлены и первые образцы научного изложения предметов академической программы — в *Церковно-библейской истории* и *Записках на книгу Бытия*.

При множестве интересов, находивших для себя место в мысли преосвященного Филарета, главная сила его заключается в *строгом и точном определении христианского учения, в православном толковании вселенского догмата, основанном на глубоком проникновении в святыню веры и понимании духа Писания и Церкви*. На этом основании его *Катихизис* сделался *символическою книгой всей восточной Церкви* и ясным выражением мнения всего вселенского Востока. Поэтому же его *Проповеди* будут на долгое время источником и руководством при изложении разных частей христианского догмата**.

В *Проповедях* своих митрополит Филарет оставил нам неисчислимо богатое духовное наследство, которым мы должны воспользоваться для духовного просвещения и обогащения нашего подобно как Катихизисом его духовно воспитываются все поколения России, и не одной России, уже многие десятки лет.

* См. "Труды Киев. духовн. Академии" за Ноябрь и Декабрь (вместе) 1869 г. стр. 192—3. — Многостороннейшее обозрение многостороннейшей святейшей деятельности м. Филарета можно читать в Слове, произнесенном 9 янв. 1883 года в Московском Успенском Соборе при праздновании столетнего юбилея м. Филарета. См. журнал *Душеполезное Чтение* за февр. 1883 г.

Как же пользоваться или воспользоваться Проповедями Филарета?

Очевидно, нужно изучать их; требуется глубокое и всестороннее изучение этих Проповедей.

Но при сознании такого требования сами собою естественно рождаются два недоумения — касательно способов исполнения этого требования.

Первое недоумение возникает при созерцании громадной многочисленности Проповедей Филарета: какое внимание довольно сильно для того, чтобы объять во всей полноте, целости и единстве область духовных созерцаний Филарета о каждом рассматриваемом им предмете? А между тем, для основательного, сознательного и прочного познания предмета необходимо требуется систематическое изучение его, хотя бы в кратчайшей и легчайшей или простейшей системе, — как совершается в человечестве всякое изучение и обучение, восходящее от кратчайшей и легчайшей системы к более сложной и обстоятельной, требующей (и для составления или для усвоения ее) большого труда, большого напряжения мысли. Как же удовлетворить этой потребности? — Нам показалось более легким и удобным, первоначально, изучать проповеди Филарета по частям, по известным отделам более или менее однородным; дабы таким образом, от частных обзоров или сводов удобнее можно было взойти к общему обзору учения.

В таких соображениях, мы — из проповедей м. Филарета, произнесенных им при освящении Храмов, сделали кратчайший свод учения о *Богослужебном храме*; а из проповедей на Царские дни составили кратчайший свод *"Христианского учения о Царской власти и о обя-*

занностях верноподданных”*. Ныне, для “Славы Богоматери”, мы сделали свод учения из проповедей Филарета на Богородичные праздники.

Труд наш состоял, во-первых, в том, чтоб рассеянное по многочисленным проповедям собрать в некую единую систему — для удобнейшего цельного обозрения всего избранного предмета. Другой заботой при этих трудах было: из многого избрать немногое, простейшее, доступное самому простому и, так сказать, младенчеству разумению; дабы, по возможности, не затруднить дела для начинающих изучение. А прошедший начатки учения, и заинтересовавшийся предметом такового, сможет уже сам черпать и большее из самого источника — обильного как море, безпредельного как область света.

Второе недоумение возникает из следующего соображения. Проповеди Митрополита Филарета — по высоте духовных созерцаний, по глубине и тонкости духовного или душевного анализа и по алмазной крепости и блеску логического построения, а соответственно тому и по особенной своеобразности языка или выражения — и до сих пор еще от многих признаются трудными к усвоению, если не к уразумению. Как избежать этих трудностей, чтоб сделать предмет учения по возможности доступным и простому нештудированному пониманию?

Об этом вопросе, то есть о способах упрощения (популяризации) речи Филаретовой могут и, думаем, должны возникнуть пространные и обильные рассуждения.

Вместо этих пространных рассуждений, или прежде

* Эти два трактата напечатаны в журнале “Руководство для сельских пастырей” за юбилейный м. Филарета — 1883 год.

таковых, мы решаем вопрос проще, именно: представляем готовые образцы упрощения речи Филаретовой. Какие образцы? — Поименованные:

"О Богослужебном Храме",

"О Царской власти",

"Слава Богоматери".

Готовые образцы, несомненно, помогут и решению поставленного вопроса, если не положительным образом, то хотя отрицательным, то есть: замеченные несовершенства или недостатки помогут изобретению способов совершеннейших.

Если наш труд и слаб и несовершенен; то мы будем рады и тому, если этот несовершенный труд даст другим по крайней мере идею или повод к составлению иного труда, более достойного славы святителя Филарета и более соответствующего великости и важности предмета учения.

Остается еще сказать два слова о "*Славе Богоматери*". Книгу эту мы сочли существенно необходимым разделить на две части, по следующим соображениям. Чтоб изучить предмет в возможной ясности, необходимо изучить его в неразвлекаемом, ему существенно принадлежащем единстве. Отсюда уже усматриваются или рассматриваются отношения его к другим предметам. Соответственно сему, в первой части нашей книги представляется возможно полное или обстоятельное по содержанию, при возможной краткости или сокращении в изложении, — изображение благодатных совершенств и добродетелей Богоматери, как недостижимое Солнце сияющей на тверди мира нравственного. Во второй части представляется: как это недостижимое Солнце просветительно сияет и живи-

тельно действует в борющемся человеческом мире. Обе же части вместе составляют единое нераздельное целое: потому что одна другой служат необходимым или существенным дополнением и разъяснением.

Источником или материалом к составлению всех трех наших названных трактатов служили: во-первых — *"Слова и Речи м. Филарета"* части первая и вторая издан. 1848 г. и часть третья издан. 1861 г.; эти три книги мы цитируем так: Ч. I; Ч. II; Ч. III; и затем означаем страницу книги; во-вторых — посмертное издание *"Сочинений м. Филарета"* том первый издан. 1873 г. и том второй издан. 1874 года; эти две книги цитируем так: Т. I; Т. II.

П. К.

Часть первая

О благодатном совершенстве и добродетелях Богоматери

Семя Жены сотрет главу змия.

Бытия гл. 3 ст. 15.

Вся слава Дщери Царевы внутрь. Предста Царица одесную Тебе.

Псалом 44 ст. 14. 10.

Отверзу уста моя, и наполнятся Духа: и слово отрыгну Царице-Матери, и явлюся светло торжествуя, и воспою радуясь Тоя чудеса.

Глава первая

§ 1. Божественное предопределение и предвозвещение о Семени Жены — о Приснодевстве Богоматери

Семя Жены соотрет главу змия.

Дело спасительного для человеков воплощения Сына Божия начинается не с Архангельского благовещения Пресвятой Деве Марии. По малой мере человеческой, несколько тысяч лет ожидало это дело согласия Девы, чтобы могло совершиться.

Говорим: по малой мере человеческой; потому что по великой мере Божией дело это идет от самой вечности. Апостол свидетельствует, что *Бог и отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе, избрал нас в Нем прежде сложения мира* (Ефес. 1, 3—4).

Но не нам восходить до такой пренебесной высоты созерцания. Довольно для нас взойти к началу тайны Христовой, открывшемуся в земном раю.

Когда лукавому искустителю удалось прельстить первых человеков и тем разрушить их райское блаженство; когда смерть, прежде возвещенная предохранительно, а потом уполномоченная правосудием, наступала на человека по

следам греха: тогда милосердый в самом правосудии Бог, приостановив ее, благоволил в умирающем уже и погибающем человечестве посеять новое семя жизни и спасения. Чудным образом, в слове осуждения, частию скрыл Он, частию открыл тайну помилования, когда осуждаемому искусителю сказал: *вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между Семенем тоя; Той твою сотрет главу* (Быт. 3, 15).

То есть: ты, дух злобы, мечтаешь, что, прельстив жену, как слабейшую часть человечества, и чрез нее увлекши в преступление и Адама, будешь иметь весь род человеческий твоим всегдашним рабом. Нет! От побежденных тобою человеков возстанет против тебя вражда, противоборство, брань; она продолжится в их потомстве; наконец Тот, Который до времени скрывается под таинственным наименованием *Семени жены*, — *Той твою сотрет главу*, победит тебя решительно, уничтожит твою власть, которая есть область греха и держава смерти, и следственно возвратит человечеству похищенную у него святость и жизнь безопасную от смерти.

К уразумению таинственного наименования *Семени Жены* пролагает путь самая необычайность этого наименования. *Семя*, без сомнения, означает потомство, или определенное лице в потомстве. Но что значит *Семя Жены*? В обычае всего рода человеческого, и особенно в древних родословиях видим, что *семя* или потомство всегда относимо бывает к мужу, а не к жене, и родовое наименование детей или потомков заимствуется от отца или праотца, а не от матери или праматери. На что же указывается необычайным наименованием *Семени Жены*? — Или ни на что, в порядке природы; или на

таинство, которое выше природы; — на рождение, о котором природа спрашивает: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* (Лук. 1, 34), и о котором благодать отвечает: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя* (-35); — на чудесное рождение Сына от жены без мужа, на рождение Христа, Богочеловека, от Девы.

Что Адам уразумел тайну изречения Господня о Семени Жены, это можно примечать из того, что вслед за сим он дал жене своей новое имя, которое было бы совсем неблагоприятно и неуместно, если бы не относилось к этой именно тайне: *и нарече Адама имя жене своей: жизнь, яко та мати всех живущих* (Быт. 3, 20). *Жизнь, мати живущих* — эти имена были бы приличны праматери в состоянии непорочности, потому что тогда она точно рождала бы всех живущих и никого не рождала бы умирающего; но тогда не дано ей этих имен, а названа она была просто женою. К чему же после грехопадения, когда она будет рождать умирающих, будучи притом сама причиною, что смерть будет общим наследием ее потомства, к чему *нарече Адам имя жене своей: жизнь?* Разве в поругание? — Нет, конечно, не в поругание, а вероятнее в утешение себе и ей, смотря на нее сквозь Божие определение о Семени Жены, сокрушающем главу змия. Отцем, думал он, буду и я; но не буду отцем истинной Жизни; Ея матерью предназначено быть жене без мужа; итак, да наречется ей имя: *Жизнь, яко та мати всех живущих*, хотя не сама по себе, но потому что некогда от Евы будет Дева, и от Девы родится Тот, Который есть Истина и Жизнь (Иоан. 14, 6), и Который имеет силу всех умирающих перерождать в присноживущих.

**§ 2. Исполнение этого Божественного
предопределения и предвозвещения, а также и всех
последовавших за ним многократных откровений или
пророчеств, постепенно уяснявших разные
подробности или обстоятельства исполнения сего
предопределения. Приснодевство Богоматери**

Из сказанного выше явствует, что благовещение спасительного для человеков воплощения Сына Божия начато не Архангелом в Назарете, а Самим Богом в раю: ибо там было провозглашено определение Божие о победоносном Семени Жены, о рождении Христа Спасителя от Девы.

Если же Божие определение о воплощении Сына Божия было уже постановлено и даже провозглашено еще в первые дни мира, то почему оно не исполнялось в продолжении столь многих веков? — Не дерзнем приписать себе способности дать на сие полный ответ. *Кто бо разуме ум Господень?* (Рим. 11, 34). Однако не обинуясь можем сказать, что не в Боге причина медленности: *до скорости течет Его слово* (Псал. 147, 4). *Той рече, и быша; Той повеле, и создашася* (Псал. 32, 9). У Вечного всегда все готово; для Всемогущего всегда все возможно, — Но тварь медлит по необходимости, потому что движется в определенных кругах времени, которых ускорить не может. Притом, в твари одаренной свободою, не достает готовности к принятию действия Божия, когда в ее воле недостает соответствия воле Божией. Особенно удно устроить такую готовность в твари падшей и разрушенной, которую нужно возставлять и пересозидать. Таким образом, слово Божие о Спасителе мира, как

молния, блеснуло над человечеством в первые минуты греховного омрачения, и неоднократно просиявало в последующих откровениях (пророческих): но мрак греховный продолжал тяготеть, и — веки и тысячелетия должны были пройти, прежде нежели действительно *Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14) и *Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16). В это долгое время, благословение, которым Бог благословил нас в небесных о Христе, как молниеносный облак носилось над землею, а между тем тайное действие Провидения изыскивало в роде человеческом и уготовляло *благословенную в женах*, которая бы могла своею чистотою божественную молнию привлечь, принять, вместить, удержать, не быв опалена огнем Божества, и таким образом чрез себя существенно усвоить всему человечеству благословение Христово.

Это великое определение вечного совета, эту *тайну сокровенную от веков в Боге* (Ефес. 3, 9) Дух Святы́й издревле открывал Своим тайнникам — Пророкам, а чрез них и всему человечеству — потолику поколику ее постепенно возрастающее разумевание долженствовало соответствовать и споспешествовать ее постепенному исполнению (осуществлению). Так один из Пророков, видев человечество уже прошедшее дни младенчества и под пестунством закона возраставшее в то исполнение лет, когда оно долженствовало соделаться способным к предуготовленному обручению своему с Божеством и рождению безлетного чада. — представляет Сына Божия царем грядущим на брак и, восприяв на себя лице невестоводителя или друга женихова, как бы с нетерпением убеждает человеческую природу не отдалять более сего блаженного

союза изменою и непокорностию, но предаться ему со всею искренностью и верностию: *слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего; и возжелает царь доброты твоея; зане той есть Господь твой и поклонишися ему* (Псал. 44, 11—12).

За семь веков до Рождества Христова *тайна* эта уже во всей ясности была созерцаема и провозглашена пророческим духом Исаии: *се Дева во чреве приимет, и родит сына, и нарекут имя Ему: Еммануилъ; еже есть сказано: с нами Бог* (Исаии 7, 14. Мф. 1, 23). Как будто на предстоящую пред очами, указывает Исаия на Преблагословенную Деву Марию: *се Дева*, тогда как не только сия Дева, но и родители и прародители Ее еще не произошли на свет. *Се Дева*, говорит он, *во чреве приимет, и родит сына*. Что глаголеши, Пророче? Может ли дева приять во чреве? Может ли родившая пребыть девою? Если даже и сбудется сие: как может быть сие знамением, очевидным, удостоверительным, какое ты предвещаешь: *даст Господь Сам вам знамение?* (Исаии 7, 14). Если ты подлинно видишь сию дочь Давидову, на которую указываешь: *се Дева*, если видишь Ее в отдаленном от родины Давидовой и презренном Назарете, в сиротстве, в убожестве, без всяких знамений царского Ее происхождения, обрученную древоделию: скажи, как *даст Господь сие знамение*, чтоб Она явилась девою рода Давидова, рождающею в доме и отечестве Давидовом, именно по предречению другого Пророка — в Вифлееме?

* О значении и совершенном тождестве имен Иисус и Еммануил см. Ч. 1: 13—14.

Смотрите же, как подлинно *Господь Сам* ответствен за верность слова Пророческого: *Дух Святый найде на Марию, и сила Вышняго осени Ее* (Лук. 1, 35): и Она прияла, во чреве пребывая девою, и соделавшись Материю Сына тем не менее осталась девою. Чтобы не знающие тайны сего зачатия не могли оскорбить Зачавшую, Она обручена была мужу прежде сего зачатия, Иосифу; чтоб он не остался в недоумении, открыть сию тайну и указать сие знамение — послан был Ангел; а для прочих, которые не могли видеть и слышать Ангелов, не менее Ангела верным свидетелем знамения и вестником тайны был самый Иосиф — всем известный как *праведный* (Мф. 1, 19), который потому не мог обманывать людей, а тем более не мог клеветать на Бога и на Духа Святого. Но как сделать, чтобы знамение, уже открывшееся в языческом почти *Назарете*, дано было, по предречению Исаии, *дому Давидову* (Исаии 7, 13); то есть, чтобы Дева, Которая по приятии во чреве от Духа Свята и после трехмесячного пребывания в доме родственницы, до последнего времени чревоношения оставалась жить в *Назарете*, не помышляя ни о каком путешествии, ни о каком переселении, — чтоб Она родила Вождя Израилева, по пророчеству Михея, *в Вифлееме* (Мих. 5, 2)? — Подлинно, здесь, как намекает опять Исаия, *труд дан Господеву* (Исаии 7, 13), то есть, надлежало произвести трудные, по человеческому понятию, и необъятные дела, чтобы предсказанное знамение совершилось. Дабы Марию, живущую в доме Иосифа, привести из Назарета в Вифлеем и достоверно и торжественно показать происхождение Сына Ея от Давида,

для этого средством избрана всенародная перепись; но как такая перепись в народе Божиим не была в употреблении и даже запрещена была законом, то надобно было народ Божий предать власти другого народа. Для сего Бог поколебал почти все царства мира и покорил их Риму; над Римом воцарил Августа; Августу дал всемирный мир, чтоб полномочие и удобство подали ему мысль и чтоб от него вышло *повеление написать всю вселенную* (Лук. 2, 1) пред тем временем, как надлежало родиться Сыну Девы; эта перепись сколь нечаянно, столь же необходимо повлекла Иосифа в отечественный ему город Вифлеем; Мария должна была следовать за Иосифом; таким образом земной род Еммануила открылся в то самое время, как приспело Его рождение; и, — что немногими днями ранее казалось несбыточным, — Он родился именно в Вифлееме.

Подлинно все сделано, чтоб исполнилось предсказание, и чтоб сквозь малые и великие дела человеческие видно было единое великое знамение господствующего над ними дела Божия, как замечает Евангелист: *сие же все бысть, да сбудется реченное от Господа пророком глаголющим: се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказанное, с нами Бог* (Мф. 1, 22—3).

Благоговейно приникая в тайну воплощения Бога Слова, да поет всякая душа христианская, вместе с Церковью Христовою: *Чистую славно почитим, людие, Богородицу, огнь Божества приимишую во чреве неопально.*

Принесем справедливую дань благоговейного и радостного удивления благословенной в женах Пресвятой Деве Марии, Которая к высочайшему из благословений Божи-

их, над Нею явившемуся, обрелась в совершенстве уготованною и тем споспешествовала совершению (исполнению) столь долго предуготовляемого, призываемого ожидаемого спасительного для нас воплощения Сына Божия.

Ч. I; 12—13, 179—80. — Ч. III;

65. — Т. I; 204—5.

Глава вторая

§ 1. Духовное совершенство Богоматери

Не много нужно труда для изъяснения того, что нравственное достоинство Богоматери должно признавать безмерно высоким. Это видно само собою из достоинства служения, в которое Она избрана и возведена. Потому что если бы нашлась добродетель выше, нежели Ея: то была бы несообразность в том, что Она преимущественно избрана быть жилищем, престолом, Материю Бога Слова. Но в судьбах и делах Божиих несообразности быть не может. Следственно, как верно то, что Мария есть *благословенная в женах*, то есть благословенная высочайшим благословением пред всеми прочими женами: так верно и то, что добродетель Ея есть высочайшая, чистейшая, совершеннейшая; хотя, впрочем, Она чиста и совершенна помощью Того же Христа, Который соделался наградю Ея чистоты и совершенства.

Если Дева Мария удостоена высочайшего избрания — по благодати Божией; то равномерно и по правде Божией. Превыше всех вознесена Она избранием: потому что превыше всех явилась достойною избрания.

Для избрания быть Матерью Господа требовалось в Избираемой высочайшее, возможное на земле достоинство, совершенство.

Ч. I; 145, 153, 193.

§ 2. Пророчество о благодатном совершенстве Богоматери

Вся слава Дщери Царевы внутрь.
Псал. 44, 14.

В одном из самых высоких и таинственных псалмов, названном "*Песнию о возлюбленном*", именно в 44-м дух Пророческий изображает Царя: *глаголю аз дела моя Царевы*. Но в этом изображении полагает частию такие черты, которые могут относиться к совершенству человеческого, как сия черта: *красен добротою паче сынов человеческих*; а частию такие, которые не могут принадлежать никакому земному царю и которые безмерно выше всякого совершенства человеческого, какова следующая черта: *престол Твой, Боже, в веке века*. Сколько бы мы ни изыскивали, с кого списан этот пророческий образ, не найдем сего нигде как только в лице Иисуса Христа, Который, как человек, *красен добротою паче сынов человеческих*, потому что в Нем одно естество человеческое безгрешно; — Который, как Бог, царствует от века, и как Богочеловек *воцарился* так, что *царствию Его не будет конца* (Лук. 1, 33).

В том же Псалме дух пророческий изображает Царицу Дщерь Цареву, Которая приближается к изображенному

выше Царю и предстоит одесную Его: *предста Царица одесную Тебе*. В изображении этой Царицы есть также необыкновенная черта, следующая: *вся слава Дщере Царевы внутри*. Что же необыкновенного в этой черте? — У нас обыкновенно бывает так, что то, что заключено *внутри*, мы называем сокровенностью или тайною; а славою называем обыкновенно нечто такое, что вне открыто и для всех явно*. Но, вопреки такому нашему обыкновению, пророческий дух велит искать *всей славы внутри*, и по этой черте узнавать Дщерь Цареву, Которую он прославляет. Кто же есть сия, пророчески созерцаемая Царица? — Хотя бы мы, для узнания сего не имели иного средства, как искать во всем роде человеческого лица, сходного с этим изображением, — без многого труда и без недоумения можем найти означенные черты пророческого изображения несравненным светом сияющая в лице Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Именно: Она — *Дщерь Царева*, по родословию от царя Давида; — *Дщерь Царя Небесного*, Бога, потому что осенена Духом Святым; — *Царица и Дщерь Царева* вместе, потому что Она есть и Матерь Царя и Дева; по окончании земного поприща Своего Она возшла от земли на небо, чтоб предстать одесную Царя — Христа и, в соответствие с достоинством Матери Его, воспринять достоинство Царицы Небесной. Она имеет *всю славу*, какой только может достигнуть сотворенное существо: потому что Она Матерь Царя славы, Матерь Бога Сына, по сему безпримерному достоинству честней-

* "Слава есть откровение, явление, отражение, облачение внутренних совершенств". Ч. I; 4.

шая Херувимов. Но *вся слава Ея внутри*: потому что заключается не во внешнем блеске и великолепии, а во внутренних совершенствах и добродетелях, и потому что Пресвятая Дева во все житие Свое на земли смирением заключала Свою славу в Своем сердце и удерживала от проявления.

Ч. III; 31, 61—2.

Глава третья

О ВОСПИТАНИИ БОГОМАТЕРИ

§ 1. Введение во Храм Пресвятыя Богородицы

Введение во Храм и посвящение Богу младенчествующей Богоневесты есть некий начаток обручения Ея Святому Духу, а в лице Ея и первый залог обручения всего человечества Божеству. Правда, что тайна эта еще глубоко долженствовала быть в Ней сокрыта в то время, подобно как цвет в своем семени; но Провидение, дабы показать непогрешительность путей Своих, нередко предваряет существенные Свои действия некоторыми знаменательными событиями, вразумляющими о будущем; и благочестивое предание говорит, что при самом введении Пресвятыя Девы в Храм Она была уже оглашена оными пророческими словами: *Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего: и возжелает царь доброты твоя; зане той есть Господь твой; и поклонишися Ему.*

Дщери праведных Иоакима и Анны, Деве Марии судьбою Божиею предопределено было соделаться Материю

воплощаемого Сына Божия, — предопределено по безпримерной благодати Божией, но также и по безпримерному достоинству и чистоте Избираемой в это служение. Спрашивается: как же сохранена Ея чистота, более нежели Ангельская? как возвращено Ея достоинство, выше нежели небесное? — При помощи Ея воспитания и пребывания в Храме — до самого Ея обручения праведному Иосифу, почти до самого благовещения Архангелова. Итак, Храм Божий был воспитателем, хранителем, украшителем, невестоводителем Матери Божией*.

Т. I; 205. — Ч. III; 160.

§ 2. О посте Богоматери

Что значит, что во время пребывания Пресвятой Девы Марии при храме Иерусалимском, как сказует благочестивое предание, Ангел приносил Ей пищу? *Служебнии дуси, в служение посылаемые за хотящих наследовати спасение* (Евр. 1, 14), не посылаются с светлого неба на эту темную землю без нужды. Непостящийся, без сомнения, сам позаботится для себя о пище — не только необходимой, но и обильной и приятной, и потому не требует Ангельского попечения. Но кто, пренебрегая и отвергая требования плоти, приближается к жительству безплотных, к тому и безплотные взаимно приближаются

* Священное предание о обстоятельствах рождения и о воспитании Пресвятой Девы Марии можно читать в Четь-Минях Святителя Димитрия Ростовского 9 Сентября в житии святых праведных Богоотцев Иоакима и Анны; 21 Ноября — Введение во Храм Пресвятыя Богородицы; 25 Марта — Слово на Благовещение Пресвятыя Богородицы.

и, дабы подвиг поста не преступил за пределы, полагаемые немощию телесной природы, когда нужно, приходят напомнить подвижнику, что время помочь телу, и предлагают готовую сверхъестественную пищу, вместо неготовой естественной. Таким образом, питание Пресвятой Девы Ангелом свидетельствует о Ея упражнении в посте. Предание, известное нам чрез блаженного Иеронима и Святителя Димитрия, определяет даже с подробностью, как располагала Пресвятая Дева свой день, и когда прекращался ежедневный Ея пост: "От утра даже до третьяго часа дне стояше на молитве: от третьяго же даже до девятаго в рукоделии или чтении книг упраздняшеся; от десятого же часа паки начинаше Свою молитву, от неяже не преставаше, дондеже являшеся Ей Ангел, от егоже руку пищу взимати обыче" (Четь-Мин. Ноябр. 21).

Ч. I; 173—4.

§ 3. О благоговейном и глубоком изучении слова Божия — Священного Писания

Из священного предания мы знаем, что Пресвятая Дева Мария, еще прежде благовещения Архангелова, читала и уразумела пророчество Исаии: *се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил*. Этот пример определительно дает знать о Пресвятой Деве то, что и Евангельские о Ней сказания дают разумеать, именно, что дух Ея благовременно был напитан чтением Божественного Писания, и не только млеком, но и крепкою пищею Божественной мудрости.

Т. II; 370.

Глава четвертая

ВЫСОЧАЙШАЯ СТЕПЕНЬ ВЕРЫ БОГОМАТЕРИ

Блаженна веровавшая, яко будет совершение глаголаннѣмъ ей отъ Господа (Лук. 1, 45).

В какой тишине, какое великое событие совершилось в день Благовещения Пресвятой Деве Марии*!

Один из ближайших к престолу Вседержителя, Архангел Гавриил, *повеленное тайно приемъ в разуме*, пролетаетъ сквозь все девять чинов Ангельскихъ, отъ вышнего до нижнего неба, и стремится къ земле. Небожители смотрятъ и не постигаютъ, что происходитъ: *желаютъ Ангелы приникнути* (1 Петр. 1, 12). Куда онъ? Не на Синай ли, къ законодателю Моисею съ новымъ откровениемъ? — Но Синай уже не блистаетъ и не гремитъ, и Моисей уже не там; онъ совершилъ и увенчалъ свое дѣло, когда сказалъ и написалъ:

* Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы есть препослание отъ Бога и прине­сене Архангеломъ Гаврииломъ Пресвятой Девѣ Маріи благой вѣсти, что въ Неѣ совершится воплощеніе Сына Божія и отъ Неѣ родится Христосъ. Ч. III; 51.

Пророка от братии твоея, якоже мене, возставит тебе Господь Бог твой: Того послушайте (Второз. 18, 15). — Не в Иерусалим ли, не в Храм ли тамошний, с чудесным облаком к квиоту Божественных скрижалей, или с небесным огнем на жертву? Но и кивота этого там уже нет. Теперь идет дело о том, чтобы устроить одушевленный Кивот Ипостасному Слову Божию. Куда же Архангел? — В неславный Назарет, в малую храмину, к бедной Деве, немногим только известной тем, что Она необыкновенно любит Бога и девство. Она одна слышит, что говорит Ей Архангел; одна знает это после его беседы: и верный хранитель Ея праведный Иосиф не знает, что совершилось. А что совершилось? — Предвечное определение Божие о спасении падшего рода человеческого приведено в действие; *смотрение тайны сокровенныя от веков в Боге*, непостижимой и Ангелам, открыто Дщери человеческой, конечно не к постижению, но и не к верованию только, а к самому исполнению чрез Нее: и Ея вера возмогла вместить невместимое и для Ангельских умов!

После первого, возвышенного, но еще не определенного приветствия Пресвятой Деве: *"Радуйся, благодатная: Господь с Тобою; благословенна Ты в женах"*, Ангел усмотрел, что Она в страхе. *Не бойся Мариам*, сказал он. Почему же, в то самое время как старался освободить Ее от страха, он продолжал говорить Ей то, что еще более изумительно и страшно, и чего провозглашение, по-видимому, могло быть отсрочено? Почему не только возвестил он, что Она пребывая Девой, родит Сына, каковое возвешение и было целью его посольства; но еще присовокупил, что Сей Сын будет Великий, Сын Вышнего, Спаси-

тель, Царь, и притом Царь такого царства, которому не будет конца? — Необходимо это было по тому закону, по которому действует вера, который и нам известен из следующих слов Христовых: *еже аще что можеши веровати, вся возможна верующему* (Марк. 9, 23). Посему и Препоблагословенной Мариами точно столько было возможно, сколько могла Она веровать. Итак, чтоб Ей возможно было родить Богочеловека, Спасителя, Царя вечного царства, — для этого нужно было, чтоб Она предварительно услышала и уверовала, что Она должна родить Богочеловека, Спасителя, Царя вечного царства.

Если праведная Сарра предвстие о рождении от нея Исаака, хотя необыкновенном, однако не сверхъестественном, приняла с замешательством (Быт. 18, 15); если, при подобном предвстии о рождении Предтечи Господня, праведный Захария не верил и требовал знамения (Лук. 1, 18): то koliko выше самых праведников является Пресвятая Дева Мария, когда благовещение о рождении от Нея Христа — Спасителя, Сына Божия, сверхъестественном, непостижимом, Божественном, приемлет без замешательства, без недоверия! Прежде благовещения, при начале небесного явления, *Она смутилась* (Лук. 1, 29) на несколько мгновений и остановилась в размышлении: может быть, потому, что не тотчас узнала Небесного Вестника; может быть, потому, что дала место духовному правилу, и нам предписанному, чтоб *искушать духи аще от Бога суть* (1 Иоан. 4, 1); может быть, потому, что затруднена была необычайным приветствием, хотя впрочем смущение пред высокою похвалою не есть недостаток достоинства. Но, что весьма дивно, — когда Она

услышала несравненно более высокие и непостижимые слова благовещения: *Дух Святый найдет на тя; зачнешь во чреве и родиши Сына; рождаемое свято нарежется Сын Божий; царствию Его не будет конца* (Лук. 1, 31—35): тогда уже нет смущения. Велия тайна не возбуждает Ея к испытанию, и неиспытанность тайны не останавливает Ея в принятии таинственного благовещения. Безпримерно высокое назначение не возьмет Ея из глубины Ея смирения: призванная быть Матерью Господа видит себя, как и прежде, только рабою Господнею. С другой стороны, Ея глубоко смиренное о себе мнение не препятствует Ей веровать безпримерно высокому назначению. Не видно даже никакой борьбы между этими перекрестными направлениями, никакого колебания мыслей и чувствований. Как чистая и тихая вода тихо и чисто приемлет свет солнца и отвечает ему своим отсветом: так душа Пресвятой Девы тихо и чисто приемлет слово Божественного откровения и отвечает ему словом послушания: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему* (-38).

Почудимся сей безпримерно высокой вере Пресвятыя Девы, — вере, пред которою самого отца верующих, Авраама, вера предречению о рождении Исаака от престарелого неплодства есть меньше нежели зерно горюшно пред кедром ливанским. Благоговейно и радостно возблагодарим Преблагословенную Мариам за то, что Она имела такую веру, без которой мы не имели бы Христа — Спасителя и Царя, обещающего и нам царствие небесное и вечное.

Воистину благословенна в женах единственная Пресвятая Дева, Которая представила Себя достойным приятелем

лицем и хранилищем пришедшей с небес тайне, дабы таковая не обратилась от земли вспять, как наполненный сокровищами корабль от берега, не имеющего пристани.

Ч. I; 148, 180. — Ч. III; 34, 46.

Глава пятая

ПОСЛУШАНИЕ ВЕРЫ БОГОМАТЕРИ

Слыши дщи и виждь и преклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего; и возжелает Царь доброты твоя: зане той есть Господь твой; и поклониишися ему.

Рече Мариам: се раба Господня: буди мне по глаголу твоему. Вот слова земные, но которые, подобно небесным, чище искушенного сребра, вожделеннее золота, ценнее драгоценных камней! Вот сокровище, которого пять тысяч лет небеса искали на земле, и которое открыть послан был один из ближайших предстоятелей небесного Престола!

Подлинно, Архангел Гавриил не только принес Деве Марии слово Божественного благовещения; но и взыскал услышать от Нея слово соответствия. Когда он произнес только слово приветствия: *радуйся, благодатная: Господь с тобою; благословенна ты в женах*: то благовещение о Спасителе мира почти уже совершилось; потому что этим ознаменована и указана Матерь Господня. Но как Дева смутилась и, размышляя, молчала; то Архан-

гел продолжил и усилил слово благовещения: родиши Сына; Сей будет велий и Сын Вышняго наречется; царствию Его не будет конца. Теперь благовещение со стороны Архангела решительно совершилось: однако он еще не считает дела своего посольства конченным, потому что не то, которого ждет, слышит слово: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* Наконец, он разрешает этот вопрос: *Дух Святый найдет на тя*, и получает взыскуемый ответ: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*. И вот искомое сокровище открыто. Радостным благовещением от неба приобретено благовещение от земли небу, взаимно вожделенное. Теперь небесное посольство совершенно достигло своей цели. *И отъиде от нея Ангел.*

(По другому выражению). Если бы требовалось только передать вестъ, то от Архангела довольно было бы двух слов: родиши Христа. Между тем дело совершилось не так.

Архангел приблизился к Пресвятой Деве с приветствием: *радуйся благодатная: Господь с тобою; благословенна ты в женах*. Приветствие величественное, но не определенное; располагающее к ожиданию чудесного, но неизвестно чего. Пресвятая Дева, знакомая со Священным Писанием, могла вспомнить, что когда к Гедону Ангел приступил с приветствием: *"Господь с тобою"* (Суд. 6, 12), то этим приготавливал его к делам чудесным и к спасению народа Израильского от врагов. Она *смутилась*, как повествует Евангелист, не смущением сомнения, или неверия, но смущением смиренного чувства пред высокою нечаянностью. Светлый дух Архангела усмотрел это чувство и поспешил возвратить душе Пресвятой

Девы мир и тишину, потребные для принятия сильнейшего духовного света: *не бойся, Мариам, сказал он, обрела бо еси благодать от Бога. За сим, в сердце Пресвятой Девы, как в сосуд уготованный и открытый, Небесный Вестник изливает Божественный свет полною мерою: се зачнеши во чреве и родиши Сына; Сей будет велий и Сына Вышняго наречется; воцарится в дому Иаковли во веки и царствию Его не будет конца.* Сим образом, великая воля Отца Небесного возвещена: таинство воплощения Сына Божия открыто: однако и теперь еще благовещение не вполне совершилось. В душе Пресвятой Девы возникает вопрос; и Архангел не смеет удалиться, пока не разрешит его; потому что вопрос рождается не от недоверия, не от пытливости, но от владычествующей любви к чистоте девства, и потому что сия-то владычественная любовь к совершенной чистоте и должна быть приятелищем таинственного воплощения Бога Слова. Эта любовь к совершенной чистоте изрекла себя в вопросе Мариами: *како будет сие, идеже мужа не знаю*, и привлекла Ей новый поток Божественного света и силы в слове Архангела: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя.* Что может быть сильнее этого слова? Однако, и сие произнесши, Архангел еще не считает дела посольства своего совершившимся; он ожидает еще некоего слова от Мариами. Видно, не довольно было того, чтоб Она безпрекословно приняла небесную весть; надобно было, чтобы с словом Божественного благовестия обручилось слово Ея согласия. Для достижения сего, Архангел указывает Ей на событие, хотя далеко низшее, однако также только посредством чуда Божия возможное, именно на то, что праведная

Елисавета, неплодная, престарелая, зачала уже сына; ука-
зывает и вообще на чудодейственное всемогущество Бо-
жие: *яко не изнеможет у Бога всяк глагол*. Так,
наконец, смиренная воля Мариами подвигнута в сретение
всевышней воле Божией: *и рече Мариам: се раба Гос-
подня, буди мне по глаголу твоему*. Теперь, видно,
Гавриил удостоверился, что дело предвечного совета, ему
вверенное, вполне совершилось: *и отъиде от нея Ангел*.

Что ж это значит? что значит, что воплощение Сына
Божия предваряется небесным благовещением, и что это
благовещение не только изрекается вседержавною волею
Господа, но и взыскует соизволения рабы Его? Разве
Вседержитель не властен действовать не предваряя и не
ожидая соизволения? Для чего так нужны были небу эти
земные слова: *се раба Господня: буди мне по глаголу
твоему*? — Нужно это было и для достоинства Матери
Господней, и для самого дела воплощения Бога Слова.

Внимайте!

Никто не станет сомневаться в том, что для избрания
быть Материю Господа требовалось в Избираемой высо-
чайшее, возможное на земле достоинство, совершенство.
Но в чем состоять может достоинство существа разум-
ного и свободного, если не в чистых и возвышенных
воззрениях ума и движениях свободной воли? И потому
надлежало дать им место, чтоб основалось, утвердилось и,
к утешению и назиданию нашему, открылось в Деве
Марии высокое достоинство Матери Господней. Так: Ея
смущение от высокого Архангелова приветствия было
движением души глубоко смиренной; удержание этого
смущения в молчаливом размышлении знаменовало муд-
рость, твердость и спокойное величие духа; в вопросе:

како будет сие, идеже мужа не знаю? выразилась неизменная любовь к чистоте девства; наконец, в решительном изречении: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*, — изрекло себя *послушание веры*.

Если, как учит Апостол, *верою вселяется в сердца Христос* (Ефес. 3, 17) уже приблизившийся к человечеству и приобщившийся оного воплощением: то koliko превосходнейшая и крепчайшая вера потребна была Деве Марии, дабы первоначально воплощением вселился в Нее Сын Божий, тоliko еще не близкий к человечеству — и по недоступной ни для какой твари высоте Своего Божества, и по причине средостения, каковое грех поставил между Божеством и падшим человечеством. И обрелась в Ней такая вера, и соделала для Ней возможным чистое и совершенное послушание, призыванию непостижимому — послушание без сомнения, призыванию безмерно высокому — послушание без превозношения. И это послушание преклонило душу Ея под осенение Духа Святого, соединило волю Ея с волею Божиею, отверзло сердце Ея для входа силы Вышнего; и — Вечный свет снисшел и засветил в Ней жизнь, новую не только для земли, но и для неба, небесную в земной, вечную во временной, Божественную в человеческой, всеоживляющую в умирающей; Сын Божий, собезначальный Отцу по Божеству, не оставляя престола Его, зачался на земли, по человечеству, яко младенец. И — Слово плоть бысть, и вселился в ны (Иоан. 1, 14) и становится отныне, если позволительно сказать это — не в духе превозношения, но в удивлении неизреченному снисхождению, — становится отныне ближе к нам человекам, нежели к Ангелам: ибо естество Ангельское только приближается к Нему, а ес-

тество человеческое находится уже в единстве Ипостаси Его: *не от Ангел бо воистину приемлет, но от семени Авраамова приемлет* (Евр. 2, 16).

(По другому выражению). Когда Архангел сказал Деве: *се зачнеши во чреве; Дух Святый найдет на тя;* и когда Дева ответствовала: *се раба Господня, буди мне по глаголу твоему:* то в это мгновение, посредством этих самых слов, земля обручилась с небом, человечество с Божеством; и в следствие этого Безначальный зачался, *Слово плоть бысть*; Сын Божий соделался сыном человеческим, не преставая быть Сыном Божиим; Дева соделалась небом и престолом Божества, и в Ней положено уже не обетованное только, но действительное начало нашего спасения и блаженства.

Дивна дела Твоя, Господи! Дивны тайны Твои, Богородице!

Ч. I; 153—4. — Ч. III; 35, 45—6, 51—2.

Глава шестая

ПРЕДАННОСТЬ БОГУ

Рече Мариам: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*. Не великие, по-видимому, слова, но великое дело в них заключается, которое должно возбудить все внимание каждого мыслящего. — В дни творения мира, когда Бог изрекал Свое живое и мощное: *да будет*, слово Творца производило в мир твари; а в этот безпримерный в бытии мира день (день Благовещения), когда Божественная Мариам изрекла Свое кроткое и послушное: *буди*, едва дерзаю выговорить, что тогда соделалось: слово твари низводит в мир Творца! И здесь Бог изрекает Свое слово: *зачнеши во чреве и родиши Сына, Сей будет великий, воцарится в дому Иаковли во веки*; но, что опять дивно и непостижимо, — самое слово Божие медлит действовать, удерживаясь словом Мариам: *как будет сие?* Потребно было Ея смиренное: *буди*, чтобы воздействовало Божие величественное: *да будет*. Что ж за сокровенная сила заключается в этих простых словах: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему*, и производит столь необычайное действие? — Эта чудная сила

есть чистейшая и совершенная *преданность* Мариами Богу — волею, мыслию, душою, всем существом, всякою способностью, всяким действием, всякою надеждою и ожиданием.

Ч. I; 157.

Глава седьмая

О СМУЩЕНИИ, И О МОЛИТВЕННОМ РАЗМЫШЛЕНИИ — КАК СРЕДСТВЕ ПРОТИВ СМУЩЕНИЯ. ДУХОВНАЯ МУДРОСТЬ БОГОМАТЕРИ

Она же, увидев его, смутилась от слов его, и размышляла, что бы это было за приветствие. **Лук. 1, 29;** в русск. переводе.

Кто приводит в смущение Ту, Которая должна быть исполнена мира, как призываемая родить *Мир наш?* (Ефес. 2, 14). Человек ли неприязненного расположения духа? Дух ли неприязни, всегдашний враг мира, потому что сам его не имеет, обыкновенный производитель смущений и смятений, потому что живет в мятеже непрерывном? — Нет! К удивлению, виновник смущения Мариами есть Ангел, мирный служитель Бога мира. Но, может быть, образ, как он явился Ей, имел в себе что-нибудь ужасное? — Нет, и этого не видно; Ангел тихо входит и говорит: *вшед к ней Ангел, рече.* От чего же Она смутилась? — *Смутися о словеси его.* Но разве слово

это было грозно? — Напротив, оно было слово радости и благословения: *радуйся, благодатная: Господь с тобою, благословенна ты в женах.*

Углубимся несколько в разумение этого Ангельского приветствия, чтобы понять причину смущения Мариина.

До сих пор ни один, и особенно ни одна из земнородных не слыхали с небес подобного приветствия. Приметно, что небесные вестники не расточают приветствий: без сомнения потому, что чистой небесной истине также не сродна изысканная ласковость, как и не нужная суровость. — *Мир тебе!* сказал Ангел Господень Гедеону (Суд. 6, 23), по надобности успокоить его: ибо Гедеон, по понятиям своего времени* думал, что видение Ангела будет ему смертоносно. *Господь с тобою!* так приветствовал Ангел Гедеона же (-12), и также по особенной надобности вдохнуть ему силу и бодрость для чудесной победы на врагов и для спасения народа Израильского. Но приветствие: *радуйся!* безпримерно в древних явлениях Ангелов. — Многократно и щедро благословлял Бог Авраама, как, например: *воистину благословляя благословлю тя, и умножая умножу семя твое яко звезды небесныя и яко песок вскрай моря, и наследит семя твое грады супостатов, и благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. 22, 17, 18), и еще: *Авраам бывая будет в язык велик и мног и благословятся о нем вси языцы земнии* (-18, 18). Но не сказано здесь, чтоб Авраам был благословен в мужах, то есть преимущественно пред всеми мужами; а о благословении Сарры,

* Например: Маное, отец Сампсона, по видении Ангела, воскликнул к жене своей: верно, мы умрем; ибо мы видели Бога. Суд. 13, 22.

хотя и она участвовала в произведении на свет благословенного семени, совсем умолчано. Правда, сказал Господь однажды и о Сарре: *благословлю же ю (-17)*: но достойно примечания, что и это краткое благословение изречено не в лице ей, а в отсутствии ея, Аврааму. Видно, так надлежало по судьбам Божиим, чтоб от жены, в которой прежде мужа началась утрата благословения в блаженном раю, долее нежели от мужа таились начатки возвращающегося благословения на сей несчастной земле. — Без сомнения, разумела это Дева Мария как из писанного слова Божия, так и посредством собственного смиренного Богомыслия: и потому, когда услышала, что небесный вестник приветствует Ее не только миром, но и радостью; приписывает Ей благодать не как дар, но как Ея неотъемлемое достояние; возвещает Ей благословение преимущественное пред всеми женами в мире; (или, по другому выражению: "Архангел нарек Деву Марию *благодатною*, то есть исполненною высоких даров Божиих, превышающих естественную доброту, и *благословенною в женах*, что по свойству священного языка значит: благословенною преимущественно пред всеми женами всего рода человеческого): — то спокойная душа Ея от сильных слов духа, как тихая вода от сильного дуновения ветра, по естественной необходимости приходит в движение: *смутися о словеси его*. Нет в этом смущении ничего нечистого; но нет в минуту смущения того душевного спокойствия, которое ему предшествовало. Когда ветер, ударяя в поверхность воды, частию поднимает ее от места ее покоя, тогда и чистая вода трепещет и потому кажется возмущенною: так и душа Марии, хвалебным словом Ангела не только подымлемая из самоуничтожения,

в котором обыкла покоиться, но и возносимая превыше всего сотворенного, — трепетала чистым страхом, и Ея постоянное стремление в глубину смирения, сделавшееся ощутительным от того, что Ее превозносили, обнаружилось в виде смущения.

Видим, как и святая и безстрастная душа входит в смущение; посмотрим: остается ли она в нем, и как из него выходит.

Смутилась от слов его, и размышляла, что бы это было за приветствие.

Когда в какой душе происшедшее смущение продолжается, усиливается, берет решительный перевес над спокойствием: тогда мы слышим нетерпеливые слова, замечаем неправильные движения, видим беспорядочные действия. Ничего такого не оказалось в Пресвятой Деве Марии. Смущение не подвигло Ее никакому действию; не исторгло у Нея ни единого слова. Из этого видно, что в смущении, в которое Она вошла по невольной, естественной необходимости, ни минуты не оставалась Она по произволу; но, как скоро ощутила Себя в оном, тотчас обратилась, чтобы выдти из него; и первым средством против смущения употребила молчание.

Другое средство, какое Премудрая Дева употребила против смущения, было размышление: *размышляла, что бы это было за приветствие.* Евангелист не излагает подробно, в чем состояли эти размышления, — без сомнения чистые как Ея душа, возвышенные как Ея дух, сильные как данная Ей благодать; и потому мы можем только гаданием постигать то. Что сотворю? помышляла Она, вероятно. Прииму ли необыкновенное приветствие? — Но, страшусь, да не вменится мне сие в превоз-

ношение. Отвергну ли? — Но, страшусь, да не оскорблю неверованием не только Божия посланника, но и Самого Пославшего. Пожду в безмолвии, что далее явит Господь*. Так, Она и не приняла высокого приветствия, и тем сохранила Свое смирение; но и не отвергла, и тем сохранила Свою веру. А сохраняя веру и смирение, Она сохранила то чистое расположение духа, которое содействовало Ее способною к принятию высочайшего откровения Божия. И если, чтобы довершить возстановление внутреннего мира Пресвятой Девы, нужно было успокаивающее слово Ангела: *не бойся*; то для приготовления к новому принятию слов Ангельских не менее нужно было Ея собственное успокаивающее размышление, одушевляемое и молитвою, как из известного постоянного расположения духа Ея без сомнения заключить должно. Небесное влияние приносит совершенный мир душе: но только твердая против внутренних и внешних обуреваний душа, восходящая от основательного размышления к Богомыслию, спо-

* Вслушайтесь внимательно в молчание Пресвятой Девы пред благоговествующим Ангелом: и вы найдете это молчание столь же премудрым, как премудрое слово. Если бы Мариам поспешила отвечать на хвалебное приветствие Ангела без отрицания слышимой хвалы: это было бы утверждение и принятие хвалы, и было бы тяжело для Девы — в отношении к Ея смирению. Если же бы Она отвечала с прекословием, то это могло быть оскорблением небесному Вестнику. От того и другого затруднения охранилась Она скрывшись от слова в молчание, и в молчании прибегнув к размышлению: *размышляла, что бы это было за приветствие?* Что значит необычайное приветствие? Как поступить с приветствием, которое трудно и страшно принять, и также трудно и страшно отвергнуть? Если это от Бога приходит слово: то не явит ли Он знамения, прекращающего смущение и страх, и разрешающего недоумение? — Знамение действительно явилось в том, что на глубокомысленное молчание Пресвятой Девы, как бы на внятное слово, Ангелом дан сообразный ответ: *не бойся, Мариамъ*. Из этого познала Она, что Бог открыл Ангелу Ея внутреннее состояние и послал Ей слово успокоения; и что следственно, с спокойствием и верою должно внимать дальнейшему провещанию Ангела. Ч. III; 346.

собна принимать высокие и обильные влияния небесные.

При постигшей нечаянности, и нечаянности, приводящей в смущение, не увлечься этим смущением и не допустить себя поколебаться до основания духа; не предаться ни робости, ни торопливости, ни отважности; не превознестись, когда превозносят; закрываться от предстоящей славы покровом смирения, и в то же время уметь самое смирение закрывать от других и от себя молчанием, чтобы в смиренном слове не выдыхался дух смирения; против внезапного смущения иметь в готовности врачевство спокойного молитвенного размышления: к какому началу должно отнести эти расположения и действие духа Мариина, как не к непобедимой силе благоразумия и зрелой мудрости духовной?

Ч. I; 165—7. Ч. III; 56—7, 346. Т. II, 371.

Глава восьмая

СМИРЕНИЕ БОГОМАТЕРИ

Призрѣ на смирение рабы Своея
(Лук. 1, 48).

Без предосуждения можем спросить: как достигла Божия Матерь Своего высокого избрания? Как уготовала Себя к столь чудному общению с Богом? Какими подвигами? Какими добродетелями? — Она не скрывает этой тайны; потому что и нам желает показать путь приближения к Богу, хотя не равного с Нею, однако по тем же следам и нам в некоторой степени возможного. Великое дело Она изъясняет малым словом: *призрѣ на смирение рабы Своея*. Говоря это, Пресвятая Дева, без сомнения, думала только возвеличить Божие снисхождение, и не приписать Себе ничего: но Дух Святый, одушевлявший Ея славословие, управил слово Ея так, что в нем явилось светлое лице одной из добродетелей, наиболее приближающих к Богу. Молитва, пост, целомудрие, вера, любовь к Богу, словом — все добродетели окружали душу Пресвятой Девы: но их покрывало, довершало, возвышало

и пред очи Божии приводило смирение. *Призре на смирение рабы Своея.*

Священное предание указывает и особенный определенный случай, в котором смирение Пресвятой Девы привлекло Ей благодатное призрение и высокое избрание. Она любила как беседовать с Богом в молитве, так и внимать беседующему Богу чрез Священное Писание. Некогда, в книге пророка Исаии Она прочитала предречение о Христе и Его Матери: *се Дева во чреве зачнет, и родит Сына, и наречет имя Ему Еммануил:* и вера озарила, и любовь воспламенила Ея душу. Но, по смирению, не удостоивая Себя молиться о непосредственном приближении к Самому Еммануилу, Богочеловеку, Она ограничилась молитвою о том, чтоб Ей даровано было увидеть Матерь Его, и к Ней приблизиться, и то не более как в качестве рабыни. Так смирением сердца уготовала Она в Себе путь кроткому и смиренному сердцем Иисусу; и над Ней, прежде нежели изречено, исполнилось Его слово: *смирняя себе вознесется.* Именно: Она молилась будущей Богоматери, виденной в зеркале пророчества, чтоб удостоиться быть Ея рабынею: и чрез то, в действительном событии, Сама соделалась Богоматерию. *Призре на смирение рабы Своея.*

Ч. III; 36.

Глава девятая

О МОЛЧАНИИ, О СОКРОВЕННОЙ В БОГЕ ЖИЗНИ БОГОМАТЕРИ

День Благовещения начинает открывать сокровенную в Боге жизнь Богоматери. Слово Архангела обнаруживает в Ней добродетель молчания. Внезапно входит он в Ея уединение и говорит Ей: *радуйся, благодатная: Господь с тобою; благословенна ты в женах*. Сколько вопросов могло представиться при этом удивленной Марии! Кто этот неизвестный? Какое имеет он право нарушать уединение Девы? Что значит неслыханное приветствие, которое безвестную Деву поставляет превыше всех жен в мире? — Но ничто не выводит Ее из обычного Ей безмолвия. Она чувствует движение духа: но уста Ея не движутся. Не спешит Она отвечать на приветствие; но молчит и размышляет: *смутися о словеси его, и помышляше*.

Ангел, успокоив дух Ея одним словом: *не бойся*, — ибо слова небесных Сил не бывают без силы, и потому не остаются без действия, — продолжает начатое благовестие. В изъяснение наименования *Благодатной* присо-

вокупляет, что Она *обрела благодать у Бога*; потом предсказывает Ей зачатие во чреве, рождение Сына, Его спасительное имя, Его достоинство Божественное, воцарение чудесное, царство безконечное. Сколько еще предметов для испытания и разглагольствия! — Но, Благодатная не смеет испытывать таин благодати. Благословенная не дерзает разглагольствовать о том, что выше слова и разума. И теперь не прервала бы Она своего молчания, если бы любовь к девству не исторгла из сердца Ея краткого вопроса: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* Чтоб правильно уразуметь этот краткий вопрос Пресвятой Девы, необходимо должно, во-первых, предположить, как и предание сказует, что Мариам еще прежде обязала Себя обетом — во всю жизнь Свою хранить девство: потому что необязанная этим обетом, и обрученная мужу, какую имела бы причину о возможности родить сына вопрошать: *како будет сие?* Во-вторых, надлежит взять во внимание закон Моисеев (Числ. 30), по которому обет девы или жены мог быть уничтожен одним словом отца или супруга, и только тогда становился твердым, когда отец или супруг слышал о нем и не отверг его. Из этого соображения должно заключить, также согласно с преданием, что обет девства, который на предсказание о рождении Сына заставил Марию спросить: *како будет сие?* был уже тогда известен Иосифу и признан им; и что он обручил себе Пречистую Деву с тем, чтоб под именем супруга быть стражем Ея девства, которому нужно было таиться под наружным покровом брачного союза в таком народе, который привлекаясь видимым благословением брака, не постигал высоты девства. Но таким обстоятельствам, как ни далека была

Мариам от того, чтобы неверовать, или сомневаться, или прекословить, или любопытствовать, принуждена была однако спросить Ангела: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* То есть: хотя Я имею мужа по обряду обручения, но у Меня нет мужа по обету девства; обет этот произнесен и утвержден; Я не желаю отменить его, столько же не позволяет закон, который говорит: *если кто даст обет Господу, или поклянется клятвою, положив зарок на душу свою; то он не должен нарушить слово свое, но должен исполнить все, что вышло из уст его* (Числ. 30, 3). Господь не нарушает Своих законов: как же будет то, что и обет девства сохранится, и закон исполнится, и Сын родится? Видите, что только крайняя необходимость расторгает священные узы молчания Мариами, или лучше сказать, сама благодать изливается из уст Ея: потому что чрез это открывается тайна обручения Мариами с Иосифом, именно, чтобы под эту тайной сокрыть другую глубочайшую и высочайшую тайну — обручения Ея с Богом, и сие отречение Мариами от земного мужа подает Ангелу случай возвестить Ей достоинство Богоневесты, к которому Она предопределена: *Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя.*

Благовещение принято; Ангел отшел; Слово воплотилось; Дева зачала; оказались признаки зачатия: *обретется имущи во чреве от Духа Свята. От Духа Свята, пишет Евангелист; но Иосифу долго не была возвещена и открыта сия тайна, и он не знал более того, что являло чрево: обретется имущи во чреве.* Ибо, если бы он знал тайну Богоневесты: то мог ли бы он думать о Ея обличении? мог ли бы решиться *отпустить* Ее? А он думал

было о первом, и решился было на последнее: *не хотя Ея обличити, восхоте тай пустити* Ю (Мф. 1, 18. 19). Здесь столько чудес молчания, что не знаем, достанет ли слова изглаголать (выразить) это молчание. Именно: Иосиф видит в Мариами то, чего не ожидал, и чего понять не может: но молчит, и не вопрошает Ее. Мариам видит Себя в опасности подвергнуться тяжкому подозрению, и даже осуждению: но молчит, и не открывает Своей тайны. Где и Ангел благовестник Мариами? Почто молчит он, и не успокаивает Ее от нового смущения? Где и Ангел хранитель Иосифа? Почто он так долго не является и не предохраняет праведника, когда чистая душа его столь удобно может омрачиться мыслию несправедного и даже богохульного подозрения? И, если не дерзновенно вопрошать об этом, — почто так долго безмолвствует и Сам Посылающий Ангелов? Почто медлит просвещать Своего праведника, и спасти Ту, в Которой спасение мира? — "Зри, — восклицает святой Златоуст, указуя на Иосифа в этих обстоятельствах, — зри мужа кротость: не токмо бо, яко не мучи, но яко ниже изрече кому, ниже самой зазираемой, но в себе помышляше, и от самыя Девы тцаса укрыти вину. Ниже бо рече, яко отринуту Ю хотяше, но отпустить. Толико бе кроток и тих муж". И еще: "Егда бо держати Ю в дому законопреступно быти видяшеся; обличити же и на судище вести — смерти предати нужда бяше: он же ничтоже от сих творит, но выше закона уже себе устрояет. Подобаше бо, благодати пришедшей, многим быти уже высоко жительства знаменем" (На Мф. Бесед. 4). Подлинно, видно, сердце праведника уже предчувствовало Христовы заповеди, что иметь *око простое* (Мф. 6, 22), и *не судить, дабы не*

быть судимым (-7, 1). Потому, он видит признаки матери, и однако не хочет предаться помыслам подозрения о Деве; имеет закон, уполномочивающий супруга, и однако не хочет судить обрученную: *не хотя Ея обличити, восхоте тай пустити* Ю. — Видим, какие возвышенные добродетели заключает в себе молчание Иосифово. Но несравненно выше молчание Мариами. Иосиф молчанием облегчает затруднение чужое, и в то же время находит средство прекратить затруднение свое. Мариам же в молчании носит Свою опасность, и с каждым днем молчания увеличивает Свое затруднение. Что же значит этот непонятный подвиг молчания? — Он значит то, что Мариам есть совершенный сосуд Благодати. Ибо как вещественный сосуд негоден, когда он течет; так духовный сосуд недостоин, если не хранит влияющей в него Благодати в ненарушимом, смиренном молчании, но течет и выдыхается — без нужды и без пользы, словом праздным, или нескромным, или нетерпеливым, или тщеславным. И наоборот, как вещественный сосуд совершенный был бы тот, который не только влитое в него, но и самый дух одного заключал бы во внутренности своей без малейшей утраты, и которого ни удар не мог бы сокрушить, ни воздух или огонь разрушить: так совершенный сосуд духовный есть тот, который *имея таинство веры в чистой совести* (1 Тим. 3, 9), в мире сердца и в безмолвии всего существа своего, хранит вверенную ему благодать с такою твердостью, которой никакие удары бед сокрушить, никакая страсть, никакое искушение разрушить не могут. Если Мария говорила о Своей тайне с Елисаветой: то потому, что Елисавете тайна эта уже открыта была Духом Святым, и Он сам говорил устами

обеих; а если бы Она стала говорить о Своей тайне с Иосифом; то это было бы или по человеческой доверенности, или по человеческому страху, и следовательно — не по Божественному побуждению говорила бы о тайне Божественной. Теперь Она молчит, таится от того, которому, вероятно, более всех на земле открыто было Ея сердце, так как он избран был стражем Ея девства; таится с явною для Себя опасностью не только *обличения*, но — как изъясняет святой Златоуст — с опасностью *суда и смерти*: такое молчание достовернейшим образом свидетельствует, что Мария восприятое в недра Свои Слово крепко держит, хранит совершенно, любит паче избранного и обрученного мужа, паче всякого земного утешения, паче самой жизни Своей. В этом молчании совершается непрестанная, чистая, великая жертва Богу Слову. — О дивно молчаливая Дево! Не ближе ли было Тебе самой известить Иосифа о том, о чем наконец известил его Ангел? Почто ждала Ты дальнего вестника с неба? Почто не спешила на помощь праведнику, почти впадшему в несправедливость? — Без сомнения для того, *да не явишиися человеком с Твоею добродетелию, с Твоею благодатию, с Твоим достоинством, но единственно Отцу Твоему небесному, Иже в тайне* (Мф. 6, 18). — Посему не удивительно, что и Божественное откровение на время безмолствовало, чтобы дать созреть и в наставление наше открыться столь великим добродетелям. Когда же безмолвная жертва Мариами совершилась, и мысль Иосифа решительно утвердилась в безстрастии: тогда и слово небесное приспело увенчать подвиг молчания — прекращением затруднения Мариами и открытием Иосифу велией благочестия тайны: *сия же ему*

помыслившу, се Ангел Господень в сне явился ему глаголя: не убойся прияти Мариам жены твоя; рождшеебоя в Ней от Духа есть Свята (Мф. 1, 20. 1 Тим. 3, 16).

Кто будет иметь довольно внимания, чтоб следовать за Мариєю по всему пути Ея земной жизни, тот может усматривать в Ней всегда тот же характер глубокой молчаливости, совершенного безмолвия, ничем неразвлекаемого сосредоточения во внутренности своей, словом — жизни сокровенной в Боге. Ни высочайшая радость, ни глубочайшая скорбь не могли изменить этого постоянного настроения Ея духа. Так:

Тайну высокого достоинства Девы Богородицы более или менее открывали Ангелы, звезда, волхвы, пастыри, Симеон: но Ангелы возвратились на небо, волхвы на восток, звезда скрылась. Симеон с миром отпущен из мира сего, свет Вифлеемской славы потушен гневным дыханием Ирода и кровию младенцев; Мария скрывалась то в Египте, то в Назарете, а Ея достоинство и знаменитость — в Ея сердце; *Мариам же соблюдала все глаголы сия, слагающи в сердцы своем (Лук. 2, 19).*

Пришло время, когда слава премудрости и чудотворений Сына Мариами просияла в Иудее и Галилее. Надлежало бы отблеску славы Сыновней озарить и лице Матери. Однажды нечаянно показалось, что это начинается. Другая, может быть мать, или желающая быть матерью, живее других вообразила счастье быть матерью благословенною, и всенародно предалась восторгу, который побуждал ее прославлять Иисуса и вместе с Ним Матерь Его: *воздвигши же некая жена глас от народа, рече Ему: блаженно чрево, носившее Тя, и сосца,*

яже еси есал (Лук. 11, 27). Но приметьте, что она говорит околичностями: *ублажает чрево и сосцы*, а не произносит даже имени Той, Которую прославляет. Почему так? — Без сомнения потому, что не знает Ея ни в лице, ниже по имени.

Другие знали Мариам и в лице и по имени, потому что не могли не знать сего: и при всем том оставались в самом странном о Ней неведении. Послушайте, как говорят сограждане и соседи Иисуса и Марии: *откуда сему премудрость и силы?* (Значит: они слышат премудрость Иисуса, видят и признают чудеса Его, и побуждаются ими узнавать все, что до Него касается). *Не сей ли есть тектонов сын? Не мати ли Его нарицается Мариам* (Мф. 13, 54—5). Видите, они не умеют даже сказать: Иосиф сын Давидов, Мария дщерь Давидова; они знают только то, что в глазах: что Иосиф есть ремесленник, что Мария есть — Мария. Как же они не знают даже того, что Евреи так заботливо старались знать и о себе и о других? Как не знают рода и происхождения Марии? Не иначе можно объяснить это, как тем, что Пресвятая Дева, не желая ни в чем *являться человеку*, не ища никакого земного утешения, не хотела и того, чтоб в унижении бедности Своей утешать Себя пред людьми достоинством Своего рода, и потому не делала гласным Своего происхождения, так же как Своей добродетели и Своей благодати (Иоан. 5, 44).

Наконец, *стоит* Она *при кресте* (Иоан. 19, 25) возлюбленного Сына Своего и предреченное Симеоном оружие действительно проходит душу Ея. Чужие не могли оставаться равнодушными, и еще тогда как Он только нес крест Свой — *идяше во след Его народ много людей*,

и жены, аже и плакахуся и рыдаху Его; и по распятии вси пришедшии народи на позор сей, видяще бывающая, биюще перси своя возвращахуся (Лук. 23, 27, 48). Чего же надлежало ожидать от Матери Распятого, стоящей при кресте Его? Рыданий, жалоб, воплей, терзаний? — Ничего такого не видим и не слышим; самовидец не пересказывает нам даже ни единого Ея слова. Она страдала, без сомнения, как никто никогда не страдал на земле, кроме Самого Распятого: но бездна Ея страданий не обуревала и не потопляла Ея, непрестанно упавая в столь же неизмеримую бездну Ея терпения, смирения, веры, надежды, беззаветной преданности судьбам Божиим.

Последуем за Распятым, чрез дверь гроба, в область славы Воскресшего. Уже не первый только, но и последний по вере ученик Его славит Его Божество: *Господь мой и Бог мой!* Уже за славою Воскресения Господня следует новая Божественная слава Вознесения Его на небо. Ищу человека, действия, слова, в котором бы, хотя теперь, явилась слава Матери Господа моего, которую, правда, еще очень рано, только без свидетелей и без последствий возвещала праведная Елисавета: ищу и — не нахожу. *Сии вси* — написано об Апостолах после вознесения Господня *сии вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Мариєю Материю Иисусовою* (Деян. 1, 14). Какое неожиданное повествование! Не только после Апостолов, но даже после неких неизвестных жен, едва наконец упомянули Марию Матерь Иисусову. Что это такое? Ужели повествователь не довольно чтит Матерь Божию? Сохрани Бог допустить такую мысль, оскорбительную не только для Пресвятой

Девы, но и для святого Евангелиста Луки! Что ж это значит? — Это значит, что Святый Лука так пишет в книге Деяний Апостольских, как вела Себя Пресвятая Дева между Апостолами; а Она, хотя, по высоте благодати, в духе, невидимо председательствовала в соборе Апостолов; но по смирению сердца, во плоти, видимо не допускала до Себя никакой славы, не употребляла никаких преимуществ, поставляла Себя в ряду с прочими женами и примером Своим учила их тому, чему потом Апостол учил их словом: *жены ваша в церквах да молчат* (1 Кор. 14, 34); *жена в безмолвии да учится со всяким покорением; жене же учить не повелеваю* (1 Тим. 2, 11—12).

Ч. I; 161—4; 193—5.

Глава десятая

ВОЛЯ БОЖИЯ О СОКРЫТИИ СЛАВЫ БОГОМАТЕРИ ВО ВРЕМЯ ЗЕМНОЙ ЕЯ ЖИЗНИ

Седяше — повествует Евангелист Марк — народ окрест Иисуса. Реша же Ему: се Мати Твоя и братия Твоя и сестры Твоя вне ищут Тебе. И отвеща им глаголя: кто есть Мати Моя или братия Моя? (Марк. 3, 32—3).

От чего Праведная Елисавета, как только увидела пришедшую к ней Деву Марию и услышала из уст Ея обыкновенное приветствие посещающих, тотчас исполнилась такой радостью, что радость эта сообщилась и младенцу во чреве ея, и он взыгрался, и мать воскликнула и начала благословлять Деву? — От того, как объясняет сама Елисавета, что в Марии узнала она Матерь Господа: *откуда, говорит, мне сие, да придет Мати Господа моего ко мне? (Лук. 1, 43).*

От чего и святая Церковь о Пресвятой Деве Марии так радуется и с таким восторгом ублажает Ее? Почему

самому рождению и младенчеству Ея воздает празднственную честь, безпримерную для прочих святых и праведных? — Без сомнения, и на это не нужно искать иного ответа, кроме того, какой мы нашли в пророческом духе Елисаветы, именно: Мария есть Мати Господа нашего.

Но посмотрите, какую нечаянность представляет нам Евангелие. Мати Господа, Которую так рано узнала и нам указала Елисавета, внезапно скрывается. Се Господь Сам вопрошает: *кто есть Мати Моя?* Нельзя вообразить, чтоб Он или не знал Матери Своей, или хотел отречься от Нея; однако, вопрошать: кто есть Мати Моя, значит — или не знать Ея, или отречься от Нея.

Что Иисус не хочет знать братьев Своих — это понять не трудно. В то время они были достойны такого чуждения, потому что, как замечает Евангелист, *ни братья Его вероваху в Него* (Иоан. 7, 5). Но и кроме вины неверования их, справедливо сие потому, что это были только мнимые братья Иисуса; ибо это было родство Иосифа, мнимого отца Иисусова. Таким образом, отрекаясь от братьев, по рождению плотскому так называемых, Господь не отрицает никакой истины земной, а утверждает небесную истину Своего предвечного рождения от Бога Отца.

Но каким образом и Матерь Господа подвержена одинакому жребию с братьями Его? Она не мнимая, а истинная Матерь Его по человечеству, и этого высокого достоинства Своего Она никогда не унизила неверованием в Него яко истинного Сына Божия. Одна та вера, которою Она прияла Его прежде Его земного рождения и зачатия, во время благовещения Архангелова, уже превосходит всех прочих верующих. Когда Иисус еще младенец, во яслях, признан от пастырей Спасом, Христом,

Господом: чем как не верою побуждаема была *Мати Его соблюдать вся глаголы сия в сердцы своем?* (Лук. 2, 19). Прежде нежели чудесами Иисус явил славу Свою и вероваша в Него ученицы Его (Иоан. 2, 11), Матерь Его столько уже веровала в Его Божественную чудодейственную силу, что сотворить первое открытое чудо, в Кане Галилейской, Она именно Его убедила. Так Она и ранее других, и совершеннее других, и веровала в Него, и познавала Его, а Он то произносит возжеленное имя Матери и уклоняется от того, чтобы видеть Ее: *кто есть Мати Моя?* то видит Ее и даже не дает Ей имени Матери: *что есть*, глаголет, *Мне и тебе, жено?* (Иоан. 2, 4); и паки: *Жено! се сын твой* (-19, 26).

Едва ли нужно предостерегать христиан, чтоб не подумали, будто Господь не довольно чтит Преблагословенную Матерь Свою; ибо всем должно быть известно всеобщее против недоразумений сего рода предостережений, которое Сам Господь Иисус дал еще Иудеям, когда сказал: *да не мните, яко приидох разорити закон или пророки; не приидох разорити, но исполнити* (Мф. 5, 17). Поэтому не может быть сомнения о том, что Он не разорил, а исполнил и сию заповедь закона: *чти отца твоего и мать твою*. И действительно, когда Его еще в юных летах, но уже проникнутого чувством Своего назначения, неразумевшие того родители пришли отторгнуть от собеседования с учителями закона Божия и увлечь из храма: то Он, хотя сделал возражение против такого поступка родителей, тем не менее *бе повинуюся има* (Лук. 2, 51). И наконец, когда страдания крестные раздирали и душу и тело Его, когда пронзенными членами так тяжело висел Он на гвоздях между жизнью и смертию,

а на Нем целый мир висел над погибелию, в ожидании спасения: то и в эту невыразимую минуту — ни муки всего ада, ни попечения всего мира, всех времен и вечности не заглушили в Нем чувства законной обязанности к Матери. И эту обязанность, исполнение которой пресекалось для Него вместе с земною Его жизнью, — Он, со креста, передал возлюбленному ученику Своему Иоанну, которого девство и любовь соделали достойным быть служителем Девы — Матери. Значит, и в этой части закона, как и во всех других, Господь Иисус явил нам совершенство, состоящее в том, чтобы почтение к родителям и попечение о них простирались на все обстоятельства жизни, до гроба, и далее гроба.

Если же и в столь трудных обстоятельствах столь совершенное почтение к Матери Своей оказал Господь наш: то должно без сомнения заключить, что и в других случаях, хотя Он, по-видимому, чуждался Ея, чуждался отнюдь не в предосуждение духовному *величию*, которое Он *сотворил* Ей Своим от Нея рождением (Лук. 1, 49): а только по уважению других высоких обязанностей Своего Божественного служения.

Поищем же разъяснения — к уразумению этой тайны.

Вспомним учение Господа нашего: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). Так поучая, так Он должен был и творить, и примером дать силу поучению, по собственному Его правилу, что *великий в царствии небесном должен сотворить и научить* (-5, 19). Поэтому надлежало Господу Иисусу когда-нибудь в земной жизни Своей делом явить, как любит Он земную Матерь Свою совершенно, только не *паче* Отца Своего небесного, и как сыновнюю

по человечеству любовь приносит в жертву делу Божию Им совершаемому.

Теперь смотрите, как этим умозрением объясняются дела Христовы, казавшиеся с первого взгляда непонятными.

Матерь Иисуса требует, чтоб Он чудесно произвел вино на браке. Но чудеса назначены не для угождения Матери, а для явления славы Божией. Итак, здесь угождение Матери надлежало принести в жертву, и, для совершенства этого жертвоприношения, пожертвовано и самою мыслию о Матери и самым наименованием Матери: *что есть Мне и тебе, жено?* Впрочем, час явить славу Божию, который не пришел прежде этой жертвы, наступил вслед за нею; и потому чудо, в котором, по-видимому, отказано Матери, чрез минуту совершается.

Матерь Иисуса и братья Его приходят, чтоб взять Его из дома, где Он многочисленному народу проповедует небесную истину. Они предприняли это по добродетели побуждению, считая Его находящимся в опасности: потому что враги Его оглашали Его то неистовым, то действующим чрез князя бесовского, и умышляли погубить Его. Но если бы Он покорился воле сродников Своих: то был бы нанесен вред делу Божию — не только потому, что безвременно прервалась бы проповедь Его, но и потому, что враги Его как доказательство клеветы употребили бы взятие Его сродниками, как будто имеющего нужду в их попечении. Итак, должно было, и здесь угождение Матери принести в жертву: и эта жертва опять была полным всесожжением, то есть, Господь принес в жертву всю Свою любовь к Возлюбленной Матери, и самую мысль и память о Ней: *кто есть мати Моя?* Как бы так

говорит Он: "для чего волею земной Матери хотите вы отвлечь Меня от исполнения воли Отца небесного? Когда эти две воли влекут в разные стороны: Я знаю, и тотчас покажу, которой из них и с какой решительностью последовать должно; именно: оставляю земное рождение и родство, как бы Я не знал его, как бы его совсем не было; совершенно предан есмь воле Отца небесного, и делу Его, и Царствию Его; здесь ищу Себе и родства: *кто есть мати Моя и братия Моя?* Кто же они? — Чада Божии, верующие во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишися (Иоан. 1, 12—3), или паче: *иже аще сотворит волю Божию: сей брат Мой, и сестра Моя, и Мати Ми есть*" (Марк. 3, 35).

Мати Моя и братия Моя сии суть, слышащие слово Божие и творящие е (Лук. 8, 21). Говоря таким образом, Господь не отчуждает Матери Своей по плоти: поелику слышит слово Божие паче других Та, Которая услышала оное прежде других, и творит оное деятельнее других Та, Которая сотворила Ему достойную обитель в чреве Своем. Но, во-первых, Господь изречением Своим возвышает слушающих и творящих слово Божие и возбуждает всех к этому спасительному деланию. Во-вторых, и Он, в приведенном изречении, сообразуется с собственным Матери Своей правилом, чтоб *не явиться человеком*, сколько можно уклоняться от славы человеческой, ища славы Божией (Иоа. 5, 44); и Он медлит, отлагает явить человекам всю честь и Славу Той, Которая есть *честнейшая Херувим, и славнейшая без сравнения Серафим*.

Глава одиннадцатая

БЕДНОСТЬ, ПРОСТОТА И НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ В ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ БОГОМАТЕРИ

О, как умалил и уничижил Себя Сын Божий в обстоятельствах Своего земного рождения!

Надлежало избрать народ, в котором бы Ему родиться; и Он избрал для сего из всех народов земли малейший, не имеющий собственного правительства, многократно поработенный и близкий к новому поработению, некогда благословенный, но уже едва не отверженный.

Надлежало избрать город: и Он избрал Вифлеем, так малый, что и благоприятствующий ему Пророк не может скрыть этого нареkania на него и не находит иного средства возвеличить его, как только именем рождающегося в нем умаленного Иисуса: *И ты, Вифлеем — Еффрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных (Мих. 5, 2).*

Надлежало избрать мать и, чтобы до времени скрыть от неверующих тайну воплощения, надлежало узами закона, но не плоти, присоединить к ней и мнимого отца: и вот избраны для этого хотя потомки Царские, чтоб исполнились обетования и пророчества, но уже один — древодел, а другая — бедная, сиротствующая дева. И что еще? Если бы Господь родился в малом, собственном или наемном жилище Иосифа, и Мария положила бы Его в бедной колыбели: тогда зрак раба, Им восприемлемый, может быть не все имел бы черты, какие его составлять могут, потому что могло найтись рабское жилище меньше Иосифова, и колыбель беднее Марииной. Что же изобретает бесконечно Великий ищущий бесконечного умаления? — Августовым повелением *написать всю вселенную* (Лук. 2, 1), приводит в движение все народонаселение земли Иудейской, дабы Иосифу нельзя было ни остаться в собственном жилище в Назарете, ни найти наемное в Вифлееме, когда наступило время родиться истинному Господу вселенной; и таким образом, умаливший Себя даже до младенчества, унижил Себя даже до яслей вместо колыбели: *и положи Его во яслех: зане не бе им места во обители* (Лук. 2, 7).

Вертеп и ясли, и, с сими сообразно, грубые пелены!

Евангелие повествует, что Спаситель наш, видев при кресте Своем Свою Матерь и возлюбленного ученика Своего Иоанна, *глагола Матери Своей: Жено, се сын Твой. Потом же ученику: се мати твоя* (Иоан. 19, 26—7). В этих изречениях видим любовь Божественного Сына к земной Матери Своей, которую Он хочет не просто утешить в лишении Сына, но как бы возвратить Ей Себя в другом лице, и, чтобы почтить Ея девство,

а вместе наградить девство возлюбленного ученика, избирает Девственника Иоанна в нареченного сына Приснодевы. Но мы не догадались бы, что в особенности заключается в оных изречениях Господних, если бы возлюбленный ученик, без сомнения лучше всех понимающий сердце и мысль своего Учителя, не изъяснил их своим исполнением. Каким исполнением? — Вот каким: *от того часа поят Ю ученик во свояси*. Из этого открывается, что усыновление Иоанна Пресвятой Деве призывало его, между прочим, к тому, чтоб обезпечить Ее жилищем и потребностями жизни временной, и что следственно собственного в том обезпечения Она не имела. Должно думать, что Ея любовь и вера к Божественному Сыну побуждала Ее быть всегда сколько можно близко к Нему в Его непрерывном странствовании по градам, весям и пустыням: и потому как Он *чужд* был *братии* Своей, так и Она; как Он *не имел где главы подклонити*, так и Она.

Наконец, Матерь Царя Христа, Матерь и Царица всех верующих претавляется от земной жизни в небесную: что осталось после Нея? — Остались только две одежды, и притом такие, которые годились только в подавание двум нищим вдовам.

Ч. I; 9—11, 206. — Ч. III; 62.

Глава двенадцатая

**СКОРБИ И СТРАСТИ БОГОМАТЕРИ
В ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ.
МУЖЕСТВО И ТЕРПЕНИЕ В СКОРБЯХ**

*И Тебе же самой душу пройдет оружие
(Лук. 2. 35).*

Какие мраки обледали Тебя, живая и живоносная Обитель Света Божественного!

Еще Он не возсиял от утробы Твоей, как близ Тебя возстал буря помышлений сомнительных и, омрачив, едва не низложила стража Света, Иосифа.

Тогда как Божественный Свет из яслей отразился в небесах и небесная о Нем слава отозвалась на земле, тогда как Он озарял и простодушных пастырей и дальновидных волхвов; Ирод и весь Иерусалим с ним смутились от близости Света, и царь подвигся на смертную брань против безоружного Младенца: и Тебе, Матерь Света, надлежало убежать во тьму Египта, бояться возвращения в отечество Света — Иудею, и еще удалиться к людям сидящим во тьме и сени смертной, в Галилею языческую (Мф. 4, 16. 15).

Праведный Симеон, один из немногих рано не только увидел, но и узнал и на свои руки принял *Свет во откровение языков* (Лук. 2, 32), и что же? — Когда этот Свет осветил для него будущее, тогда он оружием Пророческого слова предварительно пронзил душу Матери Света, которой суждено было быть пронзенной оружием скорбей крестных: *и Тебе же самой*, сказал он, *душу пройдет оружие!*

Божественное провозглашение Иисуса на Иордане, Его светолитие на Фаворе, торжество Его учения и чудотворений довольно ли озаряли радостью Тебя, Богоблагодатная, — мы не довольно знаем; а то и в Писании нам открыто, и собственному нашему хотя несовершенному в любви сердцу понятно и ощутимо: как многи, разнообразны, продолжительны и глубоки должны были быть Твои скорби о Твоем Божественном, но в человеческие немощи облекшемся Сыне — когда Ты видела Его то в изнурении от подвигов, то в пререкании у народа, то в опасности от врагов, то наконец в руках врагов, когда против Него возносимые вопли и хуления, Ему наносимые удары и раны поражали Твое сердце; когда Он вместо Себя дал Тебе чужого сына; когда Ты видела Его последний взор, слышала Его последний глас, сопровождала Его бездыханное тело...

Там, на Голгофе, в часы спасительные для всего человеческого рода, но вместе страшные для всего сотворенного; когда совершаемое всеобщее спасение не было сознаваемо даже избранными из человеков, а всеобщий страх чувствовали даже камни; когда, по выражению Пророка, был *Живот* человеков *висящ пред очами* человеков (Второз. 28, 66), но человек видел только страдание и смерть; при зрелище, от которого и чуждые оному и врагу отходили

разстерзанные состраданием — *биюще в перси своя возвращахуся*: там, при кресте распятого Иисуса, стояла Его Преблагословенная Матерь!

Какой чудный свет на Ея внутреннюю жизнь проливают эти мрачные Голгофские часы!

Вспомним, что время страдания Христова было время опасности для всех близких к Нему. Это видно из собственных Его слов, которыми Он, предавая Себя в руки врагов, устранял подобную опасность от учеников Своих: *аще убо Мене ищете, оставите сих ити*. А как Он мог истребовать пощаду ученикам Своим от тех, которые не щадили Его Самого? — Всепокоряющею силою Своего Божественного слова, каковую силу Он, на этот конец, непосредственно пред сим чудесно явил, низложив спину и скопище на землю единым словом Своим: *Аз есмь*, Евангелист повествуя об этом происшествии (Иоан. 18, 5—9), присовокупляет, что Господь ранее предсказал то, и что это исполнилось согласно с предсказанием: *да сбудется слово, еже рече: яко ихже дал еси Мне, не погубих от них никогоже*. Это значит, что близкие к Господу, во время страдания Его не только находились в опасности, но и погибли бы, если бы Он не отвратил этого особенным провидением Своим. От этой опасности, от этой близкой гибели, *ученицы вси оставльше Его бежаша* (Мф. 26, 56, 58), *вси* — не исключая Петра, который потом отважился было вступить за Иисусом во двор Архиереев, но не выдержал испытания, — не исключая Иоанна, которому, впрочем, любовь скоро возвратила мужество и повела его за возлюбленным Учителем до креста. — Но Матерь Господню не видим ни в страхе, ни в бегстве, а видим *стоящую при кресте Иисусове*.

Итак, не видите ли, что Она стоит в духе, выше всеобщего страха, выше Своей личной опасности, выше мужества Апостольского.

Кто сказал бы, что Пресвятой Деве свойственно было паче всех устремляться в близость к Своему страждущему Сыну — по естественной материнской любви: тот показал бы себя слабым истолкователем Ея Голгофского стояния. Если взять в разсуждение одну естественную материнскую любовь: то чего надлежало бы ожидать для Ея сердца, чувства, жизни — от страданий Ея Сына, при виде которых и чуждые били себя в перси, земля трепетала, и камни вздыхая разрывались, и солнце было в обмороке? Нет, естественная любовь не столько изъясняет, сколько делает непонятным то, каким образом Пресвятая Дева могла стоять при кресте — не поражаясь страхом, не предаваясь нетерпеливой скорби, не повергаясь в безжизненное изнеможение. Чем же может быть изъяснено это высокое мужество, эта крепость духа? — Не иным чем, как Ея глубокою преданностью судьбам Божиим, Ею верою в Божественную силу Сына Своего, известную Ей более всех из явных и тайных чудес всей Его земной жизни, Ея познанием Христовых Таин, которые всех ранее Она постигла и всех совершеннее соблюдала в сердце Своем. Вера, упование паче упования, любовь, не естественная только, но верою возвышенная в духовную и божественную — питали в Ней внутренний животворный свет, которого не объяла тьма и смерть и ужасы Голгофские, и с которыми неколеблющеюся стопою достигла Она в открытый свет и радость Христа воскресшего.

Ч. I; 185—6, 204—5.

Глава тринадцатая

ПАМЯТОВАНИЕ СМЕРТИ — ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

В книге земной жизни Пресвятой Девы Марии, насколько эта книга открыта для нас, мы повсюду находим одну господствующую мысль, именно — стремление к небесному, вечному, божественному. Так:

Когда младенческий ум и младенческие стопы еще не сильны были нести Ее к небу: Ея стремление туда выразилось тем, что Она пришла в земное небо — в Храм Божий, и там поселилась. Необыкновенно раннему стремлению соответствовал необыкновенный ранний успех; ибо в нежной юности Своей Она уже так приблизилась к небу, что Ангел посещал Ее и питал небесною пищею.

И необычный в Ея времена обет всегдашнего девства для чего восприняла Она, если не для того, чтобы не связанной земными узами тем свободнее стремиться к небу.

Когда же чрез воплощение в Ней Сына Божия Она Сама соделалась вторым небом: с того времени уже нельзя

и подумать, чтобы Ее привлекало что-либо земное. Будучи живым престолом воплощенного Сына Божия, Которого носила во чреве и в объятиях подобно живым Престолам небесным, Она конечно жила Тем, Кого носила. Она слагала в сердце Своем все глаголы Его таин и судеб; прежде всех открывала Его Божественную силу, как видно из того, что испросила от Него первое открытое чудо, в Кане Галилейской; ранее Апостолов уразумела, что видящий Его видит Отца Его; следовала за Ним не только по трудным путям Его Богопроповеднических странствий, но и по страшному пути креста, смерти и погребения, почерпая неизнемогающее мужество в безпредельной любви.

Наконец, когда воскресением и вознесением Христовым единственное сокровище Ея возвратилось на небо: тогда — и по чувству материнскому, но наипаче по чувству благодатному, без сомнения, сердце Ея постоянно было там, где Ея сокровище (Мф. 6, 21). Остальная жизнь Ея на земле была один неуклонный взор из времени в вечность, одно протяженное воздыхание к воздуху небесному — к небесной жизни со Христом в Боге.

И вот по какому направлению жизнь Пресвятой Девы достигла такого предела, на котором пожерта бысть смерть победою воскресения и славы — так скоро и так торжественно.

Ч. III; 44.

Глава четырнадцатая

ПРОРОЧЕСТВО БОГОМАТЕРИ

Ублажать Мя вси роди (Лук. I, 48).

Кому из внимательных к Церковному Богослужению не памятна часто слышимая Церковная песнь в честь Пресвятой Девы Марии: *блажим Тя вси роди, Богородице Дево?* Если размыслим, от чего произошла эта песнь и на что указывают самые слова ея: то созерцающему духу представится чудное и необъятное зрелище. В дали прошедших времен видим мы, что из незнатного Назарета в другой не славный город нагорной страны Иудейской приходит бедная неизвестная в мире Дева, приветствует свою престарелую родственницу обычным приветствием: но внезапно возбуждает в ней пророческий восторг, приветствуется от нее как *Матерь Господа*, и быв объята подобным же восторгом Сама о Себе пророчествует: *отныне, говорит, ублажат Мя вси роди*. Глас Ея слышат народы, веки, концы вселенной, и — народы, веки, концы вселенные отвечают Ей: вот, мы исполняем Твое слово: *блажим Тя вси роди, Богородице Дево*.

Усмотрим из этого высокое достоинство изречения Пресвятой Девы: *"отныне ублажат Мя вси роди"*. Это не простое слово радости, не гадание, случайно получившее вид предчувствия; но пророчество — в самом точном смысле этого слова, глагол Духа Святого в устах Марии, изъявление определения и изволения Божия о Ее судьбе и о нашей к Ней обязанности.

Усмотрим и высокую важность предания, по которому Вселенская Церковь во всяком Богослужении постоянно и ревностно ублажает Пресвятую Матерь Господа. Это не простое человеческое предание, не обычай только, введенный произвольным усердием, не подражание примерам частного верования: но это — мысль Святого Духа, преданная человекам, последование мановению перста Божия, исполнение обязанности столько же священной, сколько справедливой и благотворной для христиан.

Закон, по которому рождаются истинные пророчества, Апостол Петр изобразил в таких словах: *ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа правещаеми глаголаша святии Божии человецы* (2 Петр. 1; 21). Два признака должны соединиться, чтоб с достоверностью показать и отличить такое пророчество. Во-первых, предсказание должно быть такое, которого нельзя вывести из известных обстоятельств посредством заключений (соображений) разума, или изъяснить из естественного состояния предсказателя. Во-вторых, предсказание должно исполниться в точности. Если предсказание выводится посредством заключений разума, или изъясняется из естественного состояния предсказателя: то это догадка человеческая, а не Богом вдохновенное пророчество. Если предсказание не сбылось

в точности: то это ложное, а не истинное пророчество, или по крайней мере не дознанное в истине. Так судить о Пророках учат сами Пророки: пророк тогда только признаваем был за пророка, которого истинно послал Господь, когда сбывалось слово того пророка (Иер. 28, 9).

Приложим эти начала к предсказанию Пресвятой Девы.

Бедная и безвестная в мире Дева из чего могла бы по разуму вывести столь великолепную догадку, на чем могла бы естественно утвердить столь огромную надежду, что Ее узнают и будут прославлять не только современный мир, но и все роды всех последующих времен? На том ли, что Она была от рода царей? — Но слава рода сего давно прошла; Сама же она была обручена древоделю: а от такого жребия конечно слишком далеко до всемирной славы. На том ли, что Ей уже предсказано быть Матерью Христа? — Но если бы и об этом разсуждала Она по понятиям своего времени, как даже и при родившемся уже Христе разсуждали самые Апостолы, и по тому разсуждению ожидала бы *устроения царствия Израилева* (Деян. 1, 6): то как мало и это могло бы вести Ее к надежде всемирной и всеродной славы! Кто из царей Израилевых знаменитее Давида? Чья память в роде Израилевом благословеннее памяти родоначальника Авраама? Но матери Авраама и матери Давида не только не ублажают последующие роды, но даже имен их не знают. Много ли могла обещать Себе по этим примерам и Мать Мессии, разсуждая естественно по разуму и понятиям своего народа и времени! — Надобно при этом принять во внимание глубокое смирение Преподобной

Мариами. Кто немало думает о своем достоинстве и о своих добродетелях, тот может льстить себе преувеличенными надеждами: но расположение духа Мариами совсем не таково было. В то самое время как Она славит Бога за избрание Ея к высокому званию Матери Господа, Она сознает Себя только рабою, говорит только о Своей ничтожности: *призре на смирение рабы Своея*. Как же вдруг от столь смиренного мудрования переходит Она к столь высоким о Себе глаголам: *ублажат Мя вси роди?* — Очевидно, что не от собственных семян Ея разума и сердца возникла эта мысль. Дух Святой, Которому предалась Она в молитвенном восторге, просветил в это время Ея ум, подвигнул Ея уста и — Она изрекла то, что предопределил о Ней Бог, и что под руководством Его особенного провидения должна в отношении к Богоматери исполнить Вселенская Церковь.

Как предречение Пресвятой Девы являет признаки глаголющего в Ней Слова Божия, так событие или исполнение этого предречения ознаменовано признаками дела Божия, не только вообще — потому что событие вполне соответствует предречению, но и в особенности — потому что событие образовалось и утвердилось вовсе не такими способами, которые показывали бы обыкновенный путь природы или дело рук человеческих. Если славу в мире находит ищущий ее или охотно пользующийся случаями встретиться с нею: это путь мира, это дело рук человеческих. Но если убегающий славы входит между людьми в славу, чистую, возвышенную, даже более нежели человеческую: то очевидно, что это не путь мира, не человеческое дело; здесь есть причина искать пути Божьего, усматривать перст Божий. *Славы от человек не*

приемлю (Иоан. 5, 41), глаголет Сын Девы Марии; но слава Его покрывает землю, и очевидно, что эта *слава яже от единого Бога* (-44). Такой же путь славы устроил Господь и для Своей пречистой Матери. По-видимому, Ей менее других надлежало чуждаться славы, которую Она Сама Себе предсказала: но тем не менее Она постоянно чуждалась и убегала ее. Сам Господь наш Иисус Христос во дни земной жизни Своей не спешил открыть славу Матери Своей, чтоб не казалось делом естественной человеческой любви то, что должно быть действием единой благодати Божией. А посему не удивительно, что в то время и Апостолы, как многое другое, так не довольно понимали и то, какая степень чести и служения подобает Матери Господней, и нужно было со креста преподать начатки этого учения возлюбленному ученику: *се мати твоя*. Таково было как бы нарочитое устранение Пресвятой Богородицы от славы, Ее ожидающей, сообразное с Ея смирением, а также сообразное и с временем — когда *Иисус не у бе прославлен* (Иоан. 7, 39). — Но посмотрите, как уже и в это самое время, непроложенным по-видимому путем, приходит слава Ея. Как из облака молния, внезапно просиявает она из уст некоей жены, которая, в духовном восторге от Божественных глаголов Иисуса, *воздвигши глас от народа рече Ему: блаженно чрево носившее Тя!* Известная жена, конечно, не слыхала того, что Матерь Иисуса за тридцать с лишком лет пред тем сказала одной только Елисавете: *ублажат Мя вси роди*; но как верен ее исполнительный ответ на это пророчество — не только в мысли, а даже в слове: *блаженно чрево!* Можно ли не примечать здесь — от предсказания до исполнения —

единого пути Божия, которым приходит *слава яже от Бога*, — дыхания единого Духа Божия, начинающего подвизать *вси роди, да ублажат Матерь Приснодеву?*

Когда распятый Господь прославлен воскресением и вознесением на небо: тогда слава Божественной Матери Его является уже не мгновенно блистающею яко молния, но, по выражению Соломона, *восходящею аки утро*, так что *добрая яко луна* при Солнце правды. Она, по восшествии Его превыше всех небес, Сама осталась для земли *избранною яко солнце* посреди единонадесяти или двенадесяти звезд, то есть Апостолов. Именно: *сии вси*, сказано об Апостолах, *бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Марией Материю Иисусовою* (Деян. 1, 14). Так, Матерь Иисуса, не быв никогда видена среди Апостолов при Иисусе, по вознесении Его является уже неразлучною с собором Апостолов: *бяху терпяще*, то есть постоянно пребывали с *Мариею Матерью Иисусовою*. Что значит это новое устроение? — Хотя оно может быть объясняемо и просто желанием общения в молитве при общем ожидании сошествия Святого Духа: но при углубленном внимании можно здесь открыть нечто особенное и более таинственное. Если сосуд, в котором было благоуханное миро, и после одного благоухает и в некоторой степени продолжает действие самого мира: то кольми паче, соделавшаяся живым сосудом Божества во время воплощения Сына Божия, должна была навеки быть умащена Божественным благоуханием благодати от Того, Которого и единое имя есть *миро изливанное* (Песн. 1, 2); и потому Ей свойственно и как бы сродно Своим присутствием и молитвою приближать к людям благодатное присутствие и спасительное

действие Того, Который обитал в Ней телесне и всегда обитает в Ней духовно и Божественно. Конечно, сие-то благотворное действие общения с Материю Господа ощутили Апостолы в сердцах своих тем полнее, чем сильнее жаждали подобного ощущения, дабы восполнить лишение видимого общения с вознесшимся Господом; и таким образом Она сделалась средоточием их единства, несмотря на то, что по Своему смирению продолжала уклоняться от всякого вида владычествования в их сонме. *Бяху терпяще единодушно с Мариєю Материю Иисусовою.*

Наконец, чудно и торжественно благодать *Избранныя яко солнце* явилась тогда, когда Она, по закону земнородных познав запад Свой на земли, восходила в не вечерний свет небесный: ибо и рассеянным по вселенной для проповеди Евангелия Апостолам свет Духа показал это время последнего с Нею в видимом мире общения, и влечение Духа соединило их всех окрест Ея смертного одра, окрест Ея живоприемного гроба. С тех пор, по выражению Церковному, *слава Ея Боголепная Богоподобными сияет чудесы.* Тщетно мрачные мудрования неправомыслящих усиливались затмить Ея славу: они только изощряли ревность правоверующих к Ея прославлению. Ни пространства мест, ни продолжение и превратности времен не ослабляют сияния славы Ея. Сколь наши времена ни удалены от лицезрительного с Нею общения: сие не препятствует вере созерцать Ее, и молитве приближаться к Ней, между прочим при посредстве Ея священных изображений, и Она Сама чрез тайносообщительные образы и знамения исходит в сретение вере и молитве, и простирает усвоенную Ей благодать и благотворную

силу на все исполнение Церкви, которая в соответствие тому всеродно ублажает Ее — сколько по долгу благоговения к Матери Господней, столько же по чувству веры, упования и благодарности.

(По другому выражению). Слава Богоматери имела и своих врагов, подобно как и слава Христова: но в сем-то наипаче является Божественная сила благодати, что враги служат ей не столько препятствием, сколько средством к достижению ее целей. Что произвели еретики, которые так хитро и дерзновенно усиливались похитить у Пресвятой Девы Марии высокое наименование *Богородицы?* — То, что Православная Церковь, остерегаясь от их лукавства и дерзости, стала еще ревностнее прежнего прославлять Пресвятую Богородицу: и от того нет теперь в Церкви ни одного дня и ни одного Богослужения, которые не были *преукрашены* Ея Божественною славою. И это не есть простой перебор слов православных противу еретических, но действительное сражение духовных сил и совершенная победа силы Христовой над силою противников Его. Ибо славящие уста утомились бы в продолжении веков, если бы на глас молитв и славословий не посещала верующих Пресвятая Богородица Своею могущественною помощью, принося душам Христа с Его благодатию, подобно как Она является носящею Его на руках в наших священных изображениях (иконах).

Ч. I; 189—92, 195.

Глава пятнадцатая

СЛАВА БОГОМАТЕРИ В ЕЯ УСПЕНИИ

§ 1. Обстоятельства успения и погребения Божией Матери

Собор ученик и Божественных Апостол собрася погребсти Богоприятное тело единыя Богоматери.

Этим песнопением святая Церковь обыкновенно оглашает нас в праздник Успения Богоматери. Церковь говорит как бы о том, что видит; и поелику говорит ко всем нам, то кажется желает, чтоб и все мы не просто вспомянули, но как бы видели успение и погребение Божией Матери.

Можем ли мы соответствовать этому желанию Церкви? Не трудно понять, что это не телесных очей дело. Тут требуются два ока: око ума чистого и око сердца верующего и любящего. Признаем несовершенство наших очей. Но не можем ли мы хорошо видеть очами Святых, которые умели созерцать и желали помочь нашему созерцанию. Испытаем воззреть на преставление Божией Матери очами Святых: Дионисия Ареопагита, Ювеналия Иерусалимского, Андрея Критского и Иоанна Дамаскина.

Правда, святой Андрей и сам встречается некоторое затруднение. В Слове на празднике Успения Богоматери он предлагает недоумение любознательных: почему представление Богоматери не описал никто из составивших книгу Божественных Евангелий? Впрочем, сам же он и разрешает это недоумение, говоря: *это может быть потому, что Ея богоприятное успение произошло долгое время спустя по вознесении Господнем, ибо, как сказывают, Она достигши глубокой старости представилась от здешней жизни; или же тогдашние времена не допускали такового изложения.*

Далее в том же Слове святой Андрей поступает так, как и мы теперь. Именно, он смотрит на успение Божией Матери очами современника этому событию святого Дионисия Ареопагита, приводя его слова из его книги о "Божественных именах". Святой Дионисий, обращая речь к святому Тимофею, и упомянув о святом Иерофее, говорит: *и мы, как тебе известно, и он, и многие из священников наших стеклись для зрения живоначального и богоприемного тела. Присутствовал и Богобрат Иаков, и первоверховный и старейший из Богословов Петр. Потом, после зрения, угодно было всем священноначальникам, поколику каждый способен был, воспевать безмерно могущественную благодать богоначальственной немощи, то есть, как изъясняет святой Максим, восхвалять вольное снисхождение Сына Божия, принявшего на Себя немощное тело человеческое, кроме греха.*

Но святой Дионисий открыл нам только часть дивного зрелища, как видно из его же слов, близко за вышеприведенными следующими, обращенных к тому же святому

Тимофею: *что там было таинственного, то прехожу молчанием, как неизрекаемое для многих, а тебе известное.* Смиримся, если и мы принадлежим к тем многим, для которых неудобноизрекаемо многое таинственное; но известное святому Тимофею могло сделаться известным от него другим достойным, а от сих нечто из того могло и до нас достигнуть.

Таинственное можно предполагать, во-первых, в том, как многие Апостолы собрались на погребение Богоматери, когда они были разсеяны по вселенной для проповеди Евангелия. И эту тайну несколько открывает нам и объясняет святой Андрей, когда говорит: *не удивительно, если Дух, подъявивший некогда Илию и небесного огненосного колесничника взявший, и их (Апостолов) тогда внезапно собрал, принести на облаках в духе.* Ибо для Бога все удобно, как знаем из примеров Аввакума и Даниила. А святой Иоанн Дамаскин, также в Слове на праздник успения Богоматери, решительнее изъясняется, что, ради чести преставления Божией Матери, Апостолов по Божию велению облак, подобно некоей сети, влек в Иерусалим, и от краев земли, как бы неких орлов, во едино место устремил и совокупил.

Святой Дамаскин и еще тайну в преставлении Богоматери созерцает и нам открывает, именно: *пришествие Самого Царя к Своей Родительнице, дабы Божественными руками принять Ея святую, чистую и непорочную душу.*

Наконец, святой Дамаскин, для изъяснения таин успения и погребения Богоматери, приемлет в помощь святого Ювеналия архиепископа Иерусалимского, извлекая из не-

коего исторического писания следующее повествование. В правление императора Маркиана (450—457 гг.) императрица Пульхерия создала в Константинополе во Влахернах и украсила храм в честь Пресвятыя Богородицы. Желая приобрести этому храму приличествующую ему святыню, и услышав, что близ Иерусалима в Гефсимании есть Храм на месте, где живоносное тело Приснодевы положено в раке, Император и Императрица изъявили архиепископу Иерусалимскому желание, чтобы эти мощи принесены были в новосозданный храм, в охранение царствующему граду. Ответствуя на это, святой Ювеналий, утверждаясь на древнем, по его словам, и истиннейшем предании, упомянув о чудесном собрании Апостолов, мгновенно восхищенных от разных стран к Пресвятой Деве — с Божественною славою предающей душу Свою в руце Божии, о изнесении тела Ея — с Ангельским и Апостольским пением, и о положении оного в Гефсимании, продолжал: *на том месте целых три дня продолжались Ангельские ликостояния и песнопения. По третьем же дне, по прекращении Ангельского песнопения, пришли Апостолы, потому что один из них, Фома, опоздал, пришел по третьем дне, и желал поклониться Богоприемному телу. Открыли раку, и всехвального тела Ея обрести не могли. Нашли только Ея погребальные пелены, лежащие, и от них исполнясь неизреченным благоуханием, закрыли раку. Пораженные таинственным чудом, одно то могли они подумать, что благоволивший своею Ипостасию воплотиться и вочеловечиться от Нея, и родиться по плоти, и по рождестве сохранивший нетленным Ея девство, Бог Слово*

и Господь славы благоволил, и по прекращении Ея здешнего жития, непорочное и пречистое тело Ея почитать нетлением и преложением, прежде общего вселенского воскресения. — За сим святой Ювеналий дополняет свой ответ Царю свидетельством святого Дионисия, которое мы уже привели; а святой Иоанн Дамаскин оканчивает повествование истории тем, что во Влахернскую церковь перенесен был из Гефсимании ковчег с погребальными пеленами Пресвятой Богородицы.

Об обстоятельствах успения Божией Матери, Святитель Филарет заимствует еще свидетельство от находящейся в Московском Успенском Соборе *Иконы Успения Пресвятыя Богородицы*, которой древнейший образец по особенному устроению Провидения Божия принесен был из Константинополя в Киев, и которую Святитель Петр* своею священою и святою десницею изобразил для нашего духовного созерцания.

Первая часть этой Иконы: видим пречистое тело Богоматери, по отшествии пресвятой души Ея, почивающее на одре; Собор Апостолов подымлет и несет оное к месту погребения; святой Петр воздает ему честь каждением фимиама. — Вторая часть Иконы: над смертным одром и над бездыханным телом Богоматери Икона представляет Самого Христа Спасителя, держащего на руках душу Ея в образе младенческом, знаменующем без сомнения начатие новой на небесах жизни.

Писания не говорят, чтоб изображаемое этою Иконою видели телесными очами все бывшие свидетелями успения

* Первый Митрополит Московский и всяя России; мощи его нетленно почитают в Московском Успенском Соборе.

и погребения Божией Матери. Посему надлежит полагать, что составитель Иконы представил здесь видимым принадлежащее к миру невидимому и просто видимое соединил с духовно созерцаемым. Изобразив тело Богоматери, оставленное Ея душою, он как бы предупреждал вопрос: что в сие время происходило с Ея душою? И в ответ на это изобразил видимо и душу Ея, носимую руками Ея Божественного Сына.

Как согласуется это священное предание с учением Священного Писания? Для разрешения этого вопроса можно указать на слова Христовы: *бысть же умрети нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамле* (Лук. 16, 22). Если Писание свидетельствует, что души святых человеков исходя от тела приемлются Ангелами: то не совершенно ли согласно с сим предание — между прочим посредством святой Иконы — свидетельствует, что пресвятая душа Матери Господней, высшей Ангелов, при исхождении от тела прията была Самим Ея Божественным Сыном? Ангел же, по другому преданию, послан был к Ней еще прежде на землю предварить Ее о приблившемся преставлении Ея; а потом собор Ангелов приветствовал Ее небесными песнопениями, отголосок которых слышали достойные во время Ея погребения.

Так богомудрые Отцы и в иконном изображении представили нам не только назидательное воспоминание прошедшего видимого, но и таинственное созерцание невидимого в области грядущего века.

Какое сладкое, хотя недостигаемо высокое созерцание! Как светло сияет в нем любовь Божественного Сына к Богоблагодатной Матери! Какая точность небесного Судии в воздаянии по делам земной жизни! Как Присно-

дева носила на руках Своих Сына Божия во время Его земного младенчества: так в воздаяние за это Сын Божий носит душу Ея на руках Своих в начатке Ея небесной жизни.

Ч. III; 37—9. — Ч. I; 207—9.

§ 2. Пророчество о вечной судьбе Богоматери

Предста Царица одесную Тебе
(Псал. 44, 10).

Как скоро в пророческом изображении *Дщери Царевой*, которой *вся слава внутри*, узнали мы* Пресвятую Деву Марию: то Ее же должны мы узнать в той же пророческой песне, и в образе *Царицы представшей одесную Царя*, Которого *престол в веке века*, Который, будучи Бог, от Бога помазан елеем радости *паче причастник Своих*, то есть, — Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа.

Когда и где предстала Она пред Ним так торжественно? — Без сомнения, по совершении Своего земного поприща, на небе, где Он имеет у Отца Своего *славу*, *юже име прежде мир не бысть* (Иоан. 17, 5).

Она *предстоит* пред Ним как предстоят рабы пред Господом; потому что и Она есть раба — по Своему сотворенному существу: но вместе предстоит и как *Царица* — потому что участвует в Его славе и имеет Матернее пред Ним дерзновение.

* См. гл. 2-ой пп. 2-й — изъяснение псалма 44-го.

И можно ли думать, что Ея предстояние пред Царем славы праздно и бездейственно? Если еще на земле, во время сокрытия Его и Ея славы, Она предстояла Ему с ходатайством о помощи в наших нуждах, даже маловажных, как, например, о вине для невинного веселия на браке, и *еще не прешедший час* Его благотворных чудодействий могла приблизить (Иоан. 2, 1—9): то кольми паче ныне, на небе, когда и Ея человеколюбие и Ея пред Сыном и Богом Матернее дерзновение освободились от земных ограничений, — Она предстоит пред Ним не в забвении о земнородных, но деятельно предстательствует о нас, о благодатной помощи в наших нуждах, бедах и скорбях, о мире всего мира, о спасении каждой души, искренно ищущей спасения; а как *Царица* (поелику на небе нет имен без значения, силы и действия) и Сама имеет власть заступать, охранять и ущедрять милостями в державный Ея покров прибегающих.

Так в слове пророческом обрели мы то, что имеем в учении святой Церкви, что часто не в буквах, а в лицах читаем на святых Иконах, что радостно чтим в церковные праздники Богородичные, — обрели Пресвятую Деву Богородицу, по успении на земле восшедшую на небо, Царицу во славе представшую Царю славы, предстательствующую о нас благодатно и спасительно.

Возрадуйтесь девствующие: ибо девство уже воцарилось на небе и царски оттоле вас покровительствует. — Не унывайте рождающие: Матерь Господня, хотя и не испытала болезней рождения в рождении безгрешном, тем не менее по опыту глубоко знает скорби материнской любви и заботы, и таким образом, подобно Своему Божественному Сыну *Сама искушена быв*, по благодати Его

может и по милосердию Своему хочет и другим искушаемым помощи (Евр. 2, 16—18). — Веселитесь все рожденные женами: ибо если Сын Божий, по Своему вочеловечению, *не стыдится братию нарицати нас* (Евр. 2, 11); то конечно и Пречистая Матерь Его *не стыдится чадами нарицати всех нас* и Матерним сердцем о всех нас милосердовать.

Ч. III; 31—2.

§ 3. Вечная Божественная слава и вечное в Боге блаженство Богоматери

Предста Царица одесную Тебе.

Слава вечной жизни начинала уже просвечивать сквозь самую смерть Богоматери. За три дня, явился небесный вестник призвать Ее в вечность и принес Ей знамение ожидающего Ее рая; чудесно собрался Собор Апостолов почтить Ея преставление и погребение; достойные видели Самого Божественного Ея Сына, с небесными Силами пришедшего принять душу Ея; бездыханное тело Ея чудодействовало; в третий же день от смерти, по подобию Христову, проявлено Ея полное воскресение; земного тела Ея не стало во гробе; Собору Апостолов Она явилась в небесной славе*.

Что значит, что смерть сделалась предметом праздника? Торжественно возвещается в Церкви смерть Гос-

* Подробнее о всех этих обстоятельствах успения, погребения и воскресения Богоматери можно читать в Четь-Минеях, в праздник Успения Богоматери, и в Церковных службах на этот праздник.

подня, как спасительная и живоносная для всех нас; торжественно воспоминается и смерть Матери Господней, как в высокой степени для нас поучительная и утешительная. Показав нам гроб Христов с отваленным камнем, с одними погребальными пеленами, в нем оставшимися, и возвестив, что *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. 15, 20), святая Церковь как бы заботилась, чтоб наша вера и надежда не утомились долгим ожиданием последующего за этим начатком воскресения умерших: и потому она приводит нас к другому гробу, также в третий день после погребения отверзтому и уже празднему от тела в нем погребенного, и как бы указуя говорит нам: вот и действительный, скорый, очевидный в лице Матери Господней опыт воскресения, которого начатком был Христос; благодатию Сына Своего и Бога Она так совершенно созрела на земле для неба, что и тела Ея не могла удержать земля до времени всеобщего воскресения: зрите праздный гроб Ея и радуйтесь упованием жизни за гробом. Мысль о смерти, доселе омрачаемая страхом и печалию — от нашего несовершенства и немощи, теперь освещена радостью надежды — от силы благодати Божией. Теперь смерть является нам не страшною или печальною, но радостною и торжественною; не разрушительницею жизни, а руководительницею к вечному животу: когда она дышит на нас не тяжким воздухом тления, но благоуханием нетления; когда непосредственно за темною дверью гроба она отверзает светлую дверь неба; когда *живот предобручает смерть*; когда она, чтоб не смущать нас даже звуком своего имени, преобразилась и переименовалась в *успение*, то есть успокоение, мирному сну подобное, и в *преставление*, то

есть как бы легкое перестановление от места на место, от места в мире видимом в состояние мира невидимого. — Здесь видна сила благодатной святости. Она и смерть превращает в жизнь, а потом и печаль в радость. Пресвятая Дева, с большим правом нежели сам Апостол Павел, могла присвоить Себе его слова: *мне еже жити — Христос, и еже умерти — приобретение есть* (Фил. 1, 21). Матерь Живота не должна была быть удержана смертию, хотя и должна была пройти сквозь ее область. На гроб Матери Божией Церковь смотрит как на *лестницу к небеси*, куда Она идет, чтоб в качестве Царицы *предстать одесную* Христа Царя небесного, и чтоб не только Самой блаженствовать в небесном царстве, но, действием Своего молитвенного предстательства, и на нас низводить оттоле дождь благословений: посему — как нам не радоваться? как не торжествовать?

Какое необыкновенное зрелище представляется нам у гроба Богоматери! Обыкновенно до гроба — свет и ясность, далее гроба — мрак и неизвестность: а здесь совсем наоборот. До гроба — какое высокое достоинство и добродетель, в какой глубокой тайне и безвестности! Далее гроба — какой свет и слава, какое торжественное воздаяние достоинству и добродетели!

Она, сия Дева, в земной жизни Своей в столь глубокое погруженная уединение и столь удаленная от всякого сообщества, что явление Ангела, который и сам есть дева, привело Ее в смущение: *видевши смутися*, — Она теперь отверзает Свой чертог, допускает в него и девствующих и живущих в супружестве; приемлет бесчисленные целования, то есть благоговейные приветствия не только от безплотных или безплотным в чистоте подо-

бных, но и от человек нечистые устне имущих; не только не смущается, но и успокаивает смущенных; не только не чуждается радости; но и наполняет ею приближающихся; не только не трепещет пред благодатию, но и со дерзновением подает ее требующим. Какая перемена! Никому недоступная тогда, когда Она была только *раба Господня*: и всем доступная теперь, когда Она есть *Мати Господа*!

Теперь уже не ученик распятого Иисуса осиротевшую Матерь Его *поят во свояси*, в малый дом свой: но Сам Господь Иисус царствующий на небесах Препоблагословенную Матерь Свою *поят во свояси* — во многие обители в дому Отца Своего, в блаженное созерцание и причастие славы, юже имел Он у Отца прежде мир не бысть.

Теперь не одного ученика Своего дает Он Ей в сына, чтоб Она упокоена была его сыновним служением: но всех учеников Своих, всех православно верующих христиан Он дает Ей в сыны и дочери — чтоб они пользовались Ея матерним попечением.

Отходя в Церковь небесную, Она чудесно собирает к Себе верховных представителей Церкви земной, рассеянных по вселенной: и чрез то дает знамение, что союз Ея с верующими на земли не только не прерывается отхождением Ея на небо, но еще отселе становится крепче, обширнее и деятельнее; и что живущая в Ней благодать, столь долго скрываемая смирением, должна наконец торжественно открыться из Ея гроба и наполнить Вселенскую Церковь Ея славою, — по Ея раннему, некогда невероятному, но совершенно верному предречению: *ублажат Мя вси роди*.

Оказывается, что семя слова небесного если не всегда скорый, зато тем более обильный и прочный плод прино-

сит. Теперь не одно небесное созерцание видит *благодать* Препоблагословенной Приснодевы, не один Ангел тайно благовествует Ей *радость: род человеческий благословляет Благословенную в женах*. Подобно как слава Ея Сына и Бога, и Ея слава Боголепная из гроба возсиявает. Чудеса Ея успения открывали, что Богоносная душа Ея отходит прямо к Богу; праздный после погребения гроб Ея показал, что и в теле Ея смерть не нашла себе никакой пищи, то есть ничего грехом зараженного и потому ничего тленного. Жизнь будущего века, которой мы еще только чаем, для Нея уже есть *настоящая* вечная жизнь, на высочайшей степени славы. В чертоге небесном как Царица по благодати *предстала* Она одесную Царя по естеству, *в ризах позлащенных одеянна* (Псал. 44, 10, 15), или, по другому созерцанию, — *облеченна в солнце* (Апок. 12, 1), то есть в открытый и совершенный свет Христов; *предстала*, чтобы не только пребывать во свете и наслаждаться им, но и царствовать во свете или световодительствовать — *да приведутся Царю девы*, души целомудренные или уцеломудрившиеся, *в след Ея*.

Такова судьба Приснодевы — в Ея успении для жизни земной временной, в Ея пробуждении к жизни небесной вечной.

Ныне *радуйся благодатная* и отныне на веки ненарушимо *радуйся*; не только радуйся, но и блаженствуй; не только радуйся, но и блаженствуй; не только *Благодатная*, но и Препрославленная!

Ч. I; 186, 193, 197, 204. — Ч. III;

43, 48. — Т. II; 368.

+ + +

Богородице Дєво, радуйся, благодатная Маріє: Господь с Тобою; благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего: яко Спаса родила єси душ наших.

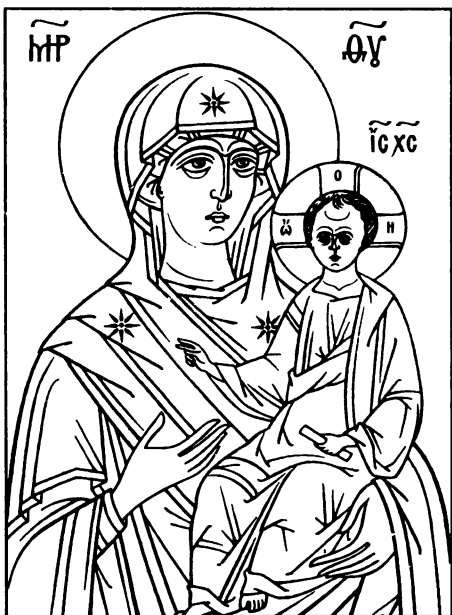
+

Єже от века утаєнное, и Ангелом несведомое таинство, Тобою, Богородице, сущим на земли явился Бог, в неслитном соединении воплощаем, и крест волею нас ради восприним: иже воскресив первозданного, спасе от смерти души наша.

Всемирную славу от человек
прозявшую, и Владыку рождшую,
небесную дверь воспоим Марию
Деву, безплотных песнь, и верных
удобрение: сия бо явился небо,
и храм Божества: сия прегражде-
ние вражды разрушивши, мир вве-
де, и царствие отверзе. Сию убо
имуще веры утверждение, поборо-
ника и мамы из Нея рождагося
Господа. Дерзайте убо, дерзайте
людие Божии: ибо Той победит
враги, яко всемоушен.

Часть вторая

**О подражании добродетелям
Богоматери.**

**О благоговейном почитании
и прославлении Ея.**

Ублажат Мя вси роди.

Лук. 1, 48.

*Приведутся Царю девы в след Ея, искрен-
ния Ея приведутся Тебе.*

(Псал. 44, 15).

Глава первая

О ПОДРАЖАНИИ ДОБРОДЕТЕЛЯМ БОГОМАТЕРИ. — ПРОРОЧЕСТВО ОБ ЭТОМ

*Приведутся Царю девы в след Ея, искрен-
ния Ея приведутся Тебе.*

Пророк, предсказав высокое общение с Богом Преподобной Девы Марии чрез воплощение в Ней Сына Божия, присовокупил: *приведутся Царю девы в след Ея*. Под именем дев разумеются души, не растленные любовью плоти и мира, или от ней очищенные. Это ваши души, христиане, поколику они сохраняют духовное девство, в которое родились крещением, или поколику возвращают оное покаянием. Они также должны быть *приведены к Царю Богу*, хотя не рядом с Царицею Небесною, Которая впереди всех, потому что выше всех, однако же *в след Ея*, то есть чрез последование в некоторой степени примеру Ея они должны быть доведены до некоторой степени общения с Богом. Не нерадите пользоваться преимуществом, которое предлагается и почти усвоется вам

пророчеством. Всматривайтесь внимательно и самым делом вступайте в след Царицы Небесной. Есть и для вас благовещение своего рода и степени, потому что и вам *благовествуется день от дне спасение Бога нашего* (Псал. 95, 2): принимайте слово спасения как принимает дождь земля жаждущая. Снисшедый вселится в Деву Ипостасию Своею и еще нисходит *вселится верою в сердца ваша* (Ефес. 3, 17): не оставайтесь бездейственны, *исходите в сретение Жениху* (Мф. 25, 6), сретайте приближающуюся благодать Божию вашим сердечным желанием. Матерь Божия наречена благодатною по преимуществу; но есть и для всех нас некоторая мера благодати, соответствующая нашей вере и потребности, и достаточная для нашего спасения: *явился бо благодать Божия спасительная всем человеком* (Тит. 2, 11). Матерь Божия безпримерно благословенна в женах и во всем роде человеческом; но и нас, как говорит Апостол, *Бог благословил всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Ефес. 1, 3).

Можно ли идти по стопам Божией Матери? — Не только можно сему быть, но и должно — по предвещанию Пророка: *приведутся Царю девы во след Ея*. Может человек подражать и Богочеловеку, Который Сам к тому призывает и обнадеживает достижением высокой цели: *еще кто Мне служит, Мне да последует; и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Иоан. 12, 26)*. Подражание не требует равенства, ни даже близости

* Научитесь от Мене: яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29).

равенству. Малый может подражать великому в том, что доступно. Не всякому пожеланию доступно дивное и чудесное; но истинное и доброе доступно всем, хотя впрочем каждому в своей мере и степени, по мере веры, по степени чистоты желания и ревности в подвиге. Хотя судьба Пресвятой Богородицы в своем особенном виде и степени безпримерна; но вообще, как судьба души совершившейся и блаженной, она есть следствие тех же самых сил, расположений, действий и подвигов, которыми пролагается и совершается общий и для всех людей путь спасения.

Души христианские! Ужели вы не поревнуете идти в чине мудрых дев, в след Приснодевы? Неужели кто из вас обречет себя добровольно на участь дев юродивых? Ужели не возжелает сердце ваше приблизиться к небесному Жениху, Которого Сам Отец небесный неоднократно провозглашает *возлюбленным*, не по какой-либо нужде высказать к Нему любовь Свою, но чтоб возбудить к Нему нашу любовь.

Или вас расслабляет маловерная мысль, можно ли достигнуть такой высоты? — Но нет места сомнению о возможности того, что непогрешительное Пророческое слово предвещает и обещает как долженствующее сбыться: *приведутся Царю девы в след Ея.*

Или чувство недостойнства подавляет вас и препятствует божественному желанию окрылиться? — Отделите чувство недостойнства, которое справедливо, от подавляющей безнадежности, которая несправедлива. Для достойных ли приходил на землю Сын Божий? — Вот, Он Сам провозглашает: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Марк. 2, 17); *прииде Сын*

человеческий взыскати и спасти погибшее (Мф. 18, 11). Если не только к недостойным и грешным, но и к погибшим пришел Спаситель: то и взаимно, не только недостойные и грешные, но и погибшие имеют надежду приблизиться к своему Спасителю, только бы возжелали, подвиглись, потщились уготовить себя к этому приближению, — не своею силою, а Его же благодатною помощью.

Ч. III; 32—3, 44, 53. — Ч. I; 204.

Глава вторая

О ВОСПИТАНИИ

Кто слышал, что говорит священное предание о безмолвии, в котором возросла и воспитана Пресвятая Дева: тот имеет образ совершеннейшего благочестивого воспитания, и может судить, соответствует ли этому образу и обещает ли благословенные плоды разсеянность, столь охотно позволяемая детям в наше время.

Приидите любящие уединение и от размышляющей Мариами вразумитесь, что благословенное зерно уединения есть смиренное богомыслие.

Приидите пристрастные к сообществу и возьмите себе на замечание, что не в суете мирских дел, не в развлечении многолюдства, не в шуме праздных бесед посещают душу небесные силы и слово Божие сеется в сердце.

Ч. I; 161. — Т. II; 369.

Глава третья

О ПРИЛЕЖНОМ ПОУЧЕНИИ В СЛОВЕ БОЖИЕМ

Если скажут тебе, что стремление к совершенству есть мечтательство, что любовь к мудрости есть дерзкое мудрование, что размышление о вере, поучение в законе Божиим, чтение слова Божия или не нужно, или опасно: вслушайся внимательно, походит ли это на глас Ангельский, на учение духовное, на проповедь небесную? Сличи с сим истинный и чистый глас пророческий: *блажен муж, егоже воля в законе Господни и в законе Его поучится день и ночь* (Псал. 1, 2). Сличи с сим учение Божественного Учителя: *испытайте писания* (Иоан. 5, 39). Сличи с сим внушение Апостола: *слово Христово да вселяется в вас богато, во всякой премудрости, учаще и вразумляюще себе самех* (Колос. 3, 16). Сличи с сим пример Марии: никто не запретил юной Деве Израилевой читать книгу пророка Исаии и над нею размышлять об Еммануиле.

Т. II; 372—3.

Глава четвертая

О ПОСТЕ

Для чего ежедневно постилась Пресвятая Дева Мария? — Нельзя сказать, чтоб это было для приготовления к высокому званию Матери Господней — по Ея собственному намерению; потому что при Ея вступлении в подвиг поста тайна эта еще не была Ей открыта: но несомненно должно признать, что это было действительное приготовление к званию Матери Господней — по Божьему устроению. Сама ли собой вошла Дева Мария в подвиг поста, пренебрега телесное, потому что стремилась к духовному; или введена была в этот подвиг сокровенным или открытым внушением Ангела, Ея хранителя: но конечно не случайно, а по особенному усмотрению и предуготовлению для служения великой тайне воплощения Сына Божия избрана Дева постящаяся.

Пример этот безпримерен и безподражателен. Однако мы можем из него вывести для себя то верное заключение, что если совершенный пост Пресвятой Девы Марии был благопотребен и полезен на пути к Ея безпримерно высо-

кому избранию: то наш хотя несовершенный пост может быть благопотребен и полезен на пути к обыкновенному для всех истинных христиан благодатному избранию.

Ч. I; 174.

Глава пятая

О ДЕВСТВЕ

Что есть девство?

Каждый по собственному опыту знает девство как естественное состояние, предшествующее браку, не испытывавшее таин брака, не пробужденное к познанию их. Но это есть только несовершенный начаток девства; это еще только трава лилии, а не цвет, только леторасль яблони, а не яблоко благовонное: Девство младенчества, потому что есть просто естественное состояние, — не есть дело свободы, ни плод подвига, следственно не есть еще добродетель. Прилично называется оно невинностью, потому что в нем нет вины, противоположной девству; но и все тут. А еще нет в нем превосходного достоинства, принадлежащего девству совершенному.

Девство как подвиг, как добродетель, как цвет чистоты, как плод целомудрия, как путь совершенства является тогда, когда человек — в возрасте по обыкновенному ходу телесной природы более или менее располагающем к супружеству, — не предаваясь влечению природы, не увлекаясь обычаем, примерами, приятностями и нуждами

общезнания, решается не приобщаться браку, а соблюсти девство навсегда.

Преблагословенная и Пречистая Дева Мария положила твердое основание девства и возвела оное до безмерной высоты. В непорочности младенческой быв посвящена Богу на всегдашнюю чистоту, Она соделалась незыблемым основанием Ангельской на земли жизни.

Мир ветхозаветный ревновал о чадородии, а потому и о браке, домогаясь родить Спасителя мира. От Евы до Приснодевы женский пол, как и мужеский, служил закону брака — в чаянии той награды, что рано или поздно произведет на свет то *обетованное Семя*, Которое *сотрет главу* адского змия, и о Котором *благословятся вси языцы земнии* (Быт. 3, 17. 22, 18). Но эта награда не браку была предназначена: брак мог рождать только человек; одно девство достойно было родить Богочеловека.

Какой же пример для подражания, какое наставление для жизни представляет нам девство Преблагословенной и Пречистой Девы Марии?

Если Преблагословенная Мария чистейшим девством достигла высочайшего и безмерного избрания Божия: то хотя и не возможно равное сему избрание, однако подражающий по возможности Ея девству, по правде Божией может, подобно Ей, уповать особенной благодати Божией, особенного избрания, особенного приближения к Богу. Если Ее одну девство соделало честнейшую Херувимов и славнейшею без сравнения Серафимов: то подражателей Ея по крайней мере может оно сделать равными Ангелам. Если Ее одну девство соделало осененною скиниею Духа Святого — Матерью Сына Божия: то может оно тем не

менее и другие души соделать дочерьми Божиими, ближними Царя небесного, невестами Христовыми. Сие именно возвещает нам тайнознаменательный псалом: *приведутся Царю девы в следе Ея.*

Но как и подвижающийся не будет увенчан, если незаконно будет подвизаться (2 Тим. 2, 5): то решающийся на подвиг девства должен знать, всегда помнить и соблюдать главный закон этого подвига, закон, состоящий в том, чтобы подвиг девства предпринимаем и проходим был — для Бога: *Царствия ради небесного*, говорит Сам Верховный Законоположник девства Иисус Христос (Мф. 19, 12); и Апостол говорит: *неоженившийся печется о Господних, како угодити Господеви; непосягающая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом* (1 Кор. 7, 32. 34). Угождение Богу, и для этого освящение духа и тела — есть цель подвижающихся в девстве. Кто на поприще девственной жизни бежит не к этой цели: тот не к венцу бежит. Для того-то девственник и устраняется от супружества, чтоб особенная склонность к существу земному не задерживала или не кривила его стремления к Богу. По такому стремлению всею силою ума и любви к Богу и по направлению всей деятельности к благоугождению Ему — девствующая душа и называется невестою Небесного Жениха.

Господь сказал: *в воскресении ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть* (Мф. 22, 30), или, как пересказывает другой Евангелист: *равни суть Ангелам* (Лук. 20, 36). Итак, состояние — в котором ни женятся, ни замуж не выходят, следственно всегдашнее девство — Господь называет состоянием равноангельным.

Но Сам же Господь предварил нас, что не все способны или не всякий способен девствовать: *не вси вмещают словесе сего, но им же дано есть* (Мф. 19, 11), и Сам Он призывал к подвигу девства не всех, а только тех, которые способны или которым дано это дарование: *могий вместити да вместит* (-12).

Ко всем же проповедуется о девстве: потому что между всеми находятся те *имже дано есть* сие, и слово ищет между всеми тех, которых Бог призывает слышать и творить оное, и которых человек часто не знает.

Ко всем говорится о девстве: чтобы и брачные знали, что есть состояние выше брака; чтоб смиренно мыслили о браке; чтобы, уважая девство хотя в других, и смиренно мысля о браке, приобретали браку благословение, близкое к благословию девства.

Ко всем говорится о истинном девстве: чтоб зная оное остерегались ложных путей буиных дев, которые с невозженными светильниками ума, без сердечного елєя, скїтаются вдали от чертога и вместо духовной любви к Небесному Жениху питают в себе только вражду против благословенного брака. Ибо еще с Апостольских времен *дух явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внимающе духовом лестчим и учениям бесовским, в лицемерии лжесловесник сожженных в совести своей, возбраняющих женитися* (1 Тим. 4, 1—3).

Наконец, ко всем говорится о девстве: чтоб и брачные и безбрачные — от высокой красоты девства, от среднего благообразия честного и непорочного брака — осторожным и заботливым оком различали неблагообразие того состояния, которое ни златого таланта девства, ни сребря-

ного таланта честного брака не воздвывает верно по воле Господа и Раздаятеля всех даров и талантов. Как девство не для всех, так и брак не для всех; но целомудрие для всех: *явися бо благодать Божия спасительная всем человекам, наказующи нас, то есть научая нас, да отвергшиеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце* (Тит. 2, 11—13). Что значит целомудренно? — Или в чистоте девства, или в честности брака, в том и другом случае — с *отвержением плотских похотей, яже воют на душу* (1 Петр. 2, 11). Только так живущие в нынешнем веке могут *ожидать блаженного упования в веке будущем* (Тит. 2, 13).

Одною из существенных принадлежностей воплощения Христа была чистота Его Матери, не нарушенная ниже взором, ниже мыслию. Взирая на Ея пример стремящаяся к соединению с Богом душа, и виждь в зеркале совершенства Ея твою обязанность.

Приидите девствующие, и от Девы Марии примите утверждение вашего подвига, созерцая в Ней безпрекословно высокое достоинство — девство, поелику оно Бога в себе носит.

Приидите живущие в супружестве, и от обрученные, но не сочтенные, примите благословение ваших супружеств: поелику все человеческие супружества рождали бы только чад гнева и наследников ада, если бы Матерь-Дева не родила Сына, Который перерождает их в сынов и наследников Божиих.

Ч. I; 16, 144—7. — Т. II; 368—9.

Глава шестая

О ВЕРЕ

Вера есть уверенность в невидимом
(Евр. 11, 1. Рим. 8, 24—5)

Без веры не возможно угодить Богу
(Евр. 11, 6).

Вера есть соответственное с нашей стороны средство для спасительного прикосновения нашего ко Христу. Она есть духовный магнит, привлекающий к нам Божественную благодатную силу. Вера отверзает душу нашу к принятию благодати Божией.

Чтоб увериться в таком действии веры Божией, посмотрим на действие веры человеческой. В сношениях наших с человеком, к которому мы не имеем ни доверенности, ни преданности, не примечаем ли, что душа наша для него закрыта, именно: его на нас действие скользит, так сказать, по поверхности нашего сердца, не проникая внутрь его; его разсуждения не убеждают нас и его чувствования не трогают нас, хотя они и не без силы.

Напротив, кому мы доверяем и преданы: того и легкая мысль и простое слово преклоняют наш ум, проникают сердце, движут душу; и такое общение душ бывает иногда столь тесным, что мы находим для него приличным наименование единства. Примените сие дальнее к горнему, сие земное к небесному, сие человеческое к Божественному: и вы сможете уразуметь, как вера отверзает душу к принятию благодати.

О силе веры вразумим себя примером Богоматери: невместимого Бога вместить возмогла она в Пресвятой Деве, не духовно только, но и телесно. В чем же не могла бы нас удовлетворить наша вера, для которой подлежат несравненно меньшие требования, нежели для веры Девы Богородицы? А довольно ли часты между нами действительные проявления веры, ощутительно возвышенные над природою, явно ознаменованные благодатию?

О' если бы нам известна была вера, какую имеют истинные последователи Христовы! О' если бы нам известна была она истинно *вселенская* вера, которая во Авеле множайшую жертву принесла паче Каина; которая в Ное угодила Богу и спасла род человеческий от конечного истребления потопом; которая в Аврааме принесла в жертву Богу единокровного сына и сквозь отдаление многих веков видела день Христов (Евр. 11. Иоан. 8, 56); которая в Моисее жезлом пресекла море и чрез бездну провела народ Божий; которая отверзала очи пророков и делала их современниками потомственных событий, которая в учениках и свидетелях Иисуса Христа оставила все, чтоб идти в след Его, и потом Его силою исцеляла всякий недуг и всякую язву, с Ним ходила по водам, не умерла в ужасные дни смерти Его, приняла обетование

Святого Духа, повелела именем Его всей природе, победила своим терпением целый мир Ея гонителей! Что я говорю? Если бы нам деятельно была известна вера хотя столь малая, как зерно горчичное, что бы мы были тогда? — Мы могли бы переставлять горы: *аще имате веру яко зерно горушно, речете горе сей: преиди отсюду тамо, и преидет: и ничтоже невозможно будет вам* (Мф. 17, 20).

Если же в нашей немощной или мнимой вере мы не находим не только возможности действовать чудесными или Божественными силами, но ниже довольной помощи для восстановления разстроенных и подавленных сил нашей собственной духовной природы; если наша вера не исцеляет нас ни от духовной слепоты ума, ни от текущего непостоянства сердечных вожделений, ни от двоедушного хромания в путях закона и правды и не спасает нас от мертвых дел: то не должно ли признаться нам, что истинная вера, которую Спаситель называет *верою Божиею*, и для нас еще есть тайна, которой предлежит нам поучаться, чтоб она открылась в нас? И поелику сия тайна хотя и в нас самих сокрывается, но никем иным не может быть открыта, как только Начальником и Совершителем веры Иисусом: то не должны ли мы непрестанно взывать к Нему вместе с первыми Его учениками: *Господи, приложи нам веру!* (Лук. 17, 5).

Но Господь, не отвергая молитвы, обращает к нам требование веры: *аще бысте имели веру яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодицине сей: восторгнися и всадися в море: и послушала бы вас* (-6). То есть: о если бы вы имели начаток веры от искреннего расположения вашего сердца! Тогда верно вы получили бы

великую силу от благодати Божией. Итак, дело за нами, а не за Богом. Имейте сердечное расположение веровать, которое от вас зависит: и Бог не преминет приложить вам веру крепкую, которая есть дар благодати Его.

Ибо верно обещание Господне: *вся, елика аще воспросите в молитве, верующе, примете* (Мф. 21, 22).

Ч. I; 102, 121. — Ч. III; 46—7.

Глава седьмая

ПОСЛУШАНИЕ ВЕРЫ

Аще и Сын бяше, обаче навъче от сих, яже пострада, послушанию, и совершився бысть всем послушающим Его виновен спасения вечного (Евр. 5, 8—9).

Послушание есть последование тому, что слышим — как наставление, или как повеление. В высшем, духовном значении послушание есть последование воли человеческой, как сотворенной и зависимой, воле Божией — как творческой и вседержавной.

Из такого понятия о послушании тотчас открывается обязанность, польза и важность послушания.

Твари ли возставать против Творца? Рабу ли земному воздвигать мятеж против Владыки небесного? — Не совсем омраченный разум, не совсем ожесточенное сердце, общими силами, отвергают такую несообразность; и разум и сердце согласно признают обязанность послушания воли человеческой воле Божией.

Воля Божия непогрешительна. Следственно, послушание воле Божией должно предохранить или избавить человека от погрешностей и заблуждений.

Воля Божия всеблага. Следственно, послушание воле Божией должно вести человека ко всякому благу.

Тварь без Творца есть ничто. Только силою Творца она есть нечто. Что же будет значить воля человека, если она не прилепится воле Божией послушанием, если отторгнется от нея непослушанием?

Некогда первый человек блаженствовал: почему? — потому что последовал всесвятой и всеблагой воле Божией. Он пал с высоты своего блаженства: каким образом? — таким образом, что его воля отпала от воли Божией и впала в чувственные пожелания. Преслушание, грех, смерть: это звенья одной цепи; взявшийся за первое звено влечет сам к себе последнее, и, о если бы всегда не более, как только сам к себе! Напротив, *ослушанием единого человека грешни быша мнози* (Рим. 5, 19), *единым человеком грех в мире вниде, и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде* (-12).

Надобно ли врачевать от всеобщей смертоносной болезни недугующее человечество? — Можно догадаться, что весь нужный врачебный прием должно составлять то качество, утрата которого была причиной болезни, то есть — послушание. С этим именно врачевством и пришел на землю Небесный Врач. Смотрите, как Он, будучи Сам безболезнен, в Самом Себе приготовляет врачевство для недугующего рода человеческого, и как врачует его именно послушанием: *смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8); *послушанием Единого праведни будут мнози* (Рим.

5, 19); *аще и Сын бѣше, обаче навѣче от сих, яже пострада, послушанию, и совершился бысть всем послушающим Его виновен спасения вечнаго.* [Хотя Он (Иисус Христос) есть Сын (Божій), однако страданиями навѣк послушанию; и совершившись сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечнаго].

Есть послушание любви, послушание страха, послушание веры. В начале человек, как сладкою пищею, питался послушанием любви к Богу всеблагому и всесовершенному. Но после того, как эту блаженную жизнь он отравил вкушением запрещенного, ему нужно, как врачевство, иногда не без горечи, употреблять послушание страха пред Богом — праведным Судиею; и потом послушание веры в Бога и Христа — Помилователя, Исцелителя и Спасителя; дабы наконец по мере исцеления, вновь питаться сладкою и бессмертною пищею — послушанием любви.

Если желаем несколько уразуметь, почему всемогущая воля Божия в деле спасения человека действует не без соизволения воли человеческой, то для этого обратимся к началу и к существенным свойствам природы человеческой. Человек сотворен по образу Божию. Важная черта этого образа положена в его воле и есть разумная свобода, отличающая человека от низших созданий Божиих, образа Божия в себе не имеющих. Посему Бог хранит ненарушимую свободу воли человеческой, храня в ней черты образа Своего: а потому и при действии неограниченного всемогущества, когда это действие должно коснуться внутреннего состояния человека, Он приемлет во внимание свободное изволение человека. И человек, с своей стороны, если по чему может быть способен к ближайшему общению и соединению с Богом, то по силе Божьего в нем образа;

потому что лучшее в сотворенных существах и достойнейшее Божьего воззрения и благоволения, приближения к Богу и блаженного с Ним соединения конечно есть образ Божий: а потому для достижения общения и блаженного соединения с Богом и должен человек обращаться к Нему свои способности, ознаменованные чертами образа Его, устремлять к Нему свой ум, волю, сердце, особенно же соединять свою волю с Его волею — движением свободного изволения, посредством веры и любви.

Сотворивший нас без нас определил спасти нас не без нашей воли, ознаменовывая тем высоту нашей природы, даже в ее падении. Его воля, всегда спасительная, ждет нашей воли, долженствующей принять спасение. Не отлагайте, не колеблитесь, решитесь твердо вашу волю владычественной воле Божией покорить страхом в послушание, всеблагой воле Божией предать верою в надежде, наконец соединить с оною волю вашу любовью *соузом совершенства* (Кол. 3, 14).

Ч. I; 155. — Ч. III; 53—4.

Глава восьмая

ПРЕДАННОСТЬ БОГУ

Даждь Ми, сыне, твое сердце
(Притч. 23, 26).

Преданность Богу есть такое расположение духа, по которому человек всего себя, все, что ему принадлежит, все, что с ним случиться может, — предоставляет воле и провидению Бога, так что сам остается только стражем своей души и тела, как стяжания Божия.

К такому расположению приготавливает человека внимательное наблюдение над собственными усилиями сделать себя совершенным и благополучным. Именно: желает он сделаться мудрым; для этого образует свои способности, напрягает силы ума, подкрепляет себя силами других избранных умов, составляет себе образ ведения: что же? — Между тем как он старается уяснить для себя в этом образе одну черту, другая в нем затмевается, пресекается, исчезает; по той мере, как он расширяет круг своих познаний, за чертою известного еще обширнее открывается область неведомого; истина, давно признан-

ная за достоверную, приводится в сомнение вновь открытою истинною; конец самодельных изысканий, по признанию беспристрастнейшего из древних мудрецов*, есть открытие того, что человек сам собою ничего не знает. — Желает он сделаться добрым; для сего старается познать закон справедливости, возбуждает сердце свое к добродетельным чувствованиям, предпринимает добрые дела: что же и здесь? — Опыт доказывает, что желание быть добрым нередко бывает слабее страсти, влекущей к пороку, и ею побеждается; что познанный закон предлагает добро, но не дает силы творить оное; что добродетельные чувствования из жестокого сердца, как огонь из кремня, высекаются с трудом, а легко угасают, в мягком же сердце хотя и скоро возгораются, как огонь во льну, но также тлятся слабо и не долго; что дела внешнею своею стороною добрые, со внутренней своей стороны часто бывают осквернены нечистыми побуждениями, как то своекорыстием, самоуслаждением, тщеславием; что природа человеческая, как принужден был признать в новейшие времена один из самых ревностных почитателей так называемого нравственного разума**, — из самого корня своего зло производит. — По таковым опытам, что могут обещать и усилия сделать себя благополучным? — Где не достает истинного блага, там истинное благополучие конечно невозможно. Правильное следствие таких опытов, тщательно и беспристрастно наблюдаемых, должно быть то, что человек потеряет надежду на самого себя, и если

* Образ дах вам, да якоже Аз сотворих, и вы творите (Иоан. 13, 15).

** Христос оставил нам пример, чтоб мы шли по следам Его (1 Петр. 2, 21).

не хочет погибнуть, — поелику вне действительного благополучия и вне надежды ничего нельзя найти кроме гибели, — как бы по необходимости вознесет желание и надежду свою к Богу и, еще не предвидя и не предчувствуя, каким образом она может совершиться, предаст себя Ему как разстроенную собственность, которой владелец располагать не умеет.

Начав предаваться Богу, человек встречает иные опыты, совсем противоположные тем, какие имел он, управляя сам собою. Прежде собственные усилия познать истину едва производили в нем слабый кратковременный свет, оставлявший по себе сугубый мрак: теперь из самой тьмы, в какой он повергается пред Отцем светов, рождается для него внезапный свет; а если остается он иногда и во тьме, то и в ней познает непостижимую близость Того, Кто есть Свет превыше всякого света. — Прежде, усилия делать добро или совсем подавляемы были в нем злыми склонностями, или производили несовершенное действие: теперь, когда он положил сердце свое в силу Божию, в самой немощи его начинается совершаться сила Божия, разрушающая зло и созидаящая благо. — Прежде наилучшие обдуманые предначертания его к устройению собственного благополучия или не исполнялись, или в самом исполнении оказывались неудовлетворительными: теперь он не делает никаких собственных предначертаний, но вместо того со дня на день все более усматривает великий чертеж Провидения, по которому, несмотря ни на какие препятствия, — кроме одного препятствия, какое прежде полагало его упорство и неверие, — постепенно устрояется его спасение. — Прежде успехи надмевали его, неудачи повергали в уныние, прошедшее терзало

раскаянием, настоящее озабочивало, будущее устрашало: теперь и благоприятные события принимает он с чистой радостью, потому что видит в них милость и дар Божий: и неблагоприятные принимает с надеждою, потому что усматривает в них обличение своего недостойнства, наставление к смирению, очищение и приготовление к лучшему; раскаяние в нем не есть уже огонь, пожирающий его душу, но тихий дождь, ее орошающий, потому что он погрузил грехи свои в кровь и воду, истекшие из ребра Спасителя; нет для такого человека слишком тяжкой заботы, потому что он всю печаль свою возверг на Господа; нет для него страха, потому что он живет под кровом Всемогущего; прошедшее для него не потеряно; настоящее безопасно, будущее верно, — в руках Вечного. — Прежде, в самых делах благоугождения Богу он суетился, подобно изображенной во Евангелии Марфе, и производил много молвы, не приобретая тем совершенного благоволения Божия: теперь, подобно Марии, безмолвен и недвижим пребывает он у ног Спасителя своего и, с минуты на минуту наполняясь жизнью слова Его, в глубине души своей обретает свидетельство, что он *избрал благую часть, которая не будет отнята у него* (Лук. 10, 42). — Таким образом, преданность Богу, зачатая от убеждения ума, перерождается в нем в живое чувство сердца; вынужденная, так сказать, уступка того, чего не умели сберечь, превращается в свободное даяние того, что сим единственно способом надеются сохранить; и человек повергает себя невозвратно как убогую лепту в сокровищницу Божества, не мечтая увеличить ее сокровище Божие, но веруя и уповая, что там она не будет потеряна и, сколь ни малоценна, употреблена

будет вместе с безчисленными талантами на созидание живого храма живому Богу.

Может быть, скажут: это значит — сложить навсегда руки, сесть, и праздно ожидать спасения. Совсем нет! Если кто в самом деле составил себе такое понятие о преданности Богу и поступает по такому понятию, тот в заблуждении: он предается не Богу, а лени. Человек, не преданный Богу, не тем отличается, что действует, но тем, что действует по собственной воле и полагаясь на собственный разум; соответственно сему, преданный Богу не тем отличается, что не действует, а тем, что не действует по собственной воле и разуму. Как непреданный Богу может находиться в бездействии; так, напротив, преданность Богу не исключает действия, но только действия по воле Божией и по Духу Божию. Положить талант свой в землю — без сомнения не то, что положить его в руки торжника. Ты отдал сокровище свое в искусные и верные руки: ты себя обезпечил. Но, сверх сего, ты можешь этому же самому торжнику предоставить в распоряжение и свои руки, чтоб он употребил их по своему искусству, к совершению своих оборотов: и тогда ты получишь сугубое приобретение. Так, желающий стяжать душу свою, предает сие сокровище Искупителю душ и успокоивается в Нем верою, надеждою и любовью. Но в то же время сему всеобщему Стяжателю все свои способности и силы представляет в деятельные орудия к совершению великого оборота, чрез который ценою земного, тленного, ничтожного, должно быть приобретено небесное, нетленное, Божественное.

Если кто еще нашел бы нужным спросить, почему собственно для усовершенствования и облаженствования человека

требуется преданность Богу, — вот ответ: потому что человек потерял совершенство и блаженство, похитив себя у Бога, Который не только по всеобщему праву Вседержителя обладал им, но и особенно усвоил его Себе, положив на нем Свою печать — Свой образ. Собственная воля твари отторгла третью часть неба и зажгла в ней ад; собственная воля заразила природу человеческую грехом и смертью и весь мир проклятием, и дотоле не престанет производить все виды зла, доколе не будет всецело предана Богу, Который один силен вновь проникнуть ее благословением, жизнью, святынею и блаженством небесным.

Посему-то слово Божие часто напоминает нам о сей преданности в отношении ко внутреннему и внешнему, ко временному и вечному: *открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит* (Псал. 36, 5); *приблизь ко Господу дела твоя, и утвердятся помышления твоя* (Притч. 16, 3); *смиритеся под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время, всю печаль вашу возвергше нан, яко Той печется о вас* (1 Петр. 5, 6—7); *Отче наш! Да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли* (Мф. 6, 10).

Все великое, что представляет нам слово Божие, совершилось великою преданностию Богу. Например:

Кто не знает Авраама и его великой жертвы? Как возмог он поднять смертоносную руку на сына, о котором получил потомственные обетования? Как не усомнился он? Как не сказал Богу: не Ты ли, Господи, обещал, что *в Исааке наречется мне семя?* (Быт. 21, 12). Где же будет это семя, когда отрок Исаак сгорит на жертвеннике? — Патриарх не имел в то время ни помышления, ни

желания, ни действия собственного: все предал он Богу, *паче упования во упование веруя* (Рим. 4, 18), и таким образом и вожденную жертву принес, и возлюбленного сына не лишился, и благословение над собою усугубил. Воистину, сказано ему, *благословляя благословлю тя, и умножая умножу семя твое, — и благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. 22, 17—8). Таким образом, преданность Богу есть лучшая жертва Богу и вернейший залог Его благословений.

Кто не слышал об Иове, которого добродетель превозносил Сам Бог пред небесными силами? Но в чем состоит сила его добродетели, если не в преданности Богу, непостижимым судьбам Которого он с благодарностию предал себя, и детей, и богатство, и здоровье, и чрез то соделал ничтожными все усилия врага добродетели и блаженства человеческого? *Господь даде, Господь отъял: буди имя Господне благословленно* (Иов. 1, 21). Такая преданность Богу, есть безопасная ограда от всех искушений.

Посмотрите и на Моисея в ужасную минуту, когда пред ним море, а за ним войско Египетское. Народ вопиет к Богу, ропщет на вождя; но что вождь? — Он не prepares народ к брани, не ищет пути к бегству, не воздвигает чудодейственного жезла, не произносит даже ни одного молитвенного слова к Богу; что это значит? — Он предался Богу, и вводит народ в эту преданность: *Господь поборет по вас, вы же умолкните* (Исх. 14, 14). Все умолкло; но молчание это громко раздалось на небесах и подвигло чудодейственную силу Божию: *и рече Господь к Моисею: что вопиеши ко Мне? рцы сыном Израилевым, и да путешествуют, и да внидут сынове Израилевы посреде моря по суху* (-15, 16).

Здесь видно, что преданность Богу есть самая крепкая и действенная молитва.

Чтоб вкратце сказать все для христианина, — чем начинается высочайшее дело Христово? — Преданностью Сына Божия воле Бога Отца: *се иду сотворити волю Твою Боже* (Псал. 39, 9), глаголет Он, нисходя к воплощению. Чем оканчивается это дело? — Тою же преданностью: *не якоже Аз хочу, но якоже Ты* (Мф. 26, 39); *Отче, в руце Твои предаю дух Мой* (Лук. 23, 46). Итак, преданность Богу есть и начало и совершение Христианства и вечного спасения.

Заклучим это учение увещанием, которым Церковь заключает большую часть своих молитвенных провозглашений, дабы непрестанно питать в нас дух преданности, которым дышит и живет истинное Христианство: *Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу Богородицу и приснодеву Марию со всеми святыми помянувшие, сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!*

Ч. I; 158—60.

Глава девятая

О СМИРЕНИИ

*Блажени нищие духом, яко тех есть
царствие небесное*

(Мф. 5, 3).

Приимем от Преподобной Матери Божией благодатное учение смирения, с самим Христом Ей общее. Ибо и Он рек: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*, и с сим вместе обещал и плод и награду смирения: *обращает покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

Если бы кому неясным казалось, почему смирение, добродетель, по-видимому не блистательная, высоко ценится пред Богом и Он преимущественно *смирением* дает благодать (1 Петр. 5, 5): тот пусть размыслит об отношении смирения к прочим добродетелям и о его противоположности порокам.

Если нет ничего противнее Богу как гордость, потому что в ней скрывается обоготворение себя, то есть обоготворение ничтожества или греховности: то, по противопо-

ложности, всего более должно быть приятно Богу смирение, которое вменяя себя за ничто, всякое благо, честь и славу восписует единому Богу. Гордость не приемлет благодати, потому что наполнена собою: смирение удобно приемлет благодать, потому что упразднено как от себя, так и от всякой твари. Бог творит из ничего: доколе мы хотим и думаем быть чем-нибудь, дотоле Он в нас не начинает Своего дела. Смирение и отвержение себя есть основание в нас храма Его: кто более углубляет оное, тот выше и безопаснее созиждет.

Смирение есть соль добродетелей. Как соль придает пищам вкус: так смирение сообщает добродетелям совершенство. Без соли пища удобно повреждается: без смирения добродетель удобно растлевается — гордостью, тщеславием, нетерпеливостью, и погибает.

Есть смирение, которое человек стяжавает собственным подвигом: познавая свою немощь, недостойнство, ничтожество; тайно укоряя себя за свои погрешности и недостатки; не позволяя себе судить других; укрощая себя трудом и послушанием; избирая для себя во всем простое и неизысканное.

И есть смирение, в которое вводит человека Бог судьбами Своими: попуская ему испытывать оскорбления, укорения, уничижение, лишения.

С надеждою подвизайтесь деятельно смирять сами себя, возбуждая себя словами Апостола: *смиритеся пред Господем, и вознесет вы* (Иак. 3, 10).

С доверием несмущенно предавайте себя смиряющему Богу, внимая увещанию Апостола: *смиритеся под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время* (1 Петр. 5, 6).

Господь да призрит благодатно на всякую душу смиряющуюся, и да дарует нам опытно познать, что *близ Господь сокрушенным сердцем и смиренныя духом спасет* (Псал. 33, 19).

Ч. III; 36—7. — Ч. I; 16.

Глава десятая

О СМУЩЕНИЯХ, И О МОЛИТВЕННОМ РАЗМЫШЛЕНИИ — КАК СРЕДСТВЕ ПРОТИВ СМУЩЕНИЯ

Смутися о словеси его, и помышляше
(Лук. 1, 29).

С непорочным смущением Пренепорочной Девы Марии сличим наши столь обыкновенные смущения.

Смущается Мариам от слова похвалы, хотя нет похвалы, которой бы не была Она достойна, и которой бы не превышала Своим достоинством. Так ли мы встречаем похвалу, когда она входит в ухо наше? Думаем ли, что хотя она кажется словом Ангела, но может оказаться словом искушителя? Стыдимся ли похвалы незаслуженной, ненавидим ли похвалу пристрастную, страшимся ли даже справедливой похвалы — чтоб она не усыпила добродетели, или не повредила чистоте ее? Не поглощает ли неосторожное сердце похвалу как сладкое яство, и может быть как сладкую отраву? Не доходит ли ненасытное самолюбие до безстыдства — просить похвалы, или при-

писывать ее самому себе? Без застенчивости говорят иногда о себе: "я хороший христианин, я истинный сын Церкви"; они спокойны при этих словах; но можно пожелать им несколько недоверчивого к самим себе смущения, вместо слишком безпечного и самонадеянного спокойствия, которое может кончиться крайним и поздним смущением.

Смущается Мариам от слова неудобоприятного для Ея смирения: а мы не часто ли смущаемся от слов неудобоприятных для нашей гордости? Не только слова подлинно укоризненные и действия в самом деле оскорбительные скоро выводят нас из терпения; но и неприятности легкие, слова ненамеренные, обличения справедливые и умеренные — не возмущают ли нас до глубины души, до раздражения и ожесточения? Неочищенная от страстей душа, при самом слабом действии возмущающей причины отвне, как тинистая вода поднимает из глубины своей ил и прах, и ко внешнему возмущению присоединяет гораздо более тяжкое внутреннее помрачение.

Смущается Мариам, но не медлит укрощать смущение, удерживая и подавляя оное молчанием. А из нас, многих едва не каждое воскипение внутреннего неудовольствия не превращает ли в сосуд бродящего вина, или в огнедышащую гору, которая изливает палящую лаву и бросает камни на все окружающее? — Как скоро искра безпокойного неудовольствия затлилась внутри тебя: тотчас возьми осторожность не дать ей внешнего воздуха, чтоб дым не превратился в пламя и пожар, не объял всего тебя; от чего бы ни произошло твое внутреннее смущение: закрой бережно твой сосуд — молчанием, и дай ему стоять — в терпении, доколе безпокойное брожение кончится и вино твое очистится.

Смущается Мариам, но побеждает смущение размышлением. Прийдем и мы от Нея это орудие — для употребления его в наших внутренних духовных бранях. Как бы ни были разнообразны нападения; но слово разума, особенно изощренное поучением в слове Божиим, как обоюдоострый меч может действовать во все стороны — к низложению врагов и к нашей безопасности. Например: кто возстает против тебя и возмущает мир души твоей? Укоризна? — размысли: справедлива ли она? Если несправедлива: то значит стрела пролетела мимо тебя; от чего ж тебе быть больну, когда ты не ранен? А если справедлива: то не сетуй на укорителя как на врага, который наносит рану, но благодари его как врача, который открывает рану и побуждает тебя позаботиться об уврачевании ее. — Обида ли, делом нанесенная и раздражает тебя? — размысли: что лучше — обидчиком ли быть, или обиженным? Без сомнения лучше быть невинным, нежели виновным. Размысли и о том: лучше ли раздражаться, или терпеть? Раздражение может сделать вдруг и виновным, и более прежнего несчастным; напротив, терпением и непорочность сохраняется, и несчастье уменьшиться может. — Собственные ли недостатки, несовершенные успехи в исправлении себя, внезапные падения и другие внутренние неустройства приводят тебя в смущение и уныние? — Помысли, что смущение одно не исправляет и не усовешивает, а уныние отнимает силу: и потому не должно медлить в бесплодном смущении, должно воспрянуть от уныния, и неослабным подвигом приобрести победу над страстями и похотями, а с нею — душевный мир и радостную надежду спасения.

Благодать Богоблагодатной Мариами да будет со всякою душою христианскою в ее невольных смущениях, и да вспомоществует ей и утишать оные молчанием, и совершенно прекращать размышлением и молитвою, дабы безпрепятственно мог возглаголатъ к ней Ангел мира и неисторгаемо посеять в ней *плод правды*, который *сеется в мире творящим мир* (Иак. 3, 18).

Ч. I; 167—8.

Глава одиннадцатая

ДУХОВНАЯ МУДРОСТЬ

Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, безпристрастна и нелицемерна (Иак. 3, 17).

Мы видели, что в духовном вертограде Богоневесты одним из величественных прозябений была мудрость; а землею, в которой хранился корень мудрости и сила этого духовного прозябения, было смирение; и что орудием к возделыванию земли смирения и к охранению ее от диких зелий была та же мудрость. Та, Которой надлежало сделаться Матерью смилившей себя Премудрости Божией, в совершенстве имела мудрость смиренную и смирение мудрое. Смирением охранялась Ея высокая мудрость от высокоумия и дерзости; а мудростию обрабатывалось Ея смирение так, чтоб в нем не было ничего низкого, и чтоб оно было безпритворно, чисто и просто.

Заклучим же из этого примера и для самих себя, что если желаем, чтоб вертоград душ наших процвел неувяда-

ющими цветами и принес плод жизни вечной, то должно подвизаться нам, чтоб иметь мудрость смиренную и смирение мудрое. Кто думает возрастать в мудрости без смирения: тот хочет, чтоб сад его рос без земли. А кто думает довольствоваться одним смирением без мудрости, тот хочет иметь землю необработанную, хотя может быть и тучную.

Что произвело столько разнообразных мнений об истине, которая есть одна, столько споров за мнения, столько заблуждений? Что произвело в философии секты, в Церкви ереси, в гражданских обществах возмутительных умствователей о преобразованиях, в царстве Божием безбожников, между ангелами дьявола? Что? — Мнимая мудрость, мнимая, а не истинная именно потому, что ей не доставало смирения. Мнимые мудрецы земные, вместо земли, насаждали вертоград свой в воздухе, а диавол насадил его в огне, то есть — легкомыслие и гордость вздумали сделать грунтом мудрости. — Но если мнимая мудрость, без смирения, приближает к диаволу: то напротив, удаляясь от мудрости, куда приближается человечество, разве к безсловесной природе?

Христианство есть премудрость Божия, в тайне сокровенная, юже представил Бог прежде век в славу нашу (1 Кор. 2, 7), и в которой наше преуспеяние да будет в славу Бога Отца и Сына и Святого Духа, во веки.

Т. II; 371—3.

Глава двенадцатая

О БОГОМУДРОМ ПРИНЯТИИ ТАИН И ОТКРОВЕНИИ БОЖИИХ

От Богоматери научимся подобающим образом встречать Божии посещения, принимать Божественные тайны.

Если встречает тебя приветствие и похвала, особенно возвышенная и духовная: остерегись неразборчиво принимать ее и услаждаться ею; ибо не всегда легко узнаешь, точно ли приносит оную вестник истины. Позволительно при этом смутиться; но поспеши удержать смущение, и в молчании призвать помощь Бога, чтоб тебе не быть прельщену похвалою ложною, или чтоб и не ложную похвалу не превратило в отраву самолюбие и превозношение.

(По другому выражению). Если ты услышишь голос, приветствующий тебя каким-либо успехом в делах духа и каким-либо совершенством, хотя бы то было даже благодатию: не спеши предаваться радости; желаю тебе лучше смущения Мариина, то есть Ея смирения, чтоб дух лести не восхитил тебя на высоту, под которой нет ничего кроме бездны.

Пример Пресвятой Девы показывает нам, что с осторожностью должно слушать даже ангельское слово. И если такая осторожность нужна была для Пречистой: то сколько больше нужна она для нас! Ибо, как предостерегает Апостол, сам сатана преобразуется в Ангела света (2 Кор. 11, 14); и потому, неосторожный может слово лести и обмана принять за слово истины. Итак, если твоему внешнему или внутреннему слуху является необычайное слово, представляющее себя посланным от Бога: не спеши принимать оное; размысли в безмолвии; испытай, согласно ли оно с достоверно известным словом Божиим и учением Христовым; огради себя смирением, молитвою и притом, как учат богомудрые, троекратною молитвою и, поколику возможно, советом имеющих духовную опытность. Истина не оскорбится твоею осторожностью; а ложь и мечта не успеют обаять тебя.

Когда слышишь благовестие божественных догматов и благодатных таинств: берегись не только неверия Фомина, но и маловерия Захариина, и замешательства Саррина. Вспомни слово Архангела к Пресвятой Деве: *яко не изнеможет у Бога всяк глагол* (Лук. 1, 37), и не допусти, чтоб изнемогла твоя вера.

Если знамение Провидения, посылаемое иногда в одежде нечаянного случая, возвещает для тебя жребий приятный, возвышенный, славный: то не трудно тебе будет сказать: *буди мне по глаголу твоему*. Но не забудь потом, чтоб не взирать на себя мечтательно — как на господина многих вещей и многих людей; но чтоб взирать на себя всегда смиренно — как на раба единого всеобщего Владыки, язяя делом, что ты *раб Господень*.

Поелику же может тебя постигнуть предвестие и неприятное, но угрожающее скорбию, лишением, уничтожением: то уготовляй себя предусмотрительно, чтоб уметь и сие принять. Не пререки ропотно и не возопий нетерпеливо. Какая в том добродетель, чтоб охотно принимать приятное? Но скорбное принять благодушно, по благоговению к воле Божией, — вот подвиг, вот добродетель, вот залог награды! Обучай не уста свои, но сердце свое обучай, чтоб оно могло свободно выговаривать слова готовящегося ко кресту Спасителя: *Отче, не моя воля, но Твоя да будет* (Лук. 22, 42).

Ч. I; 180—1. Ч. III; 346—7. — Т. II; 372.

Глава тринадцатая

О МОЛЧАНИИ ДУХОВНОМ

*Не проречет, ни возопиет ниже услышит
кто на распутиях гласа Его (Мф. 12, 19).*

Взирай, христианская душа, на священный образ духовного молчания, представленный частью и в лице Иосифа праведного, наипаче же в лице преблагословенные Мариами, и познавай сокровенную величественную красоту души Ея, о Которой написал Пророк: *вся слава Дщере Царевы внутрь*; познавай и возлюби эту духовную красоту; возлюби и подвизайся чтоб и тебе хотя отчасти облечься этой красою Дщере Царевы и по следам Ея добродетели достигнуть и Ея блаженства, ибо *приведутся царю девы в след Ея*.

Встречаешь ли непонятное в вере? — Не спеши любопытствовать или прекословить: но в молчании внимай глаголу веры и терпеливо жди времени, когда глаголющий в притчах удостоит тебя изъяснения оных живым словом и опытом.

Примечаешь ли в словах или в делах ближнего нечто странное и, как тебе кажется, неправильное? — Не торопись обличать и судить, если тебя не призывает к тому должность отца, или пастыря, начальника, или наставника. Не будь праведен как Фарисей, который себя одного находил таким в целом мире: *несмь якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы* (Лук. 18, 11); но будь праведен как Иосиф, сиречь — *благ и кроток*.

Опасаясь ли, что какое-нибудь твое дело веры или любви подвергнется превратным суждениям и нареканию? — Не провозглашай для сего твоей добродетели, чтоб охраняя славу ее не повредить чистоты ее. *Открый не к человеку прекословием, но ко Господу молитвою путь твой, и Той сотворит: и изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне* (Псал. 36, 5—6).

Посещает ли тебя благополучие, и радость расширяет сердце твое? — Не расширяй уст твоих для тщеславия, но слагай в благодарном сердце глаголы благодееющего Провидения.

Постигает ли тебя бедствие, и скорбь наполняет душу твою? — Не умножай воплей и стонов, во множестве которых по большей части слышны бывают отголоски упорства и непокорности судьбам Вышнего; но *потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое* (Псал. 26, 14).

Ни в каком случае не расточай напрасно слова, словесная тварь Слова Творческого! Если словом Бог сотворил все, а человек сотворен по образу Божию; то какие величественные действия надлежало бы производить слову человека! В самом деле, оно исцеляло больных, вос-

крешало мертвых, низводило с неба огонь, останавливало солнце и луну, и что всего важнее, соделавшись орудием Воплощенного Слова Божия — оно претворяло как и претворяет растленных грехом человеков, в новую тварь чистую и святую. Так действует слово человеческое, когда крепко быв заключено в горниле благоговейного молчания и разжигаяемо тайною внутреннею молитвою оно получает свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать — становится причастным силы Слова Божия и Духа Святого. И сие ли могущественное, зиждительное, священное орудие мы обращаем на действия нечистые, разрушительные, святотатственные, как-то: на злоречие, клевету, хуления, или легкомыслием раздробляем оное на легкий прах и разсыпая по ветру в суетном празднословии!

Некто сказал о себе: *девять помышлений ублажих в сердцу моем, а десятое изреку языком* (Сир. 25, 9). Так берегут слово знающие цену его. По крайней мере, христианин, *не скор буди усты твоими* (Еккл. 5, 1): давай себе размыслить, во благо ли тебе и другим будет слово, которое ты рождаешь в мир и которое, как бы ни казалось малым или ничтожным, будет жить до последнего суда и предстанет на нем в свидетельство или о тебе, или против тебя. Примем к руководству и исполнению совет Апостольского слова: *всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созиданию веры, да даст благодать слышащим; и не оскорбляйте Духа Святого Божия, Имже знаменаетесь в день избавления* (Ефес. 4, 29—30).

Ч. I, 164—5.

Глава четырнадцатая

О СОКРОВЕННОЙ В БОГЕ ЖИЗНИ

Да не явишиися человеком, но Отцу твоему, Иже в тайне (Мф. 6, 18).

Пример сокровенной в Боге жизни Преподобной Богоматери да пооществует нам и уразуметь и принять и самим делом исполнить учение Христово: *да не явишиися человеком, но Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве.* Подвизайся, делай добро, служи Богу: но берегись, чтоб твоих подвигов, твоих добродетелей, твоего благочестия не обнаруживать пред людьми без нужды произвольно, самодовольно, тщеславно; имей Бога свидетелем твоей совести, и Он будет мздовоздаятелем твоим за все, что ты, непримечаемый человеками, для Него делаешь или терпишь.

Господь заповедует тайну, во-первых, для дел человеколюбия: *тебе творящу милостыню да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя.* Во-вторых, для дел благочестия: *егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу тво-*

ему, *Иже в тайне*. В-третьих, для дел самоотвержения и умерщвления плоти: *да не явишиися человеком постяся, но Отцу твоему Иже в тайне* (Мф. 6, 3, 6. 18). Значит, тайну скромности и смирения Господь заповедует для всех обязанностей человека: к Богу, к ближнему, и к самому себе, — для всякой добродетели, для всех дел Закона.

Скажут: как же исполнится Христово же слово: *такое да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех?* (Мф. 5, 16). — Не заботьтесь; слово Христово исполнится само собою и не потребует вашей помощи. Сказано: *да просветится свет ваш*, то есть сам собою, естественно, как светит всякий свет; а не сказано: *выставляйте свет ваш на показ*. Добрые дела суть дела света по естеству: делайте их тайно — свет просияет, когда и сколько повелит Бог Светодавец. Беда в том, если вы делаете дела темные, злые: от них конечно не будет света, и Бог ими не будет прославлен.

Скажут еще: как же и молиться и проповедовать в Церкви, если и дела благочестия должно творить в тайне? — Для ответа на это, напомним, что в том же поучении, в котором Спаситель говорит о молитве в тайне, Он же говорит и о даре, приносимом к алтарю: *еще принесеши дар твой ко олтарю* (Мф. 5, 23), а это бывает в Богослужении открытом и торжественном. Из этого видно, что заповедию о тайной молитве не отменяется обязанность участвовать в общественном церковном Богослужении. Но есть и в этом случае своего рода осторожность, чтоб не являться человекам тщеславно, а смиренно предстоять Отцу небесному Иже в тайне.

Например, если стоя в Церкви ты совершаешь действия благоговения общие всем молящимся, но в то же время удерживаешь или делаешь неприметными особенные в тебе движения возбужденного благочестия, как то воздыхания или вопли, готовые исторгнуться, слезы готовые пролиться: то в таком настроении духа ты и среди многочисленного собрания сокровенно предстоишь Отцу твоему Иже в тайне.

Помыслим, как и неблагородно, и тягостно, и бесполезно жить только на показ, как поступают многие и в нравственной, и в общественной, и в домашней жизни. Все показывают, все выставляют, обо всем трубят, всякое ничтожное дело провозглашают, подобно как кокошь свое новорожденное яйцо. Но провозглашение кокоши основательнее: она возвещает яйцо, которое подлинно родилось и остается; а тщеславные возвещают, то чего нет, или провозглашением уничтожают провозглашаемое. Например, сделано дело благотворения: хорошо, до сих пор оно существует. Но если сделавший и хвалится тем, то доброе дело исчезает: теперь открылось, что нет доброго в его сердце, там тщеславие; нет доброго в его деле, потому что произведение тщеславия не есть доброе дело; нет доброго даже в глазах людей, ибо они проникают тщеславие и хотя в лицо хвалят тщеславного, но в то же время разглашают и укоризны его тщеславию. Тем более нет здесь доброго пред очами Божиими: Бог отрекся от тщеславных, когда сказал: *восприемлют мзду свою* (Мф. 6, 2. 16).

Христианин! Будь, а не кажись: вот одно из важных для тебя правил. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродетели. Ей свойственно быть тайною для земли: потому что она небесной

породы и для неба существует. Совершай ее в тайне, охраняя от глаз человеческих, часто нечистых и вредящих ее чистоте; а представляй тщательно и непрестанно чистому и очищающему оку Божию, *и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве.*

Да даст нам Отец небесный, по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце (Ефес. 3, 16), да имея славу внутри, достойны явимся приведения в славу вечную!

Ч. I; 195—6. — Ч. III; 34.

Глава пятнадцатая

**ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ЗЕМНОГО РОДСТВА
ДЛЯ РОДСТВА НЕБЕСНОГО, —
ДЛЯ ДЕЛА БОЖИЯ**

*Кто есть мати Моя, или братия Моя
(Марк, 3, 33).*

Повторим преподанное Святителем Филаретом разъяснение слов Спасителя: *кто есть мати Моя, или братия Моя?*

Как бы так говорит Господь: "для чего волею земной матери хотите вы отвлечь Меня от исполнения воли Отца небесного, когда сии две воли влекут в разные стороны? Я знаю и тотчас покажу, которой из них и с какою решительностью последовать должно. Оставляю земное рождение и родство, как бы Я забыл его, как бы его совсем и не было: совершенно предан есмь воле Отца небесного и делу Его и царствию Его; здесь ищу Себе и родства: *кто есть мати Моя, или братия Моя?* Кто же они? — Чада Божии, верующие во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти

мужеския, но от Бога родишася (Иоан. 1, 12—3); или паче: иже аще сотворит волю Божию, сей брат Мой, и сестра Моя, и мати Ми есть” (Марк. 3, 35).

Видите, Христиане, что Господь не Матерь Свою, всякого ублажения достойную, внимания лишает; но нас поучает истине и правде, словом и примером. Внимайте и поучайтесь, примечайте и подражайте.

Когда родители, сродники, наставники, начальники требуют от вас того, что противно мудрованию вашему, вашей склонности, вашему вкусу, но что нужно, или полезно, или по крайней мере безвредно: то пожертвуйте мудрованием вашим, вашею склонностию, вашим вкусом — обязанности повиновения. Вспомните Иисуса, Премудрость Божию, *Иже бе повинуюся Иосифу древоделю.*

Когда ваши родители, сродники, ближние требуют помощи, утешения, служения, между тем как сами вы в нужде, в скорби, в немощи: то соберите последние силы ваши, забудьте свою скорбь для облегчения ихней скорби, разделите с ними последнюю крупицу и последнюю каплю. Вспомните Иисуса среди мучений крестных пекущегося о спокойствии Своей Матери.

Но когда несчастный пример и желания ваших родителей, сродников, людей, вами почитаемых и любимых, отвлекают вас от исполнения священных ваших обязанностей к Богу, вовлекают вас в дела противные закону, нарушающие мир вашей совести, противные истинному благу и спасению бессмертной души вашей: тогда и вы спросите себя словом Иисусовым: *кто есть Мати моя, или братия моя?* Вспомните, что у вас есть лучшее и высшее обыкновенного родство, что Бог — Отец ваш,

что Церковь — мать ваша, что все творящие волю Божию, все Святые суть братья ваши, или по крайней мере желают быть вам братьями: не унижьте себя пред высоким родством, не разлучите себя от этого доброго и прекрасного семейства, сотворите и вы волю Божию вместо воли человеческой, да и на вас укажет Господь и речет: *се Мати моя, и братия моя.*

Ч. I; 143—4.

Глава шестнадцатая

БЕДНОСТЬ, ПРОСТОТА И НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ В ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Сын человеческий не имеет где главы поклонити.
(Мф. 8, 20).

Мы видели, что Пресвятая Дева во внутренней жизни Своей, шествуя путем веры и совершенной преданности в волю Божию, в жизни внешней шла путем отрешения от земных привязанностей, от земных благ и удовольствий, путем простоты, нестяжательности, добровольных лишений, приносимых в жертву вере и Богу.

Взирай, христианин, на эти благословенные следы и будь внимателен, чтоб путь твоей жизни был по крайней мере не слишком удален от них.

Поят Ю ученик во свояси. Видишь ли, Матерь Царя Небесного не в чертогах, не в великолепии, не среди множества служащих и ждущих манования; Она пешешествует по стогне, в сопровождении одного рыбака, чтоб обитать в малом и то чужом доме, без славы, без блеска,

в тишине, в простоте, чтоб пользоваться только таким успокоением и служением, какое может быть Ей принесено благоговейным усердием бедного и одинокого рыбака.

Смотри на это и учись не высоко ценить богатство, не алкать удовольствий, не гоняться за славою, не прельщаться внешним блеском, любить простоту и тихую посредственность, не презирать нищеты, когда встречаешь ее у других, не бояться ее, когда она тебя посетить хочет, не стыдиться ее, если она уже поселилась с тобою.

Не отнимаем у тебя земных благ, если Провидение дает их тебе; пользуйся ими — с благодарностию к Богу, с благотворением к ближним, со смирением; но внимай себе и сердцу своему — чтоб оно не прилеплялось к ним, а всячески отрешалось от них.

Если ты на пути к небу, как и должно быть: то добровольно не обременяй себя много землею, чтоб не пасть в расслаблении на неоконченном пути.

Прекрасный, но и страшный, и без сомнения вполне истинный закон судьбы нашей открыл нам Спаситель, когда сказал: *идеже есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет* (Мф. 6, 21). Сокровищем Он назвал то, чем пленяется наша мысль, к чему с преобладающею силою стремится господствующая в нас склонность. Значит, мы сами определяем нашу судьбу: мы носим ее в себе, в господствующей склонности нашей. Если наше сокровище или предмет господствующего в нас желания находится и остается на земле, в земных благах, стяжаниях, удовольствиях, славе: то здесь долу останется и сердце наше; а где наше сердце — там наша жизнь, там жребий; и в сем случае он не найдется на небе. Изберем же и уготовим себе лучший жребий; расположим себя так,

чтобы не на земле было сокровище наше. *Скрывайте себе сокровище на небеси*, сказал нам Господь наш (-20): перенесем же туда наши мысли, наши желания, нашу любовь; и будет там наше сердце, наша жизнь, наша радость, наше блаженство, благодатию и щедротами Отца и Сына и Святого Духа, во веки.

Ч. I; 206.

Глава семнадцатая

**О СКОРБЯХ И СТРАДАНИЯХ
В ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ**

*Блажен человек который переносит искушение
(Иак. 1, 12).*

Бедствие человека непорочного и доброго есть одна из трудных загадок, какие предлагает видимая вселенная человеку размышляющему. Видя доброго страждущего, другой добрый страждет и сам, ибо чувствует сострадание, и таким образом от одной загадки рождается другая: за что и сей страждет? Видит это слабый верою и — подвергается искушению в вере. Видит склонный к пороку и разрешает загадку на свою голову: какая же, говорит, польза быть добродетельным! Видит склонный к неверию и непонятную загадку разрешает другою, еще более непонятною, он говорит: случай господствует в мире и в делах человеческих.

Благословенная в женах! Непорочнейшая из дочерей человеческих! И Тебе премудрый старец Симеон не усомнился предложить эту грозную загадку: *и Тебе же*

самой душу пройдет оружие (Лук. 2, 35). День ужасный и плачевный, но вместе спасительный разрешил Тебе загадку пророчества: терние венца Иисусова, гвозди Его распятия, копие прободения Его, Его раны, Его болезненный вопль, Его умирающий взор — вот оружия, которыми Твое Матернее сердце было пронзено столь же безпримерно глубоко, сколь совершенна Твоя любовь, сколь безпримерна Твоя непорочность. Теперь, когда Ты царствуешь в Божественной славе Сына Твоего, для Тебя уже разгадана и загадка необычайного события: теперь Ты видишь во свете Божиим, для чего надлежало пройти оружию и Твою чистую душу и как это согласно и с безконечною премудростию, правдою и благодатию Провидения, и с Твоим безконечным блаженством.

Мать Света! низведи нам искру света от ума Христова, чтоб и нам уразуметь тайну бед и скорбей земных, не столько, сколько желало бы наше любопытство, но сколько нужно для нашего мира и спасения.

Не было бы никакого зла на земле и никакого бедствия в человеках, если бы не было греха. *Единым человеком грех в мире вниде и грехом смерть* (Римл. 5, 12), *смерть* — в имени которой заключается сокращение всех бед и зол. За грех определен человеку принудительный и изнурительный труд, вместо легкого и свободного делания: *в поте лица твоего снеси хлеб* (Быт. 3, 19); за грех — болезни: *в болезнях родиши чада* (-16); за грех — смерть: *в онъже аще день снете* от плода запрещенного, *смертию умрете* (2, 17).

Человек, потеряв опыт первоначального чистого бытия своего и вселенной, потерял и понятие о том. Как рыба, движущаяся в воде, не знает лучшей и более совершенной

жизни, какою животные живут в воздухе, так бедная душа человеческая, погруженная в грубый и тленный стихийный мир, и в нем живущая как рыба в воде, не знает тонкой и нетленной жизни райской. Отсюда недоумения своемудрствующего разума о судьбе человека в его земной жизни.

Испытующий разум предлагает вопросы: зачем бедствуют и невинные? Зачем и те, которые не безвинны, страждут не в соразмерности с своей виною, а нередко наименее виновные страждут наитягчае? Дадим ответы на эти вопросы.

Для этого воззрим на человечество не нашим поверхностным взглядом, но глубоко пронизательным взором людей, просвещенных свыше. В каком виде представляется им человечество? — Вот в каком: *вси согрешиха и лишены суть славы Божией*, говорит Апостол (Римл. 3, 23); *кто чист будет от скверны греха?* вопрошает Иов, и ответствует: *никтоже, аще и един день житие его на земли* (Иов. 14, 4—5); *в беззаконных зачат есмь и во гресех роди мя мати моя*, исповедует Давид (Псал. 50, 7), не опасаясь таким отзывом нарушить заповедь почтения к родителям. Что ж это значит? — то, что все человеки согрешили еще в Адаме, который поелику начал рождать детей. уже после греха, то потому не мог передать им того, чего сам уже не имел — безгрешности и нетления, а естественно передал им то, что сам возымел — грех и тление. Если бы кто дерзнул еще спросить: чем же виноваты мы, невольно наследовавшие от Адама грех и тление, — таковому, если он хоть сколько-нибудь внимателен к себе, могла бы отвечать и заградить ропотливые уста

его собственная совесть, которая может в жизни каждого указать случаи, в коих мы не были верны добрым побуждениям, быв для того довольно сильны и при nasledованном повреждении. *Болий есть Бог сердца нашего и вестъ вся* (1 Иоан. 3, 20): и потому видит в нас и те тонкие нравственные нечистоты, которых более или менее огрубелая совесть не примечает. Итак, *аще беззакония назиши Господи, Господи, кто постоит?* (Псал. 129, 3). Таким размышлением вопрос: почему бедствуют и невинные — не только разрешается, но и уничтожается, потому что, по строгому суждению, на земле нет невинных, и следственно все бедствующие бедствуют как более или менее виновные, кроме Единого, *Иже греха не сотвори* (1 Петр. 2, 22) и Которого страдания высочайше таинственные имеют блаженнейшее для нас изъяснение — *яко Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелехом* (Исаии 53, 5); Он подъял и понес тяготы, нас подавляющие, чтоб вместе с тем возставить нас от падения.

Что касается до вопроса: зачем люди, хотя может быть не безгрешные, но по всем открытым признакам безвинные, бедствуют иногда чрезмерно тяжело, — то кто может обличить Провидение в такой чрезмерности? Если признаем, что бедствующий не безгрешен; и если знаем, что всякий грех есть нарушение закона, следственно — возстание против воли Законодателя, мятеж в царстве Божием, оскорбление вечного величества Божия: то скажите, какой грех слишком мал для временного бедствия? или какое временное бедствие слишком велико для греха?

Нет спора о том: что не все грехи одинаково тяжки и что есть разные степени виновности в одном и том же грехе: но кто из людей может довольно верно взвесить эту тяжесть и довольно точно определить эту степень? Для этого должно положить на весы и поставить в миру не только видимое дело, но и невидимое желание, и сокровенное намерение, и тайную мысль, силу и немощь, знание и неведение, пособия и препятствия, прельщение к злу и поощрение к добру, невнимательность к неизведанному и неверность дознанному опытом, закоснение и раскаяние, ожесточение и сокрушение: кому же все это возможно, как разве Единому Испытующему сердца и утробы, всеобъемлющему и всеведущему? Равно и для того, чтоб взвесить тяжесть бедствия, надлежит принять в разсуждение не только открытй вид постигшего бедствия, но и степень чувствительности бедствующего, также скудость и даже отсутствие или напротив обилие противодействующих утешений и многое такое, для чего нет веса и меры у внешнего зрителя. Как же говорим мы о чрезмерной тяжести бедствия в сравнении с тяжестью греха — разве наугад и наудачу?

На временную жизнь человека, поврежденного грехом, Бог действует не только в качестве судьи — чему еще будет особенное время в конце веков, но также и даже преимущественно — в качестве врача, чему теперь то и есть время. А посему Он определяет человеку меру бедствия и скорби, иногда не как отсчитанное воздаяние за его дела, но как прием врачества, способный преобедить силу греховной болезни: а это совсем другой расчет. Есть болезненные состояния, которые кажутся маловажными и не угрожающими, но против которых сведущий

врач находит нужным употребить жестокие и решительные врачебные средства. Притом же, Врач небесный не всегда начинает врачевать болезнь душевную уже по раскрытии ее: Его взор проникает в глубину души, для самой сей души невидимую, и открывая там тонкий зародыш греха, страсти, самоволия, самоугодия, тонкую примесь зла и нечистоты к добрым склонностям и расположениям, — орудием искушения извлекает наружу эти болезненные начала, для их уврачевания и для возведения души к высшей чистоте. Не случается ли видеть, что люди даже благоучрежденные в жизни и охотно прибегающие к Богу, лишась того, что сильно любили, например детей или супруга, мирской чести и славы или имущества, — так предаются скорби, что в ней одной сосредоточивают жизнь свою, не умеют подкрепить себя здравым размышлением, в котором прежде не имели недостатка, не могут довольно собрать себя в молитву, в которой прежде находили наслаждение; вера, любовь к Богу, преданность в волю Божию суть теперь для них только знакомые имена и звуки, вместо того что прежде они ощущали в себе силу и действие оных. Что это значит? — то, что любезное им они любили чрезмерно и паче Бога, хотя сами того не замечали; что дети, супруг или супруга, честь, слава, имущество — были идолы их сердца. Что же было делать Сердцеведцу и душелюбцу Богу, как разве отнять идол, исторгнуть хотя болезненно неправильную любовь из души, которую Он хочет наполнить Своею Божественною любовью? Он любит, милосердует, очищает, врачует, приготовляет к блаженству; а мы смотрим и говорим: как Он тяжело посещает!

Наконец, согласимся, что есть бедствия, о которых нельзя спрашивать: за что, но разве: к чему? — в которых не нужно обвинять человека, а нужно только уметь оправдать и возлюбить Провидение. Таковы бедствия Иова, Пророков, Апостолов, Пресвятой Девы. Не быв на этой высшей степени духовного возраста и жизни, когда питаются крепкою пищею креста, мы в нашем младенчестве Христианства — о, дай Бог, чтобы хотя в младенчестве! — без сомнения только слабо и невнятно можем лепетать о путях и подвигах душ полного возраста Христова. Спросим же лучше их самих, что скажут они нам о своих бедствиях. Что же говорит Иов? — *Господь даде, Господь отъял: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во веки* (Иов. 1, 21). Что говорит Апостол? — *Радуюсь в страданиях моих* (Кол. 1, 24); *якоже избыточествуют страдания Христовы в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. 1, 5). Видите, как некстати мы грешные вступаемся за Праведников и покушаемся возстать против Провидения за их бедствия! Они не принимают нашей неразумной услуги; они не жалуются на горькую участь свою, не желают перемены ее: они радуются, благословляют Бога, они счастливы: мы не понимаем их счастья, и думаем, будто можно роптать за то, за что они благословляют.

Как видимый вещественный крест есть державное знамение видимого царства Христова: так крест таинственный (то есть, внутренний или душевный) есть печать и отличие истинных и избранных рабов невидимого царства Божия. Он есть драгоценный залог любви Божией, жезл Отчий, не столько наказующий и сокрушающий,

сколько *пасущий и утешающий* (Псал. 2, 9.22, 4), очистительный огонь веры, спутник надежды, укротитель чувственности, победитель страстей, возбудитель к молитве, страж чистоты, родитель смирения, наставник мудрости, пестун сынов царствия.

Ч. I; 181—5, 29.

Глава восемнадцатая

МУЖЕСТВО И ТЕРПЕНИЕ В СКОРБЯХ

*В терпении вашем стяжите души ваша
(Лук. 21, 19).*

Прииди, христианская душа, всмотрись прилежно в следы Царицы небесной: ибо следы Ея суть и для тебя указание пути к Богу, по реченному: *приведутся Царю девы в след Ея.*

Не убегай от мысли о страдании Христовом — ни по невниманию, ни по своемудрию, ни по малодушию: ибо нет иного пути к спасению, как чрез Голгофу и крест.

Приближайся к распятому Господу верою, упованием, любовью, и твердо пред Ним поставляй себя благоговейным размышлением и молитвою: в этом найдешь свет для своего пути и силу для твоего шествия.

Если опасность, бедствие, скорбь, непосредственно или в лице присных тебя постигающие колеблют твое мужество, истощают твое терпение: то помяни Матерь Господа, стоявшую при кресте Его, и разсматриванием Ея безмер-

ной и безвинной скорби и непобедимого мужества и терпения возбуди себя к мужеству и терпению в твоих по сравнению, конечно, малых и; вероятно, не безвинных скорбях, прося в то же время от Нея пособия из талантов благодатной духовной крепости, преизобильно у Нея умноженных верным и благословенным деланием.

Ч. I; 205.

Глава девятнадцатая

О СМЕРТИ

§ 1. Смерть — сон

Празднуем успение Божией Матери.

Что значит *успение*? — По силе слова, успение значит отхождение ко сну; а между тем словом этим означает кончина земной жизни Богоматери.

Что же значит такое употребление слова: успение, и откуда оно заимствовано?

В Ветхом завете кончина жизни называется смертию: о Патриархах вообще говорится: *поживе и умре* (Быт. 5, 5), *умре Авраам* (-25, 8); *умре Самуил* (1 Цар. 25, 1), особенно печально Патриарх Иаков изъяснился сам о своей смерти: *спиду к сыну моему сетуя во ад* (Быт. 37, 35).

Но вот Спаситель называет смерть успением или сном: *Лазарь друг наш успе* (Иоан. 11, 11), сказал Он ученикам, когда по силе Своего Божественного всеведения возвещал им о смерти Лазаря; и когда ученики не поняли этого нового выражения, то Господь пояснил им, что *Лазарь умре* (-14).

В писаниях Апостолов видим уже утвердившийся обычай называть смерть успением или сном. Так Апостол Павел об очевидцах воскресшего Господа писал, что "множайшие из них пребывают доселе, нецыи же и *почиша*" (1 Кор. 15, 6); он также пишет относительно воскресения мертвых: " *вси не уснем, вси же изменимся*" (-51), то есть: мы не все умрем, потому что последний день мира застанет на земле живущих; но все изменимся, потому что тем, которых последний день мира застанет живыми, некогда будет умереть и быть погребенными, но их тела не подвергаясь смерти мгновенно изменятся из тленных в нетленные, какие будут иметь и воскресшие из мертвых.

Отрадный новозаветный взгляд на смерть, сравнительно с ветхозаветным на нее взглядом, изъясняется из той перемены, какая произведена в состоянии человечества искупительною жертвою Спасителя мира. Если бы мы, еще в первых прародителях осужденные на смерть и ежедневно сами подтверждающие собственное осуждение собственными произвольными грехами, если бы не были искуплены от смертного осуждения страданием и смертию Христа Сына Божия: то смерть временная препровождала бы нас в смерть вечную без надежды пробуждения к блаженной жизни в Боге. Но когда *Христос за ны умре* (Рим. 5, 8), когда мы *примирихомся Богу смертию Сына Его* (-10), когда *Бог богат сый в милости, за премногую любовь Свою еюже возлюбил нас, и сущих нас мертвых прегрешеньми сооживи Христом* (Ефес. 2, 4—5), когда вследствие того *якоже о Адаме вси умирают, такожде о Христе вси оживут* и по смерти (1 Кор. 15, 22); и оживут в жизнь вечную и блаженную, каковою не может не быть жизнь о Христе:

тогда смерть действительно перестает быть смертию и превращается в сон. Это сон кратковременный — в сравнении с последующею вечною жизнью, сон мирный — как отдохновение от трудов, как облегчение от скорбей, как покой умиротворенных Христом в совести; сон не безсознательный, ибо спит тело, а душа не спит, но сознательно сладкий, как предвкушение вечного блаженства.

Отсюда же объясняется и то, от чего в Ветхом завете не было такого утешительного или успокоительного взгляда на смерть. От чего же? — От того, что тогда, как изъясняет Апостол, *царствова смерть* (Римл. 5, 14); еще не побежденная животворящею смертию Христовою; — от того, что тогда *не у явися святых путь* (Евр. 9, 8), то есть, еще не был открыт вход во святилище неба, *идеже предтеча о нас вниде Иисус* (-6, 20); от того, что ветхозаветные Патриархи, Пророки, Праведники *по вере умроша вси сии не приимши исполнения обетований, но издалече видевшие я и целовавшие* (-11, 13): и потому на них сильнее знаменовался близкий мрак смерти, нежели отдаленный свет воскресения.

Так Христианство самым переименованием смерти в сон или в усение внушает нам ту истину, что как уснувший вечером пробуждается утром с обновленными силами жизни: так уснувший смертию телесною пробудится в новую бессмертную жизнь в день всеобщего воскресения.

При этом не должно забыть, что преимущество новозаветного благодатного состояния человечества хотя открыто для всех и всем доступно, однако не принадлежит

каждому из нас потому только, что мы живем в новозаветные времена. Были люди отдаленных ветхозаветных времен, которые *по духу* принадлежали к Новому Завету. Таков, например, был Авраам, который, по слову Самого Господа, *рад был видеть день Христов и виде и возрадовася* (Иоан. 8, 56) и, конечно, наслаждался и всеми благами, открытыми человечеству во Христе. Напротив того, и в новозаветные благодатные времена могут быть люди, которые по внутреннему расположению своему остаются чужды *благодатному* завету Божию, хотя наружно украшаются именем христиан. Дверь благодати для всех отверзта во Христе, Который сказал о Себе: *Аз есмь дверь, Мною аще кто внидет, спасется* (Иоан. 10, 9). Но надобно войти в эту дверь; а входят в нее только верою во Христа Сына Божия, притом верою живою и деятельною. *Верою живу Сына Божия* (Гал. 2, 20), говорит Апостол. Кто приобщился этой благодатной по вере в Иисуса Христа жизни и сохраняет в себе эту жизнь: тот и во гробе *не уснет в смерть*, но и с одра тления воскреснет в нетление, в жизнь, в небо, в блаженство, в славу. Но кто не подвизаясь приобщиться благодатной о Христе жизни, живет жизнью ветхого Адама, то есть проводит жизнь греховную: тот и среди признаков жизни погружается в действительную внутреннюю смерть, потому что *грех содеян рождает смерть* (Иак. 1, 15); потом, если не обратится и не покается, умирает и видимую *смертию грешника*, которая *лута* (Псал. 33, 22), и которая унаследует муки вечные.

§ 2. Памятование или помышление о смерти, приготовление к смерти — к жизни вечной

Помями, яко смерть не замедлит
(Сир. 14, 12).

*Мне еже жити — Христос: и еже умер-
ти — приобретение есть* (Фил. 1, 21).

Для охранения самой райской жизни был поставлен стражем помысл о смерти: *в онъже аще день снесете от запрещенного плода, смертию умрете* (Быт. 2, 17); и райская жизнь была безопасна, доколе стоял подле нее стражем помысл о смерти. Но как только исконный человекоубийца лукавством своим успел удалить от человека мысль о смерти: *"не смертию умрете"* (-3, 4): тотчас и убил грехом жизнь райскую. Если же и безгрешному человеку для охранения его от смерти нужен был помысл о смерти: то для человека уже наследственно склонного к греху не тем ли более необходим помысл о смерти — если не для предохранения от самой смерти, которая преслушанием Адамовым уже вошла в мир и во всех человеков, то для предохранения от всего того, что соделывает смерть страшною, бедственною, в полном смысле смертию?

Что ожидает нас за гробом нашей земной жизни?

Если бы нам и не было сказано, что там есть адская бездна и геенский огонь, угрожающие тем, которые в земной жизни не заботились о благодатном освящении себя: то по самым свойствам души нашей и по ее опытам в земной жизни мы могли бы заключить, как опасно

прийти в мир духов с одними привычками и пристрастиями к земному и чувственному. Именно, душа в том находит удовольствие и в том живет, к чему прилепились ее ум и воля: а лишение этого есть для нее глад, скорбь, страдание; отторжение же ума и воли от одного предмета и прилепление к другому, по порядку природы, не совершается мгновенно. Поэтому, со всякою душою, которая с одними привычками и пристрастиями земными, без благодатного освящения, чрез смерть очутится в мире духов, естественно должно происходить подобное тому, что произошло с описанным в Евангелии богачом, который поелику до смерти занимался только тем, что услаждал язык свой ястием и питием, то и по смерти не нашел в себе для себя высшей мысли и лучшего желания, как только чтоб прохладить свой язык, но также не нашел и желаемой капли воды (Лук. 16, 19—31). Пришельствующая в незнакомый духовный мир душа мечтает о привычных земных занятиях, жаждет привычных чувственных удовольствий: но их там нет. Напротив, там есть возвышеннейшие предметы духовного созерцания, чистейшие источники духовной радости и блаженства: но они чужды ее уму и воле. Что же для нее остается? — Остается ее внутренняя пустота, глад, скорбь, страдание, что и составляет ее духовную смерть и смертельную муку.

Кто бы ты ни был, состранник земной жизни, слушающий меня, скоро и твоей и моей душе, не знаю которой скорее, только верно скоро и твоей и моей душе отверзется невидимая область века грядущего: подумали ли мы, что там нас встретит? Кто примет нас? Удостоят ли Ангелы, подобно как душу Евангельского нищего, и нашу бедную душу нести в некую обитель света? Или ты о том

не заботишься и думаешь, что можешь обойтись и без этой почести? Не обмани себя! Правда, что это есть почестъ достойным: но не есть ли это также и помощь нуждающимся? Если на пути видимого мира нужно нам охранение и руководство Ангелов; то не более ли нужно это при вступлении в безвестный и безпредельный мир невидимый? Теперѣ телесный мир стоит пред нами как преграда, закрывающая от нас светлое царство небесное, но также и отделяющая от нас мрачное царство адское; но и теперѣ более или менее проникают до нас влияния преисподней тьмы, и потому потребно вспомошествоющее нам влияние из царства света: что же будет, когда душа наша, отрешившись от тела, переступит за преграду мира телесного и вступит в непосредственное соприкосновение с миром духовным! Не угрожает ли ей открытое нападение темных сил, тогда как она не может сказать о себе, как мог сказать единый Безгрешный: *грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* (Иоан. 14, 30)? Блажен, кто смотря за гроб, имеет довольно присутствия духа, чтобы сказать с Давидом: *аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. 22, 4). — Ты свет мира и победитель ада, Ты Который и сень смертную просвещаешь сиянием креста Своего. Ты Который *за всех вкусил смерти* чтоб смерть поглощена была жизнью, Ты Который заповедуешь Ангелам Твоим живущих в помощи Твоей сохранять во всех путях видимых и невидимых, во времени и за пределами времени. Но чтоб иметь такое присутствие духа, для этого надобно, чтобы точно был с нами Христос — в нашей вере, в нашей любви, в нашей деятельности по Его воле и заповедям.

У пророка Исаии сия глаголет Господь: *блажен иже имеет племя в Сионе и южики в Иерусалиме* (31, 9). Если это изречение имело значение в отношении к Иерусалиму земному и к народу Иудейскому: то несравненно большее значение имеет оно в отношении к духовному Израилю и к небесному Иерусалиму. Иудей если не мог прийти в земном Иерусалиме в дом сродника, то мог найти там для себя гостиницу и за деньги получить то, чего не мог иметь по родственной приязни. Но в Иерусалиме небесном нет наемных жилищ, ни денег, ни купли и продажи. Или приходи туда как единоплеменник и сродник, или не будешь там принят. Но разве можем мы сделаться сродниками небесным гражданам, которых большею частью даже и не знаем? — Можем сделаться сродниками не только гражданам небесным, но и самому Царю их. Читайте в Евангелии давно готовую грамоту Его для всех нас на это высокое родство: *мати Моя и братия Моя сии суть — слышащие слово Божие и творящие е* (Лук. 8, 21). Итак, будьте прилежны к слышанию слова Божия, особенно глаголющего в Церкви, будьте деятельны и верны в исполнении Христовых заповедей: и вы войдете в родство небесное, будете *иметь племя в горнем Сионе и южики в нерукотворенном Иерусалиме*, будете еще на земли, по слову Апостола, *сожителе святым и приснии Богу* (Ефес. 2, 19), а наконец они примут вас и в вечные кровы небесные, в причастие блаженства и в созерцание славы Отца и Сына и Святого Духа, во веки.

Что всего нужнее для благонадежного приготовления к смерти и к будущей вечной жизни? — Веруй в Господа Иисуса и призывай Его; следуй Его учению и примеру;

прилепляйся к Нему памятию, умом и сердцем, так чтоб ты мог сказать о себе: *мне еже жити — Христос, и еже умерети — приобретение есть.*

Сказано: *плоть и кровь царствия Божия наследити не могут* (1 Кор. 15, 50): посему, отрешай и освобождай себя от привязанности и пристрастия к земному, плотскому, чувственному.

Сказано: *нова небеси и новы земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живет* (2 Петр. 3, 13): итак, надобно искать правды (праведности), чтоб она жила в нас и чтоб мы с нею могли по смерти жить в царствии Божием.

Перестанем же сеять для себя смерть и мучение нашими грехами! Посеем для себя жизнь и покой и блаженство — покаянием, верою и добродетелью! *Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет* (Гал. 6, 7).

Ч. I; 197—8, 209—10. Ч. III; 49—51, 56.

§ 3. Урок от гроба Богоматери

Видим пречестное и преславное успение Божией Матери, и знаем, что это есть последствие пречистой и пресвятой жизни, исполнение в высшей степені закона Божественной правды, по которому *честна пред Господем смерть преподобных Его* (Псал. 115, 6). Возлюбим же то, что приводит к кончине честно не пред человеками только, но наипаче пред Богом, то есть: возлюбим чистоту и святость жизни, возненавидим грех, отринем нечистоту дел и помыслов, *очистим себя* решительным желанием сердца и не престанем очищать себя ежедневным непрерывным подвигом *от всякия скверны плоти и духа*

творяще святыню в страхе Божием (2 Кор. 7, 1).

Видим по успении необычно скорое пробуждение, за смертью тотчас бессмертие в самой полной его силе: видим душу Пресвятой Девы на руках Господа и, следовательно, на высочайшей степени блаженства, потому что близость к Господу и высота блаженства есть одно и то же; видим и приснодевственное тело Ея, не покорившееся закону тления, не ожидавшее срочного для всех дня воскресения, но в самое время сеяния в землю возрасшее в небо и процветшее славою. Всмотримся же в бессмертие, и для нас не чуждое, вспомним и перестанем забывать, что по намерению Творца, по дару Спасителя — *и наше житие на небесех есть (Фил. 3, 20).*

Ч. III; 39.

Глава двадцатая

**О БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ,
ВОЗРОЖДАЮЩЕЙ
ЧЕЛОВЕКА В ЖИЗНЬ СВЯТУЮ,
БОГОУГОДНУЮ**

От Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, чрез познание Призвавшего нас славою и благодатию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы чрез них соделались участниками Божеского естества, удалясь от господствующего в мире растления похотию (2 Петр. 1, 3—4).

От созерцания *благодати*, какую Мариам обрела у Бога и которая столь чудными путями возвела Ее к столь высокой славе, обращаясь к себе, мы должны помыслить о потребности и необходимости *благодати* и для нас самих. Если одна Мариам есть *благодатная* по преимуществу: то напротив безблагодатным оставаться никому не можно без того, чтоб не погрязнуть во зле

и погибели. Надобна хотя наименьшая доля благодати, чтобы достигнуть хотя последней степени блаженства.

Что такое благодать?

Если хотим исчерпывать полноту значения этого слова, — благодать есть даяние от Благого, даяние благое, даяние по единой благодати, без предварительного права или заслуги и достоинства приемлющего. Если принять в разсуждение, что, по слову Господню, *никтоже благодатью един Бог* (Лук. 18, 19), и, следственно, источника всего, что только есть благо в тварях, нигде нельзя искать кроме Единого Бога, по чистой благодати дарующего, а не воздающего (ибо *кто прежде даде Ему и воздастся ему?* Рим. 11, 35): то должно заключить, что человек все, и в себе и окрест себя, самое бытие, жизнь, тело, душу, способность и употребление способности познавать, желать, действовать — всё имеет по благодати Божией. Но поелику благо, которое Бог положил в тварях действием Своего творения, усвоилось им как бы в собственность, так что бывшее в своем начале благодатию, в своем продолжении сделалось естеством сущих и природою рождаемых: то в отличие от сего, ныне, в новом особенном смысле, благодатию называется то, что Всеблагий Бог дарует человеку *свыше естества и природы*.

Когда не было в мире греха, тогда все было прозрачно и проходно для света благодати, то есть, тогда он беспрепятственно изливался на природу и непрестанно исполнял ее благом и блаженством, сохраняя в ненарушимом совершенстве и безсмертии даже и то, в чем скрывалась возможность тления — тело человека. Но когда чрез прельщение, злоупотребление свободы и уклонение воли человека от воли Божией вошел в мир грех: тогда этим

самым нарушен первоначальный союз между природою и благодатию. Хотя свет благодати как Божественный и потому ничем не воспящаемый не преставаая всегда и на все сияет: но природа грехом оскверненная, омраченная, огрубелая, зараженная сделалась и недостойною и неспособною принимать чистые, светлые, тонкие, нетленные влияния благодати. Так вошла в мир *грехом смерть* духовная и в след за нею телесная, временная и за нею вечная. И если только при содействии благодати Божией человек сохранял то, что первоначально получил от Бога: то конечно уже невозможно было ему одними собственными и притом разстроенными силами, без особенного чрезвычайного действия благодати, возвратить то, что он грехом утратил. И потому здесь то наиболее открывается и крайняя потребность и чудным образом удовлетворительный — по Апостольскому слововыражению *избыток благодати* (Рим. 5, 17). Отторгшемуся и отпадшему от благодати Божией человеку естественно было ниспадать уже до ада, если бы Провидевший это от века и вечно милосердующий Бог в среду падения не простер спасающей и возставляющей руки. И дающее благодать и приемлющее оную — то есть и Божество и чистое человечество — дивно совокупил Он в единую Ипостась Христа Господа, и — в Его слове и жизни, в Его теле и крови, в Его крещении водою и Духом отверз новые преизобилующие токи благодати, простираемые и на отчужденное от нее, но не чуждое Вочеловечившемуся естество наше, дабы, таким образом, оскверненное грехом очистить Божественною силою, омраченное просветить, плотяное одуховить, растлевшее исцелить, падшее возставить, осужденное оправдать, умерщвленное оживот-

ворить, погибшее спасти: *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа облагодати нас о Возлюбленном, о Немже имамы избавление кровию Его, и оставление прегрешений по богатству благодати Его* (Ефес. 1, 6—7).

Благодать Божия, обретши нас *мертвых прегрешеньми*, не требует, чтоб мы заслужили жизнь: ибо это от нас невозможно. Она приобретается нишущим, является невопрошающим, дарствует, а не воздает: *дарование Божие*. — Благодать возобновляет и возвращает человеку все, что грех ни разрушает. Она вновь почерпает ему духовную жизнь из Бога, ее источника; вводит его в сочленение бессмертного тела Церкви; и когда земная наша храмина тела разорится, уготовляет храмину нерукотворенную на небесах: *живот вечный*. Наконец, благодать представляет нам всемогущего Подателя и вернейшего Споручителя своих даров — Иисуса Христа Богочеловека. Он Бог, ибо наше возсоздание может совершиться силою единого Создателя; но вместе Он и человек, чтоб мы безопасно и дерзновенно приближались к Нему. Он соделался по нас *грехом и клятвою* (2 Кор. 5, 21; Гал. 3, 13), чтоб искупить нас от греха и клятвы и, стяжав нас кровию Своею, ожидает, чтоб мы все прияли чрез Него в Нем: *дарование Божие — живот вечный, о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 23).

Итак, благодать есть сила Божия, освящающая человека грешника, возставляющая его из состояния греховности в состояние оправдания пред Богом, заслугами и ходатайством Единородного Сына Божия, Икупителя и Спасителя человеков Господа нашего Иисуса Христа; — каковы заслуги Спасителя кающемуся грешнику усвоятся

силою и действием Духа Божия, Духа Святого и всеосвещающего, *во веки пребывающего* (Иоан. 14, 16) и действующего в Церкви.

А что такое Дух Святой в Его спасительных благодатных дарах — это Сам Он чувственно или образно изъясняет Своими *огненными языками*. Он есть невестественный Божественный огонь, действующий двумя силами: светом и теплотою, — светом веры и теплотою любви. Этот духовный Божественный свет, по выражению Соломона (Притч. 4, 18), *предходит* человеку и *просвещает* его, *дондеже* в нем *исправится день*, именно: он разгоняет мглу неведения и сомнений; открывает обман призраков, которые погрязший в чувственности разум нередко принимает за истины; дает человеку видеть себя самого в наготе растленной грехом природы, познать мир в отношении к душе и ощутить присутствие Бога яко источника света; сообщает *уповаемых* *извещение*, *вещей* *обличение невидимых* (духовных) (Евр. 11, 1). По той мере как свет от Солнца правды умножается в уме человека — согревается и воспламеняется его сердце; любовь Божественная изгоняет из его сердца самолюбие, полагает в нем терние плотских пожеланий, очищает, упраздняет его от греховных засорений, и чрез то привлекает в душу новый свет. Сияние этих источных даров Духа образует *огненный язык*, *изрекающий закон Бога Слова в сердце* человека (Псал. 36, 31), *воображающий в нем Христа* (Гал. 4, 19), совершающий возрождение человека в жизнь духовную, святую.

Способ, каким человек исполняется благодатных даров, есть единое нераздельное действие Святого Духа, которое однако в человеке начинается и прекращается, уменьшает-

ся и возрастает, длится и ускоряется, принимает различные направления и виды, всегда соответствует готовности приемлющего, но никогда не зависит от его произвола, сопровождается ощутительными следствиями, но убегает от разсудка, желающего взойти к его началу; простираясь от внутреннего во внешнее, оно уподобляется влаге, сходящей на руно Гедеоново (Суд. 6, 38), которая из воздуха открывается в каплях воды и наполняет окрин, или ветру, замечаемому в тех движениях, которые он производит, но не в тех, которые его составляют: *Дух идеже хочет дышет и глас его слышиши, но не веси откуду приходит и камо идет: тако есть всяк человек рожденный от Духа* (Иоан. 3, 8).

Какие же суть примечательнейшие перемены, которые могут означить путь Духа Божия в душе человека?

Бывают минуты, в которые и преданный миру и плоти человек пробуждается от очарования, в каком они его держат, именно: видит ясно, что протекшая жизнь его есть цепь заблуждений, слабостей, преступлений, измен Богу, что дела его естественно суть семя будущих казней, и что самые добродетели его не устоят пред взором всевидящего Судии: тогда он осуждает сам себя, трепещет всем существом своим и, будучи отчаян в самом себе, чрез сие отчаяние влечется к упованию на Бога. Такое расположение к покаянию что иное есть, как не тот *дух велик и крепок, разоряя горы и сокрушая камене* (то есть, низлагающий гордость и умягчающий жестокосердие), которого посылает пред Собою *мимоходящий Господь?* (3 Цар. 19, 11). Что иное, как не то *дыхание бурно*, которое предвозвещает сошествие Святого Духа? (Деян. 2, 2). Что, как не тот *страх Твой, Господи,*

среди коего мы *во чреве приемлем Дух спасения Твоего?* (Исаии 26, 18). Блажен, кто с покорностью дает влещи себя сему стремлению Духа Божия! Оно поведет его *тесным путем* самоотвержения (Мф. 7, 14), заставит его самого исторгать то, что прежде сам посеял, и разрушать то, что сам созидал, научит его страдать и *радоваться в страданиях* (Кол. 1, 24), *распяты плоть со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), дабы совершенно предать дух в руке Божии. Мало-помалу бурное дыхание превратится в нем в те краткие *неизглаголаннные воздыхания*, коими Сам Дух о нас *ходатайствует* (Рим. 8, 26), — в тот живой глас, коим *вопиет Он в сердцах наших: Авва Отче* (Гал. 4, 6): и тогда человек исполняет Христову заповедь о *непрестанной молитве* (Лук. 18, 1), что при одних собственных силах было бы для него невозможно — как по склонности его к разсеянию, так по неведению предметов и образа истинной молитвы: *о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. 8, 26). С упражнением в непрестанной молитве неразлучно соединяется духовное уединение, в котором христианин *вошед в клеть свою и затворив двери* (Мф. 6, 6) пребывает, подобно как Апостолы, в *ожидании обетования Отча* (Деян. 1, 4), именно: он не вдается во внешнее развлечение, в котором миролюбцы — связанные суетными благоприличиями, преследуя утехы, преследуемы заботами — редко возвращаются к себе, но *пленяет разум в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5) и все свой желания или *воскрияет горе, где живот его сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3), или *упокоивает внутрь себя, где благодать наконец должна открыть царствие Божие*

(Лук. 17, 21); он исполняет обязанности своего состояния, не привязываясь к соединенным с ними выгодам, пользуется наружными благами, не прилепляясь к ним, приобретает так, как бы не имел нужды, теряет так, как бы отдавал излишнее. Если человек твердо решится, по возможности, удерживать себя в таком состоянии самоотчуждения: то скоро его *пустыня жаждущая процветет яко крин* (Исаии 35, 1), *зерно горушно вверженное в вертоград души его возрастет в древо велие* (Лук. 13, 19), *сквозь тлеющий покров ветхого человека* отчасу более *совлекаемый* будет просиявать *новый человек созданный по Богу в правде и подобии истины* (Кол. 3, 9; Еф. 4, 24) и дух святыни дышать будет во всех его способностях и действиях.

Так, исполненный Духа Свята человек непотемненному предразсудками оку представляет такой образ совершенства, пред которым как тень исчезает все то, что мир называет прекрасным и высоким. Благодать превращает в безценное сокровище все, к чему ни коснется в человеке ей преданном. Именно: 1) в уме облагодатствованного человека сияет дух премудрости, — не той премудрости, которою сыны века сего, по словам Спасителя, преимуществуют *в роде своем* (Лук. 16, 8), то есть, которая научает их быть изобретательными в способах и ловкими в случаях к снисканию временных выгод и к умножению своего достоинства не столько действительно в себе самих, сколько во мнении других, — но премудрости *духовно востязавшей вся* (1 Кор. 2, 15), дабы все обратить в средство к единому вечному благу души. 2) Его волю движет дух свободы: ибо *закон Духа жизни*

о Христе Иисусе свободил его от закона греховного и смерти, который дает своим рабам столько тяжких владык, сколько есть нужд и прихотей, страстей и привычек. 3) В глубине сердца его почивает дух утешения и мира всяк ум превосходящего (Фил. 4, 7), которого Иисус Христос подает ученикам Своим не якоже мир дает (Иоан. 14, 27): ибо мир мира есть краткая дремота под шумом опасной бури, безопасность, основанная на неведении, так что радостные восклицания: "мир и утверждение!" иногда прерывает внезапно нападающее всегубительство (1 Сол. 5, 3); напротив того, мир даруемый Христом, утверждается на непоколебимой уверенности, в примирении с Богом, так что христианин в самых искушениях, скорбях и опасностях не стужает си, но и в смерть предается мирно, в уверенности что еже ныне легкое печали по преумножению в преспеяние тяготу вечные славы соделовает (2 Кор. 4, 8—17). 4) В нем обитает дух величия, которое не есть ни слепая отважность, ни гордость, покрытая пышностью, ни блеск естественных добродетелей нечистых в своем источнике: но истинная возвышенность мыслей, занятых Богом; обширность видов, ограничивающихся одною вечностью, благородство чувствований, рожденных и воспитанных словом Божиим. 5) В нем обитает дух смирения, которое среди богатства благодати Божией усматривает в себе одну бедность и недостойнство, дабы тем более величать Господа; между тем как невозрожденные Духом Божиим в самых недостатках своих стараются находить нечто великое, самым унижением просят себе почтения, пресмыкаются, чтоб подавлять других. 6) В нем обитает дух силы, с которою христианин не есть более

онный человек безсильный, пленник собственных чувств, со всех сторон открытй нападениям врага, побежденный прежде сражения, и чтоб усмирить одну страсть, покоряющийся другой: но — *добрый воин, облеченный во вся оружия Божия* (1 Тим. 1, 18; 2 Тим. 2, 3; Ефес. 6, 11), *могущий вся о укрепляющем его Иисусе Христе* (Фил. 4, 13), силою восхищающий царствие Божие (Мф. 11, 12).

О несравненное счастье — быть сосудом, жилищем, орудием Духа Божия! О блаженство на земли небесное! О таинство, в котором скрывается все, чего ищет дух человеческий и о чем *вся тварь совоздыхает и соболезнует!* (Рим. 8, 22).

Христиане, общники даров и обетований благодатных! Не вознерадим о благодати Божией! Взыщем ее познанием, и признанием нашей немощи и греховности, молитвою, поучением в слове Божием, общением таинств веры, искренним желанием жить по заповедям Христовым; примем ее верою и готовностью повиноваться ее внушениям; сохраним — верностию и постоянством в последовании ее руководству. Благодать сама будет нам тайною помощницей в наших ради ее подвигах и увенчает их. По увещанию Апостола, *да приступаем с дерзновением к престолу благодати, да примем милость и благодать обрящем, во благовременну помощь* (Евр. 4, 16).

Слава Господу Богу, Дателю благодати Отцу и Сыну и Святому Духу, во веки.

Глава двадцать первая

ДОЛГ ХРИСТИАН УБЛАЖАТЬ И ПРОСЛАВЛЯТЬ БОГОМАТЕРЬ

Христиане! Чем совершеннее удостоверяемся мы, что слава Богоматери в Церкви есть устроение Божие и что наш долг — ублажать и прославлять Ее есть определение Божие*: тем тщательнее, тем вернее должна быть исполнена эта обязанность наша.

Ублажаем Приснодеву. Искренно ли? Не с лестью ли? Презренна лесть и между живущими на земле, которых впрочем она иногда обманывает; но живущую на небе и видящую во свете всевидящего Бога и обмануть невозможно. Скажут: возможно ли льстить там, где самая высокая похвала остается ниже своего предмета? Отвечаем: льстим, если хвалим то, чего внутренно не уважаем. Итак: ублажая Приснодеву, чтим ли девство? Уважаем ли целомудрие? Храним ли чистоту? Ненавидим ли нечистоту? Ревнуем ли о своем очищении?

* Сократ.

Ублажаем в Храме Препоблагословенную Матерь Божию: но не делают ли противного сему некоторые дома? Не оскорбляют ли благословенных имен отца и матери дети — неповиновением или непочтительностью? а и сами родители — пренебрежением родительских обязанностей и добродетелей?

Прославляем в Храме высокую в смирении, глубокую в молчании Мариам: но не там же ли с нами наша гордость, наше тщеславие, наша суетность, наша разсеянность к празднословию? И молва страстей не заглушает ли в нашем сердце славословий наших устен?

С Елизаветою *блажим* веровавшую и чрез то введшую в мир Начальника веры, чудимся Богоблагодатной, величаем чудодействующую: но тщательно ли храним безценный залог веры, которая и нас может привести к блаженству? Ищем ли благодати, не говорю — видимо чудодейственной, которая не всем дается, как и не для всех нужна, но благодати внутренно возрождающей, созидающей в нас сердце чистое, обновляющей в нас дух правый, содейвающей нас новою во Христе тварию? Не живем ли, напротив, небрежно и безпечно в растлении природы, в ветхом человеке, в делах плоти, в заботах или забавах мира, с праздным именем веры неоплодотворенной любовью и добрыми делами и потому не могущей ни родить в нас блаженства внутреннего, ни возродить нас в блаженство небесное?

Не красна похвала в устах грешника. Если желаем достойно ублажать Пресвятую Матерь Божию: то да возлюбим всем сердцем Ея достоинства и добродетели; возлюбив, да поревнуем, по возможности, в жизни следовать тому, что мыслию и словом ублажаем. В таком

расположении утвердиться да поможет нам Сама ублажаемая нами, данною Ей благодатию и могущественными Ея молитвами к Сыну Ея и Богу, единосущному и прославляемому со Отцем и Святым Духом, во веки.

Радостно, с праведною Елисаветою, можем сказать и мы: *откуда* нам сие, *да придет Мати Господа нашего к нам?* (Лук. 1, 43). Какой это незаслуженный и по недостойнству нашему неожиданный дар, что мы имеем сродную нам по естеству Матерь Господа нашего, и что Сам Господь дивно приблизился к нам, приискренне приобщившись нашего естества, наших немощей и наших болезней, кроме греха, даже нашей смерти, чтобы, приняв оные на Себя, взамен того подать нам жизнь и силу, чтоб нашей вере не далеко и не трудно было искать Господа нашего и обретать Его благодать, — при предстательстве Матери Его, Матери света, любви и милосердия?!

Ч. I; 192. — Ч. III; 35.

+

Достойно есть, яко воистинну,
блажити Тя Богородицу, приснов-
лаженную и пренепорочную и Ма-
терь Бога нашего.

Честнейшую Херувим и слав-
нейшую без сравнения Серафим,
без истления Бога — Слово рожд-
шую, сущую Богородицу Тя ве-
личаем.

+ + +

Кто Тебе не ублажит, Пресвя-
тая Дево; кто ли не воспоет Тво-
его пречистаго рождества; безлет-
но бо от Отца возсиявый Сын еди-
нородный, тойже от Тебе Чистая
пройде, неизреченно воплощся: ес-
теством Бог сый, и естеством быв
человек нас ради, не во двою лицу
разделяемый, но во двою естеству
неслитно познаваемый. Того моли,
Чистая, всеблаженная, помилова-
тися душам нашим.

Прими, всеблаготворная пречистая госпоже Владычице Богородительнице, сия честные дары Тебе единой прикладные, от нас недостойных рабов Твоих, от всех родов избранная, всех тварей небесных и земных высшая являющаяся. Понеже во Тебе ради бысть Господь сил с нами, и Твоею Сына Божия познахом, и сподобихомся святого тела Его и пречистые крове Его; темже блаженна еси в родех родов Богоблаженная, Херувимов светлейши и Серафимов честнейши сущая. И ныне, всепетая пресвятая Богородице, не престай молящися о нас недостойных рабах Твоих, еже избавитися нам от всякаго совета лукаваго и от всякаго обстояния: и сохранитися нам неврежденным от всякаго ядовитаго прилога диавольскаго. Но даже до конца молитвами Твоими неосужденных нас соблюди: яко да Твоим заступлением и помощью спасаеми, славу, хвалу, благодарение и поклонение, за вся, в Троице единому Богу и всех Создателю возсылаем ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СОДЕРЖАНИЯ

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
Глава 1	12
§ 1. Божественное предопределение и предвозвещение о Семени Жены — о приснодевстве Богоматери	12
§ 2. Исполнение сего предопределения	15
Глава 2	21
§ 1. Духовное совершенство Богоматери	21
§ 2. Пророчество о сем	22
Глава 3 О воспитании Богоматери:	25
§ 1. Введение во Храм	25
§ 2. О посте Богоматери	26
§ 3. Об изучении слова Божия	27
Глава 4 Высочайшая степень веры Богоматери	28
Глава 5 Послушание веры Богоматери	33
Глава 6 Преданность Богу	39
Глава 7 О смущении и средстве против него. Духовная мудрость Богоматери	41
Глава 8 Смирение Богоматери	47
Глава 9 О молчании и сокровенной в Боге жизни Богоматери	49
Глава 10 Воля Божия о сокрытии славы Богоматери во время земной Ея жизни	59
Глава 11 Бедность, простота и нестяжательность	

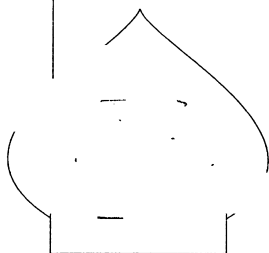
	в земной жизни Богоматери	65
Глава 12	Скорби и страсти Богоматери в земной Ея жизни. Мужество и терпение в скорбях	68
Глава 13	Памятование смерти, приготовление к вечной жизни	72
Глава 14	Пророчество Богоматери	74
Глава 15	Слава Богоматери в Ея успении:	82
§ 1.	Обстоятельства успения и погребение Божией Матери	82
§ 2.	Пророчество о вечной судьбе Богоматери	88
§ 3.	Вечная Божественная слава и вечное в Боге блаженство Богоматери	90

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 96

Глава 1	О подражании добродетелям Богоматери. Пророчество о сем	97
Глава 2	О воспитании	101
Глава 3	О поучении в слове Божиим	102
Глава 4	О посте	103
Глава 5	О девстве	105
Глава 6	О вере	110
Глава 7	Послушание веры	114
Глава 8	Преданность Богу	118
Глава 9	О смирении	126
Глава 10	О смущениях и средстве против них	129
Глава 11	Духовная мудрость	133
Глава 12	О богомудром принятии таин и откровений Божиих	135
Глава 13	О молчании духовном	138

Глава 14	О сокровенной в Боге жизни	141
Глава 15	Об отречении от земного родства для дела Божия	145
Глава 16	Бедность, простота и нестяжательность в земной жизни	148
Глава 17	О скорбях и страданиях в земной жизни	151
Глава 18	Мужество и терпение в скорбях	159
Глава 19	О смерти:	161
§ 1.	Смерть — сон	161
§ 2.	Памятование о смерти, приготовление к вечной жизни	165
§ 3.	Урок от гроба Богоматери	169
Глава 20	О благодати	171
Глава 21	Долг Христиан ублажать и прославлять Богоматерь	181

Православное

Православное издательское агентство

авторов и обладателей прав на произведения православной литературы

поможет в публикации имеющихся у Вас материалов силами ведущих православных издательств России

также рассмотреть предложения владельцев редких дореволюционных изданий православной тематики

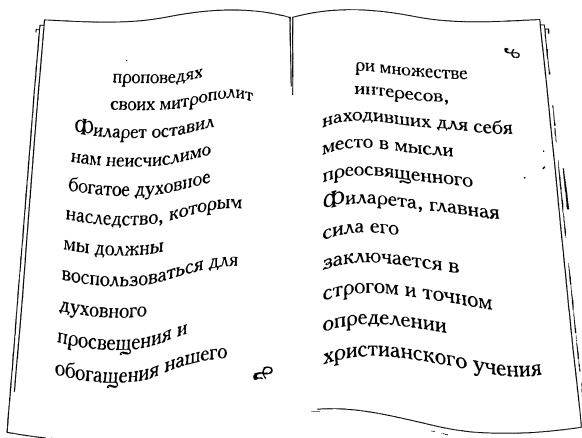
Размещение аннотации Вашего издания в каталоге агентства -

ЛР № 064569 от 5. 05. 96 г.
Подписано в печать 14.10.96 г. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Печ. л. 6. Тираж 15000. Зак. 351

АО «Форма-Пресс», 113525, Москва, ул. Литвина-Седого, 13.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ИПО Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.
Плр № 050003 от 19.10.94 г.

с е р и я
Православное слово

издание
Православного литературного агентства
«ЕЛЕОН»